

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024 Том 24 № 1

В номере: Международные и региональные исследования: от теории к практике

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное

учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

К.П. Курьлев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь

М.М. Агазаде,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

кандидат исторических наук **М.М. Агазаде** (история), РУДН, г. Москва, РФ; кандидат исторических наук **М.А. Никулин** (политика, экономика), РУДН, г. Москва, РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Джс., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навишта Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, директор, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабза Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringsskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2024–2025 гг. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 3 2024	Глобальная стратегия КНР	До 1 января 2024 г.	До 15 апреля 2024 г.
№ 4 2024	Сохранение идентичности в глобальном мире	До 1 марта 2024 г.	До 15 июня 2024 г.
№ 1 2025	Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности в условиях формирования многополярного мира	До 1 июля 2024 г.	До 15 ноября 2024 г.
№ 2 2025	Трудный путь от биполярности к многополярному мироустройству: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне	До 1 ноября 2024 г.	До 15 января 2025 г.
№ 3 2025	Отмечая 70-летие Бандунгской конференции: эволюция роли стран Азии и Африки в мировой политике	До 1 января 2025 г.	До 15 апреля 2025 г.
№ 4 2025	Гуманитарные аспекты современных международных отношений	До 1 марта 2025 г.	До 15 июня 2025 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова

Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 19.03.2024. Выход в свет 28.03.2024.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 7. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2024

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2024 VOLUME 24 No. 1

In this issue: **International and Regional Studies: From Theory to Practice**

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russia
agazade-mm@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

PhD in History *Mirmehdi M. Aghazada* (History), RUDN University, Moscow, Russia; PhD in History *Maxim A. Nikulin* (Politics, Economics), RUDN University, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2024–2025 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
No. 3 2024	China's Global Strategy	By January 1, 2024	By April 15, 2024
No. 4 2024	Preserving Identity in a Global World	By March 1, 2024	By June 15, 2024
No. 1 2025	Traditional and Non-Traditional Security Threats in the Context of the Formation of a Multipolar World	By July 1, 2024	By November 15, 2024
No. 2 2025	The Difficult Path from Bipolarity to a Multipolar World Order: To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War	By November 1, 2024	By January 15, 2025
No. 3 2025	Celebrating the 70th Anniversary of the Bandung Conference: The Evolving Role of Asian and African Countries in World Politics	By January 1, 2025	By April 15, 2025
No. 4 2025	Humanitarian Aspects of Modern International Relations	By March 1, 2025	By June 15, 2025

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor *I.L. Pankratova*

English text editors *A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova*

Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Международные и региональные исследования: от теории к практике

Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции	7
Крылов А.В., Микаелян А.А. Израиль в контексте «новой биполярности»	23
Абдуллаев Г.П. Между миром и конфликтом: Ближний Восток после «Авраамовых соглашений»	40
Арсентьева И.И. Цифровой Шелковый путь КНР: вызовы и возможности для региона Латинской Америки и Карибского бассейна	51
Калинин Р.Р., Юань Юэ, Беденко В.М. Зона возможного соглашения по ядерной проблеме Корейского полуострова.....	65

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Старикова М.Н., Курьлев К.П., Черешнева Л.А. Сотрудничество между СССР и Индией в 1950–1960-е гг.: первые визиты молодежи и студентов	80
---	----

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Лихачев К.А. Особенности политики правительства Индии в сфере экспорта вооружений в контексте реформирования военно-промышленного комплекса	92
---	----

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Гребенюк А.А., Протасова В.А., Аверьянов А.А. Отношение трудовых мигрантов из Центральной Азии к международным интеграционным объединениям на постсоветском пространстве	107
--	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Перская В.В., Морковкин Д.Е., Чупин А.Л., Мамедов Т.Н., Зверева А.Д. Трансформация региональных торговых соглашений в условиях перехода к полицентризму	126
Булатов А.С., Габарта А.А., Сергеев Е.А. Опыт ведущих глобальных городов Европы по привлечению иностранных капиталовложений и трудовых мигрантов: возможности использования в России.....	142

РЕЦЕНЗИИ

Безбородов Ю.С., Халафян Р.М., Ведель И.А. Рецензия на книгу: Müllerson R. Living in Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer. London: Austin Macauley Publishers, 2021. 219 p.	159
Никулин М.А. Рецензия на книгу: Stevenson J. Overseas Bases and US Strategy: Optimising America’s Military Footprint. Abingdon: Routledge, 2022. 140 p.	163
Медушевский Н.А. Рецензия на книгу: To Write the Africa World / ed. by A. Mbembe, F. Sarr. Cambridge; Hoboken, NJ: Polity Press, 2023. 324 p.	167
Суфиянова Г.Р., Муслимова Е.О. Рецензия на книгу: Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities / ed. by F. Roumate. Cham: Springer, 2021. 255 p.	171

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: International and Regional Studies: From Theory to Practice

Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E. Turkish Balance, or Türkiye's Foreign Policy Strategy in the Black Sea Region Following the Special Military Operation	7
Krylov A.V., Mikaelian A.A. Israel in the Context of the "New Bipolarity"	23
Abdullayev H.P. Between Peace and Conflict: The Middle East After the Abraham Accords	40
Arsentyeva I.I. China's Digital Silk Road: Challenges and Opportunities for Latin America and the Caribbean	51
Kalinin R.R., Yuan Yue, Bedenko V.M. Exploring the Zone of Possible Agreement on the Nuclear Issue of the Korean Peninsula	65

INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

Starikova M.N., Kurylev K.P., Cheresheva L.A. Cooperation Between the USSR and India in the 1950–1960s: The First Youth and Student Visits	80
---	----

INTERNATIONAL SECURITY

Likhachev K.A. Key Aspects of India's Arms Export Policy amid Military-Industrial Complex Reform	92
---	----

APPLIED ANALYSIS

Grebenyuk A.A., Protasova V.A., Averyanov A.A. Attitudes of Labor Migrants from Central Asia to International Integration Organizations in the Post-Soviet Space	107
---	-----

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Perskaya V.V., Morkovkin D.E., Chupin A.L., Mamedov T.N., Zvereva A.D. Transition to Polycentrism and the Transformation of Regional Trade Agreements	126
Bulatov A.S., Habarta A.A., Sergeev E.A. Experience of Leading European Global Cities in Attracting Foreign Direct Investments and Labor Migrants: Opportunities for Use in Russia	142

BOOK REVIEWS

Bezborodov Yu.S., Khalafyan R.M., Vedel I.A. Book review: Müllerson, R. (2021). <i>Living in Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer</i> . London: Austin Macauley Publishers, 219 p. (In Russian)	159
Nikulin M.A. Book review: Stevenson, J. (2022). <i>Overseas Bases and US Strategy: Optimising America's Military Footprint</i> . Abingdon: Routledge, 140 p. (In Russian)	163
Medushevsky N.A. Book review: Mbembe, A., & Sarr, F. (Eds.). (2023). <i>To Write the Africa World</i> . Cambridge; Hoboken, NJ: Polity Press, 324 p. (In Russian)	167
Sufiyanova G.R., Muslimova E.O. Book review: Roumate, F. (Ed.). (2021). <i>Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities</i> . Cham: Springer, 255 p. (In Russian)	171

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
Международные и региональные исследования:
от теории к практике

THEMATIC DOSSIER:
International and Regional Studies: From Theory to Practice

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22

EDN: DHSPMY

Научная статья / Research article

**«Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции
в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции**

А.А. Ирхин , О.А. Москаленко , Н.Э. Демешко

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

 alex.irhin@mail.ru

Аннотация. Черноморский регион (ЧР) в различных его геополитических конфигурациях является зоной приоритетных интересов турецкой элиты. До Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) Черное море рассматривалось как «гарем султана». Являясь, по сути, полуостровом между Средиземным и Черным морями, Турция заинтересована в сохранении контроля над черноморским пространством либо в разделении ответственности с другой сильной державой, имеющей выход к Черному морю. Цель исследования — выявить и изучить внешнеполитическую стратегию Турции в отношении ЧР как одного из ключевых геополитических пространств для национальных интересов Анкары. При этом под внешнеполитической стратегией понимается долговременный механизм субъекта в отношении объектов и конкурирующих субъектов, направленный на достижение как можно более выгодного пространственного положения, которое достигается с помощью военных и невоенных средств с применением соответствующих ресурсов с учетом фактора своевременности. В рамках достижения поставленной цели решаются конкретные задачи: выявлены устойчивые характеристики турецкой внешней политики, сформированные историческим опытом и географией, которые лежат в основе внешнеполитической стратегии Анкары; показано и исследовано стратегическое видение турецкой элиты в отношении ЧР; раскрыты механизмы влияния на регион внешних геополитических субъектов и сочетание этих механизмов с турецкими национальными интересами. Авторы вводят понятие «турецкий баланс» как механизм внешнеполитической стратегии Турции, главной целью которого является встраивание в логику и алгоритмы внешнеполитических балансов более сильных держав с взаимным их противопоставлением и дальнейшим уравниванием. Это позволяет Турции получать максимальные геоэкономические и геополитические дивиденды. Методология исследования представлена системным, геополитическим и цивилизационным подходами. Учитывая роль ЧР в военно-политической динамике с февраля 2022 г., механизмы внешнеполитической стратегии Турции в отношении региона приобретают для РФ первостепенный характер в различных направлениях национальной безопасности. Авторы принимают точку зрения, что февраль 2022 г. является инерцией развития марта 2014 г. и глубже —

© Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

отложенным кризисом 1991 г., вызванным дезинтеграцией СССР. Однако именно начало специальной военной операции (СВО) вывело военно-политическое противостояние на глобальном и региональном уровне в формат открытого противостояния. Россия бросила открытый вызов Западу и его системе союзников.

Ключевые слова: геополитика Черноморского региона, региональные державы, российско-турецкие отношения, баланс сил

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00917, <https://rscf.ru/project/23-28-00917/>.

Для цитирования: Ирхин А. А., Москаленко О. А., Демешко Н. Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 7–22. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22>

Turkish Balance, or Türkiye's Foreign Policy Strategy in the Black Sea Region Following the Special Military Operation

Aleksandr A. Irkhin , Olga A. Moskalenko , Natalia E. Demeshko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

 alex.irhin@mail.ru

Abstract. The Black Sea region in its various geopolitical configurations is a zone of priority for the Turkish elite. Prior to the Treaty of Küçük Kaynarca (1774), the Black Sea was regarded as the “Sultan’s harem.” Being essentially a peninsula between the Mediterranean and Black Sea, Türkiye is interested in maintaining control over the Black Sea space or in sharing it with another strong power having access to it. The authors aim to identify and explore Türkiye’s foreign policy strategy in relation to the Black Sea region as one of the key geopolitical spaces for Ankara’s national interests. The foreign policy strategy is understood as a long-term mechanism of the subject in relation to objects and competing subjects, which aims to achieve the most favorable spatial position with the help of military and non-military means and appropriate resources, taking into account the timeliness factor. The article solves specific tasks: it identifies the stable characteristics of Turkish foreign policy, shaped by historical experience and geography, which underlie Ankara’s foreign policy strategy; it shows and studies the strategic vision of the Turkish elite in relation to the Black Sea region; it reveals the mechanisms of influence of external geopolitical subjects on the region and the combination of these mechanisms with Turkish national interests. The concept of Turkish balance is introduced as mechanism of Türkiye’s foreign policy strategy whose main purpose is to integrate stronger powers into the logic and algorithms of foreign policy balances of stronger powers with their mutual opposition and further balancing act, which allows Türkiye to receive maximum geo-economic and geopolitical dividends. The research methodology is represented by systemic, geopolitical and civilizational approaches. Given the role of the Black Sea region in the military-political dynamics since February 2022, the mechanisms of Türkiye’s foreign policy strategy in relation to the region are becoming crucial for Russia in various areas of national security. Authors propagate that February 2022 is the inertia of the events of March 2014 and deeper, of the postponed crisis of 1991 caused by the disintegration of the USSR. However, it was the beginning of the special military operation that brought the military and political confrontation at the global and regional levels into the format of open confrontation. Russia has challenged the West and its system of allies.

Key words: geopolitics of the Black Sea region, regional powers, Russian-Turkish relations, balance of power

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00917, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00917/>).

For citation: Irkhin, A. A., Moskalenko, O. A., & Demeshko, N. E. (2024). Turkish balance, or Türkiye's foreign policy strategy in the Black Sea region following the special military operation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 7–22. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22>

Мы не повторим ошибок, допущенных после Второй мировой войны и холодной войны, — на этот раз мы воспользуемся возможностью, которая стучится в дверь нашей страны¹.

Р.Т. Эрдоган

Введение

Современная Турецкая Республика является региональной державой в трех ключевых регионах Евразии: на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморском регионе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии, — которая стремится получить статус мировой державы.

Специальная военная операция (СВО) России на Украине открыла новый этап внешней политики Анкары в отношении Черноморского региона (ЧР). Решение Турции перекрыть Черноморские проливы, прозвучавшее 27 февраля 2022 г. со ссылкой на 19 статью Конвенции Монтрё, предполагает активную, пусть и опосредованную, вовлеченность Турции в конфликт и одновременно повышает геополитическую роль Турции как региональной и мировой державы. Фактор проливов вновь вывел Анкару в пул влиятельных акторов, компенсировав ее ресурсную ограниченность. Турецкий исследователь М. Акгюн подчеркивает, что Конвенция Монтрё 1936 г. и в наше время связывает невидимыми нитями Россию и Турцию. Положения документа отвечают их обоюдным интересам: «Пересмотр во многом в техническом плане устаревшей конвенции может вызвать нежелательные и неожиданные для обеих стран последствия» (Акгюн, 2003, с. 45).

Цель исследования — выявить и изучить внешнеполитическую стратегию Турции в отношении ЧР как одного из ключевых геополитических пространств для национальных интересов Анкары. ЧР является транзитным

пространством, связывающим два других приоритетных района для турецкой внешней политики — Центральную Азию и Южный Кавказ, Ближний и Средний Восток, — но при этом он служит «задним двором» турецкой державы.

Под внешнеполитической стратегией понимается долговременный механизм субъекта в отношении объектов и конкурирующих субъектов, направленный на достижение как можно более выгодного пространственного положения с помощью военных и невоенных средств с применением соответствующих ресурсов с учетом фактора своевременности (Юрченко, 2001; Ирхин, 2012).

В рамках достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1) выявляются устойчивые характеристики турецкой внешней политики, сформированные историческим опытом и географией, которые лежат в основе внешнеполитической стратегии Анкары;

2) исследуется стратегическое видение турецкой элиты в отношении Черноморского региона;

3) раскрываются механизмы влияния на регион внешних геополитических субъектов в контексте национальных интересов Турции.

Объектом исследования является внешнеполитический курс Турецкой Республики на региональном и глобальном уровне, предметом — реализация курса Турции в отношении Черноморского региона в рамках внешнеполитической стратегии после начала специальной военной операции России.

Рабочая гипотеза исследования состоит в следующем: в отношении Черноморского региона Турция реализует внешнеполитическую логику уравнивания и гибкого балансирования между глобальными и региональными акторами с постоянным повышением своей региональной роли и статуса на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморском регионе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Для обозначения этой логики

¹ “Türkiye'nin Salgının Önlenmesinde Örnek Alınan Bir Konuma Gelmesi Hepimizin Ortak Başarısıdır” // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. 28.05.2020. URL: <https://www.tcgb.gov.tr/haberler/410/120316/-turkiye-nin-salginin-onlenmesinde-ornek-alinan-bir-konuma-gelmegi-hepimizin-ortak-basarisidir> (accessed: 25.03.2023).

авторы вводят понятие «турецкий баланс» (по примеру выделенных Г. Киссинджером «французского баланса» и «британского баланса»²), под которым понимается механизм внешнеполитической стратегии Турецкой Республики, нацеленный на встраивание в логику и алгоритмы внешнеполитических балансов более сильных держав с взаимным их противопоставлением и дальнейшим уравновешиванием. Это позволяет Турции получать максимальные геэкономические и геополитические дивиденды в рамках обозначенной динамической системы.

В настоящее время «турецкий баланс» в ЧР направлен на сохранение силового status quo, установившегося после 1991 г. Дезинтеграция СССР сформировала благоприятную политическую ситуацию для державного возрождения Турции, когда по периметру турецких границ появились более слабые государства (за исключением Ирана), которые сформировали естественный буфер безопасности для Анкары. Поэтому сохранение сложившегося после 1991 г. равновесия на постсоветском пространстве путем консервации существующих межгосударственных границ является одной из ключевых задач Турции (Aktürk, 2020). Из этой логики следует, что нарушение данной политической географии какой-либо державой или коалицией противоречит интересам Турции, которая будет всячески противодействовать этому.

Методология исследования представлена системным, геополитическим и цивилизационным подходами.

² *Французский баланс* (raison d'état) предполагает непосредственное участие субъекта в одном из реализуемых балансов. *Британский баланс* представляет собой разыгрывание различных комбинаций без непосредственного участия субъекта: только когда ситуация приобретает критический характер, субъект вступает в игру на той стороне, за счет которой можно в наибольшей мере реализовать свои национальные интересы; после победы над соперником выстраиваются новые балансы, цель которых — не допустить чрезмерного усиления одной из сторон за счет победы над другой (Киссинджер, 2018, с. 45–88).

Новая роль Черноморского региона в региональной и мировой политике

Научное исследование Черноморского региона является приоритетным для ученых Турецкой Республики, США, Великобритании, Румынии, Болгарии, Греции и Украины. Долгое время в российском научном дискурсе Черноморский регион отрицался как объект и предмет научного анализа в контексте национальных интересов. Как отмечает И. Цантулис, «хотя концепция региона, даже само озвучивание его названия стали важным внешнеполитическим инструментом в период после холодной войны, идея региона вокруг Черного моря вызвала подозрение, если не сказать сопротивление у элит региона, преимущественно российских и турецких, поскольку они воспринимали это пространство как исторически зону своего влияния и интересов. В случае России концепция „ближнего зарубежья“ имеет серьезную геополитическую подоплеку» (Tsantoulis, 2016, p. 149). Пятидневный российско-грузинский конфликт 2008 г. несколько поменял акценты научных интересов, однако не существенно: Черноморский регион как политическая реальность, где должна присутствовать Россия, по-прежнему отрицается. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. добавляет песка на чашу суверенизации российской гуманитаристики, но не радикально.

В этом контексте в рамках предмета исследования необходимо принимать во внимание, что документы, раскрывающие содержание внешнеполитической стратегии Турции, являются закрытыми, однако, учитывая географию, историю, менталитет турецкой элиты и населения, внешнеполитическое окружение, представления о будущем, содержание партийных программ и политическую историю страны, предполагается, что руководство Турции опирается на устойчивые параметры политического курса.

Исследование геополитики ЧР ставит вопрос о подходах к определению его границ. На основе наиболее очевидного прибрежного принципа регион рассматривают как включающий семь государств с выходом к Черному морю: Россию, Турцию, Украину, Грузию,

Болгарию, Румынию и Молдову (через порт Джурджулешты). В логике концепции больших пространств 2000-х гг. из соображений политической и экономической безопасности черноморскую территорию связывали с территорией Кавказа, Каспия, Восточной и Юго-Восточной Европы (Aydin, 2004, p. 6).

Черноморское пространство рассматривается экспертами и как часть Черноморско-Каспийского региона, включающего Азербайджан, Болгарию, Армению, Грузию, Иран, Казахстан, Киргизию, Молдову, Россию, Румынию, Таджикистан, Турцию, Туркменистан, Узбекистан и Украину (Максименко, 2005, с. 137). Ряд исследователей оперирует понятием «Балтийско-Черноморское пространство» или «Балтийско-Черноморский регион», понимая под ним либо естественный регион, либо искусственную геополитическую конструкцию (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 500).

В попытках выделения ЧР проявился и институциональный подход, связанный с деятельностью Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), состоящей из 12 государств. Именно в ОЧЭС в 2004 г. впервые прозвучал термин *Wider Black Sea Area*, подразумевающий вовлечение не только прибрежных государств, но и прилегающих к ним, связанных культурно, политически и экономически. Как отмечает И. Цантулис, в ОЧЭС тогда стремились избежать разделения участников на западный/евроатлантический лагерь и лагерь бывших советских республик — особенно в отношении России (Tsantoulis, 2016, p. 113).

Примерно в то же время Германский фонд Маршалла ввел понятие Большого Черноморского региона (*Wider Black Sea Region*): в разработанной Р. Асмусом (*A New Euro-Atlantic Strategy...*, 2004; Асмус, 2007) концепции подразумевалось создание зоны реализации евроатлантической стратегии, не ограниченной только прибрежными государствами, а соединенной с другими регионами. Регион (Россия, Украина, Турция, Грузия, Армения, Азербайджан, Болгария, Румыния, Молдова и Греция) охватывал все прибрежные государства и государства Южного Кавказа в связи с «евроазиатским энергетическим коридором», соединяющим Евро-

Атлантическое сообщество с энергоресурсами Каспия и Центральной Азии (Асмус, 2007). Происходящее в Черном море уже тогда воспринималось не как сугубо черноморский вопрос, а как глобальный (Tsantoulis, 2016, p. 114).

Запад изначально конструировал ЧР не по географическому принципу, а с точки зрения целей евроатлантической стратегии (Tsantoulis, 2016, p. 201): регион рассматривался как ключевой компонент стратегической периферии Запада, расположенный в эпицентре его стремлений проецировать влияние на большее европейское пространство и на Большой Ближний Восток³, при этом термины «Большой Черноморский регион» (*Wider Black Sea region*) или «Черноморско-Каспийский регион» (*Black Sea-Caspian region*) использовались на равных.

После 2014 г. в российском научном политологическом дискурсе стало фигурировать понятие «Большое Средиземноморье» в качестве геополитической единицы, объединяющей черноморское пространство со средиземноморским. На практическом уровне эта концепция отражала последствия и преимущества процессов воссоединения Крыма с Россией, а на теоретическом — должна была объяснить перспективы и пределы возвращения России к активной внешней политике в Черноморско-Средиземноморском и сопредельных регионах. Автором этой концепции является известный московский политолог И.А. Чихарев, к сожалению, ушедший из жизни в 2023 г. Непродолжительный период И.А. Чихарев работал в Севастопольском государственном университете, где в 2017–2019 гг. он и сформулировал концепцию Большого Средиземноморья. ЧР в этом контексте представляется определенным сконцентрированным нервным узлом региона Большого Средиземноморья (Столетов и др., 2019; Чихарев, 2021a; 2021b).

В настоящее время значительный вклад в разработку понятия «Большое Средиземноморье» вносят коллективы под научным

³ Asmus R., Jackson B. *The Black Sea and the Frontiers of Freedom* // Hoover Institution. June 1, 2004. URL: <https://www.hoover.org/research/black-sea-and-frontiers-freedom> (accessed: 29.03.2023).

руководством Д.А. Дегтерева (Большое Средиземноморье..., 2023), А.А. Ирхина (Нечаев и др., 2019; Irkhin & Moskalenko, 2020) и др. Концепция цифрового регионоведения Большого Средиземноморья, представленная в 2018 г. И.А. Чихаревым и В.Ю. Бровко (Чихарев, Бровко, 2018), стала основой для разработки проекта «Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья» в Севастопольском государственном университете в 2021–2023 гг.

Таким образом, можно выделить как минимум шесть геополитических конфигураций ЧР:

- 1) Черноморский регион как регион семи прибрежных государств;
- 2) Большой ЧР как включающий прибрежные страны плюс Азербайджан и Армения;
- 3) Балтийско-Черноморский регион;
- 4) Балто-Черноморско-Каспийский регион;
- 5) Черноморско-Каспийский регион;
- 6) Черноморский регион как нервный узел Большого Средиземноморья.

Западные геополитические конфигурации региона определяются логикой безопасности. И. Цантулис предлагает резюмировать их в виде схем, представленных на рис. 1.

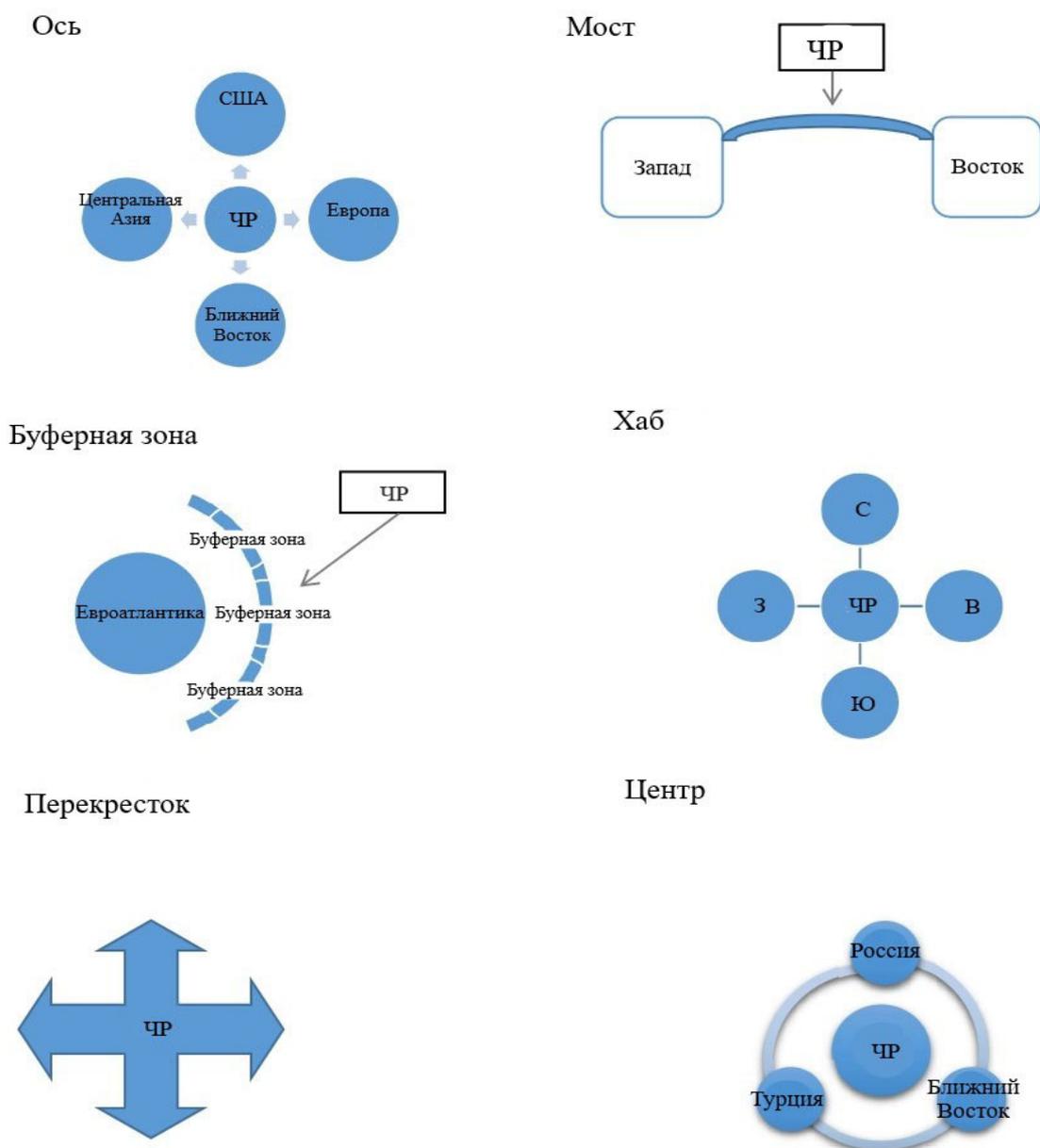

Рис. 1. Пространственные репрезентации геополитики Черноморского региона с точки зрения Запада
 Источник: (Tsantoulis, 2016, p. 203).

Таким образом, с точки зрения логики внешних субъектов ЧР рассматривается как геополитическая ось (пространство, по своему значению и роли в политической истории близкое к роли центра маккиндеровского Хартленда и находящееся на цивилизационном разломе (Aydin, 2004, p. 5)), мост между Западом и Востоком (логика сотрудничества в области энергетики, безопасности, экономики и культуры), буферная зона (санитарный кордон между великими державами, защищающий от вторжения варваров (Cioculescu, 2013, pp. 1–2)); граница между порядком и хаосом (Walters, 2004; Tunander, 1997), хаб (политический и логистический, для проецирования силы на подверженные кризисам регионы вне черноморского бассейна (Lesser, 2007)), перекресток и средоточие интересов (географически расположенный на пересечении европейского, евразийского и ближневосточного пространств безопасности)⁴.

Значительный вклад в понимание геополитики ЧР через его генезис и циклы внес крымский ученый А.Р. Никифоров. Обращают на себя внимание две составляющие его теории.

Во-первых, в Черноморском регионе Крым является ключевым пространством для контроля над Северным Причерноморьем, а Черноморские проливы — над Южным Причерноморьем. Имперские пространства, охватывающие регион, стремятся контролировать две эти точки: и Крым, и Проливы одновременно. Несмотря на кажущуюся простоту данного тезиса, в нем скрывается современная формула мира и стабильности в регионе, во многом поясняющая логику турецкой внешней политики и нахождение консенсусов с Россией. К этой логике мы обратимся ниже.

Во-вторых, исследователь выделяет четыре фазы цикла развития ЧР.

⁴ «Это чрезвычайно важная и чувствительная зона на краю между Хартландом и Римландом, которая имеет огромные природные ресурсы и стратегически важные транспортные и энергетические коридоры. Как сегодня, так и в будущем контроль над регионом фактически означает контроль над всей Евразией» (Гончаренко, 2005, с. 9).

1. Проникновение в Причерноморье стороннего геополитического субъекта формирует две силы и системные тенденции развития региона: морскую и сухопутную. Эти две силы взаимодействуют как в мирном, так и конфронтационном ключе (VII–V вв. до н.э. — III–V вв. н.э.: противостояние и синтез эллинско-скифского миров, равновесие которого было нарушено великим переселением народов).

2. Синтез геополитических оппонентов или их поглощение третьей силой (начало VI в. — середина XIII вв.), распространяющей свою власть на весь регион. Эта третья сила пытается захватить весь регион посредством контроля над Черноморскими проливами и Крымским полуостровом, без чего любая гегемония либо невозможна, либо оказывается неустойчивой (византийская мощь, которая замещается Османской империей (до выхода России к берегам Крыма), Черное море как «гарем султана»).

3. Поглощение Черноморского региона мировой империей полностью либо почти полностью и периферизация региона, влекущая за собой его стабилизацию путем замораживания различного рода конфликтов и объединение (византийский и османский периоды 2-й пол. XIII в. — конца XX в.).

4. Дезинтеграция региона через ослабление и дробление имперского пространства. Физически это выражается взрывным ростом числа политических субъектов внутри региона и, как следствие, дроблением береговой линии (конец XX в., первое десятилетие XXI в.). Подготавливаются условия для возвращения на первый этап цикла (Никифоров, 2008, с. 61–62).

К настоящему моменту действующих в ЧР акторов можно разделить на три группы:

1) мировые державы: США, Россия, ЕС, Китай;

2) региональные державы, представленные, прежде всего, Турцией, стремящейся войти в круг великих мировых держав;

3) более слабые акторы: Украина, Грузия и другие государства, которые являются объектами политики со стороны первой и второй групп, а также международные организации:

ОЧЭС, Североатлантический альянс, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Европейский союз (ЕС), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация за демократию и экономическое развитие, Содружество демократического выбора (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 501).

Турция и Черноморский регион

С момента заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора региональная стабильность в ЧР выстраивается главным образом вокруг отношений между Россией и Турцией с небольшим перерывом на период после Крымской войны и отмены ее итогов князем А.М. Горчаковым (1870–1871 гг.).

Украинская исследовательница Е. Габер отмечает, что логика турецкой внешней политики в Черноморском регионе сформирована двумя историческими травмами.

Во-первых, это русско-османские войны XVIII–XIX вв., доказавшие господство России в регионе. Они также создали «миф» о «великой России», чьи интересы в этой части мира «приходится учитывать» и чья подавляющая мощь вынуждает региональные государства сотрудничать с Россией.

Во-вторых, это так называемый «севрский синдром», означающий глубоко укоренившееся недоверие Турции к странам Запада, которое врезалось в коллективную память как угроза быть преданными и ослабленными Западом. Это недоверие до сих пор определяет политическую риторику турецких националистических и консервативных партий, в том числе входящих в правительственную коалицию. Во многих случаях эти настроения подкрепляются сильными антиамериканскими, антизападными и националистическими настроениями в турецком обществе или находят поддержку в инициированных Кремлем концепциях евразийства. Сторонники более тесного сотрудничества с Россией, заняв ряд должностей в турецком правительстве, получили больше формального влияния (Gaber, 2020, p. 44).

Несмотря на излишнюю идеологизированность цитируемой публикации Е. Габер, отражающей мировоззрение современной украинской элиты, можно отметить продуктивность данных выводов с точки зрения понимания логики Киева в ЧР. Однако для объективности картины эти выводы необходимо дополнить следующими тезисами.

1. Несмотря на существующее соотношение между «севрским синдромом» и двенадцатью русско-турецкими войнами, Россия не представляла реальной экзистенциальной угрозы Турции: напротив, первая два раза спасала турецкую государственность в 1833 и 1920 гг. от полного уничтожения.

2. Встраивание Турции и России в мировую (западную) капиталистическую экономику на положении периферии и полупериферии связано с необходимостью проведения догоняющей модернизации, что формирует постоянное зависимое и уязвимое экономическое, финансовое и технологическое положение, которое сказывается на политической психологии элит, стремящихся к приобщению к западному передовому центру развития.

3. У обеих держав отсутствует опыт интеграции в восточнцентричную (китаеццентричную) систему международных отношений и мировой экономики, центр которой сейчас формируется в Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако здесь есть любопытный сюжет. Османская империя, развиваясь, оказала влияние на геоэкономические трансформации всего мира, в том числе стимулируя развитие мореплавания и новые географические открытия. После завоевания Константинополя турки-османы стали доминирующей военно-морской силой в Восточном Средиземноморье и получили контроль над ключевой точкой Шелкового пути. В середине XV в. они сделали своим союзником христианскую Венецию, обеспечив себе полный контроль над Средиземным морем. Цены на пряности были подняты до небес, а европейские государства, не желая отдавать деньги туркам и венецианцам, вынуждены были искать альтернативные пути в Индию в обход Османской империи (Фридман, 2016, с. 60).

Если принимать этот тезис, то экономическое взаимодействие китайского и османского имперских пространств способствовало новым географическим открытиям и, в конце концов, появлению Соединенных Штатов Америки на политической карте мира. Однако вопрос глобального влияния и экспансии Китая, проснувшегося после долгого периода изоляционизма, когда ни Россия, ни Турция по большому счету не состоялись как великие евразийские империи и державы, ставит перед двумя элитами новые вызовы развития и видения своего будущего в быстро меняющемся мире. В 1436 г. Китай из-за сухопутной угрозы, исходящей с севера, отказался от строительства кораблей, пригодных для мореплавания, сконцентрировавшись на отражении сухопутной угрозы (Кеннеди, 2018, с. 33). В 1453 г. османы взяли Константинополь, а в 1523 г. появилась концепция монаха Филофея «Москва — Третий Рим», придавшая мощнейший идеологический импульс зарождению и становлению Российской империи.

4. М. Айдын выделяет две фундаментальные характеристики национальной элиты Турции: осадный менталитет и общее чувство незащищенности — производные ряда факторов, самым ярким из которых является уже упомянутый нами «севрский синдром». Еще одной характеристикой, формирующей психологию турецкой элиты, по мнению М. Айдына, является ощущение геополитического одиночества, что заставляет Турцию постоянно преодолевать его посредством различного рода внешнеполитических комбинаций (Aydin & Triantaphyllou, 2010; Aydin, 2020).

5. Курдский фактор является стержневым для любой турецкой элиты в независимости от партийной принадлежности и воспринимается как внутривосточный, однако одновременно он является трансграничным и формирует постоянную наступательную политику Анкары на сопредельные государства — север Ирака и Сирии, а также заставляет договариваться и согласовывать свои действия с силовой политикой своих региональных конкурентов — Сирии, Ирака и

Ирана. Великие державы используют курдский фактор не только для ослабления и моделирования внутренней и внешней политики Турции, но и против ее соперников в регионе. Создается парадоксальная ситуация, когда сильные внерегиональные державы используют курдов для сохранения и усиления своего влияния в обширном регионе Ближнего и Среднего Востока. В то же время этот фактор способствует сближению и координации действий конкурентов в лице Турции, Сирии, Ирака и Ирана.

6. Черное море и, следовательно, весь Черноморский регион продолжительный имперский период были закрытым внутренним пространством Османской империи. По мере экспансии западных держав Франция в 1535 г. и Англия в 1602 г. получили право торговать во всех морях Империи за исключением Черного моря. Принцип закрытости Черноморских проливов для всех иностранных государств был смягчен в отношении России в 1774 г. по ст. 11 Кючук-Кайнарджийского мирного договора, после чего ограничения стали сниматься в отношении торговых судов и других стран (Акгюн, 2003, с. 47). Однако речь шла только о торговых судах. Логика закрытости Черноморского бассейна для военных кораблей была более продолжительной и в результате отразилась на моделях функционирования Черноморских проливов. Эта логика закрытости Черноморского региона, воспринимаемого турецким руководством как «задний двор» страны, остается актуальной, что поясняет современные подходы Анкары к российско-турецким отношениям.

География решает многое

Современная турецкая государственность является следствием итогов Первой мировой войны, Севрского мирного договора 1920 г., национально-освободительного движения и Лозаннского мира 1923 г. На тот исторический момент это был компромисс между стремлением коллективного Запада оставить от Османской империи небольшое марионеточное государство, с одной стороны, и борьбой турецкого народа вместе с генералами за

жизненное пространство нового национального турецкого государства — с другой. В течение XX в. Турция была вынуждена лавировать между Западом и Востоком, между «севрским синдромом» и «русской угрозой», преодолевая ощущение одиночества и осадного положения турецкой элиты.

Ситуация изменилась после распада СССР, когда Анкара перешла к реализации наступательной внешней политики. На фоне временной слабости России Турция начала активно возвращать свои имперские сферы влияния в Причерноморье. Причем «увязание» России в СВО на Украине только усиливает региональные позиции Турции, однако вместе с тем грозит обрушением «турецкого баланса», поскольку США усиливают свое давление на Турцию, требуя обеспечить проход ВМС НАТО в Черное море. Иными словами, чрезмерное ослабление России противоречит логике «турецкого баланса», в рамках которого Россия служит противовесом Западу в ЧР.

Соотношение береговой линии и сухопутной границы современной Турции составляет почти один к трем в пользу морской. При этом общая береговая линия Турции — 7 200 км, а черноморская ее часть составляет 1 700 км (для сравнения: средиземноморская — 1 707 км, эгейская — 2 805 км⁵).

В настоящее время Турецкая Республика является региональной державой в Черноморском и Черноморско-Средиземноморском регионе, а в глобальном масштабе лидирует лишь в отдельных секторах. Ее проектная деятельность в отношении ЧР соотносится с этапами внутреннего развития самой Турции и с воздействием внешних факторов.

Что касается внутреннего развития, то в нем можно выделить два этапа: первый — до прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР), второй — с 2002 г. по настоящее время.

В свою очередь, исходя из логики влияния внешних факторов, следует выделить четыре этапа черноморской политики Турции:

1) 1990–2002 гг.: активная интеграционная политика Турции в отношении региона и согласованность действий с западными союзниками, прежде всего США (формализованная ОЧЭС, неформализованный проект «Великий Туран»);

2) 2002–2008 гг.: от прихода ПСР к власти до пятидневного российско-грузинского конфликта: российско-турецкое сближение и выдвижение российско-турецко-украинской военно-морской инициативы «Черноморская гармония» в противовес операции США в Средиземном море «Активные усилия»;

3) 2008–2014 гг.: формирование и выдвижение турецкой «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» и сближение Турции и России;

4) с 2014 г.: реализация более открытой и наступательной политики в ЧР, а по ряду аспектов — координация с Западом по сдерживанию России после возвращения Крыма в 2014 г. (Ирхин, Москаленко, 2021).

Представляется, что начало СВО России на Украине в феврале 2022 г. ознаменовало не следующий этап развития черноморской стратегии Турции, но новый период в рамках четвертого этапа.

Существует две противоположные точки зрения на позицию Турции по воссоединению Крыма с Россией, однако оба взгляда сложились в рамках политического реализма.

Первая точка зрения состоит в том, что Турция была не заинтересована в воссоединении, так как она на протяжении трех десятилетий инвестировала в Крым и крымских турок (Аватков, Гудев, 2021, с. 350).

Вторая — заключается в том, что Турция была заинтересована в воссоединении Крыма с Россией по причине того, что остальные варианты были много хуже. Например, что менялось для Турции и России после Кючук-Кайнарджийского мирного договора с точки зрения разделения сфер влияния в Черном море? Ничего. Вместе с тем появление американских военно-морских баз на территории Крыма после вытеснения Черноморского флота РФ из Крыма было неизбежным, а это полностью опрокидывало региональный баланс и логику Черного моря как «гарема

⁵ На основании данных, представленных в: CIA World Factbook: Turkey // CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/turkey-turkiye/> (accessed: 28.03.2023). См. также: (Stanchev et al., 2011).

султана», которым после 1774 г. Турция готова была делиться только с Россией. Кроме того, в случае расширения присутствия США в ЧР Турция теряет свое место в западных альянсах как ментор западных интересов и главный выгодополучатель от их реализации.

Обе научные позиции могут быть синтезированы для объяснения мотивации политической элиты Турции в ситуации, когда эмоциональные интересы в рамках концепции Тюркского мира противоречат национальным интересам в сфере реальной политики. С такой политической диалектикой турецкая элита правящей Партии справедливости и развития столкнулась в марте 2014 г. и прогнозируемо сделала выбор в пользу последних, сразу выстраивая новый баланс с Россией в ЧР. Между 2014 и 2022 гг. в российско-турецких отношениях произошло смещение баланса: в 2020 г. 44-дневный армяно-азербайджанский конфликт усилил позиции Турции в Закавказье. По сути, турки возвращаются в регион, в котором их не было 100 лет.

Начало СВО России на Украине вывело украинское геополитическое пространство в центр российско-турецкого взаимодействия в выстраивании взаимных российско-турецких балансов. Протяженность береговой линии Украины до 2014 г. составляла 2 782 км, после 2014 г. — 2 032 км. После превращения Азовского моря во внутреннее море России протяженность береговой линии Украины уменьшилась еще на 1 000 км, а протяженность береговой линии России в Черном и Азовском морях увеличилась к 2023 г. по сравнению с 1991–2014 г. на 1 800 км⁶. Вытеснение Черноморского Флота Российской Федерации из Крыма в 2014 г. очевидно привело бы к «эффекту домино» и полному вытеснению РФ из Черного моря, что поясняет логику принятия политических решений В.В. Путиным.

В исторической ретроспективе пространство современной Украины уже становилось зоной острой конкуренции между Российской

и Османской империями. Тогда Турция воспринимала украинские земли как свою экономическую периферию, пытаясь за счет украинских черноземов выйти из кризиса тимарной системы: первые серьезные столкновения между двумя империями на территории современной Украины произошли в период второй Русско-турецкой войны (1672–1681 гг.).

В середине XVII в. включение части Украины в состав Российского государства привело к новым противоречиям, когда отдельные представители украинской казацкой верхушки в борьбе с Речью Посполитой, а позднее и с Россией искали поддержки Крымского ханства, а значит, Османской империи. Однако экономические расчеты османских властей на Подолию и другие украинские земли, представлявшие тогда, по словам украинских исследователей прошлого века, «руины», не оправдались. Необходимо было восстанавливать разрушенную и обезлюдившую страну, что не привлекало ослабленную недавними войнами и внутренними усобицами Османскую империю (Орешкова, 2003, с. 22).

В дальнейшем геополитическое пространство современной Украины неоднократно становилось причиной столкновения османской и российской имперских систем, что является важным аспектом для понимания современной политики руководства Турции в отношении украинского вопроса.

На момент начала специальной военной операции на Украине между Турцией и Россией сложилась сложная и многогранная система сдержек и противовесов сразу в нескольких ключевых регионах: Центральная Азия и Южный Кавказ, Черноморский регион, Восточное Средиземноморье, Ближний и Средний Восток. В этих регионах нет ни одного вопроса, где бы Турция и Россия отстаивали одинаковую позицию. Специальная военная операция объективно сузила возможности России в данных двусторонних балансах и повысила роль Анкары. В ЧР расположены все замороженные и размороженные конфликты (Приднестровье, Украина, Нагорный Карабах, Абхазия и Южная Осетия), где

⁶ По данным, представленным в: (Stanchev et al., 2011; Крыленко, Крыленко, Алейников, 2019).

Турция либо балансирует, либо противостоит России. В других ключевых регионах взаимодействия ситуация аналогичная. Как следствие, важнейшие политические и геополитические вопросы Россия и Турция вынуждены решать совместно.

На национальном уровне, несмотря на закрытость турецких документов, можно выявить две концепции турецкой внешней политики, существенно затрагивающие Черноморский регион: Тюркский мир (*Türk dünyası*) и относительно недавно оформившуюся концепцию морской политики под названием «Голубая Родина» (*Mavi Vatan*). В публичном пространстве Р.Т. Эрдоган всячески демонстрирует поддержку обеих. Концепция Тюркского мира фактически сталкивает Россию и Турцию как на постсоветском пространстве, так и на пространстве «глубинной» России, очерчивая сферу турецкого влияния на Южном и Северном Кавказе и в Центральной Азии и претензии на часть территории РФ. В свою очередь морская экспансия Турции, обозначенная в «Голубой Родине», учитывает интересы РФ в Северном Причерноморье, формулируя сферу национальных интересов Анкары в Южном и Центральном Причерноморье и Восточном Средиземноморье.

После начала СВО Турция активно поддерживает отношения и сотрудничество как с Россией, так и с Украиной, наращивая экономическое сотрудничество с первой и военнотехническое — с последней. Причем Турция выходит на ведущее место по военнотехническим поставкам Украине и на одно из первых мест — по товарообороту с Россией.

СВО вывела Турцию, десятилетиями зависевшую от импорта вооружений, но тем не менее активно инвестировавшую в военнотехнический комплекс, на позиции одного из ключевых экспортеров вооружений. По данным SIPRI, турецкий экспорт вооружений вырос за период 2018–2022 гг. на 69 % по сравнению с 2013–2017 гг. (табл. 1), 80 % потребностей страны обеспечивает турецкий военно-промышленный комплекс (ВПК), тогда как в 2004 г. этот показатель составлял всего 20 %. В 2022 г. экспорт вооружений Украине составил 23 % от общего объема

военного экспорта Турции и вырос более чем в 11 раз по сравнению с 2021 г. Объем экспортированных турецких вооружений составил 3,4 % в общем объеме поставок вооружений Украине всеми странами мира⁷, что обеспечило Турции 6-ю позицию в мире после США, Польши, Германии, Великобритании и Чехии (табл. 2).

Таблица 1
Динамика индикаторных показателей (SIPRI TIV) военного экспорта Турции по основным странам в 2021–2022 гг., млн TIV

Страна	2021	2022	Всего
Бангладеш	25	16	41
Венгрия	3	12	15
Казахстан	0	4	4
Киргизстан	1	12	13
Филиппины	0	43	43
Польша	0	8	8
Катар	92	103	195
Туркменистан	131	0	131
ОАЭ	83	82	165
Украина	8	91	98
Всего (по всем странам)	438	398	836

Источник: составлено авторами по данным: Arms Transfers Database. Importer / Exporter TIV Tables // SIPRI. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/> (accessed: 29.03.2023).

Таблица 2
Основные экспортеры вооружений на Украину в 2021–2022 гг., млн TIV

Страна	2021	2022	Всего
Чехия	0	116	116
Германия	0	297	297
Польша	3	451	454
Турция	8	91	98
Соединенное Королевство	0	276	276
США	20	917	937

Источник: составлено авторами по данным: Arms Transfers Database. Importer / Exporter TIV Tables // SIPRI. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/> (accessed: 29.03.2023).

По данным Турецкого института статистики Turkstat, в 2022 г. Россия вышла на первое место среди импортеров для Турции,

⁷ Wezeman P., Gadon J., Wezeman S. Trends in International Arms Transfers // SIPRI. March, 2023. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-03/2303_at_fact_sheet_2022_v2.pdf (accessed: 29.03.2023).

а доля импортируемых Россией товаров и услуг составила 16,1 % в общем объеме, тогда как в 2021 г. она составляла 10,7 %. В финансовом выражении объем экспорта в Россию в 2022 г. вырос более чем в два раза по сравнению с 2021 г. (табл. 3). Почти в два раза вырос и импорт из России в Турцию за этот же период, сравнявшись с показателем 2014 г. (табл. 4)⁸.

Таблица 3

**Экспорт Турции по странам в 2013–2014 гг.
и в 2020–2022 гг., %**

Позиция (2022 г.)	Страна	Доля в общем объеме экспорта				
		2013	2014	2020	2021	2022
1	Россия	10,0	10,1	8,1	10,7	16,2
2	Китай	9,7	10,2	10,5	11,9	11,4
3	Германия	9,8	9,4	9,9	8,0	6,6
4	Швейцария	3,8	2,0	3,5	1,1	4,2
5	США	5,1	5,4	5,3	4,8	4,2
6	Италия	5,2	5,2	4,2	4,3	3,9

Источник: составлено авторами по данным: Foreign Trade Statistics, June 2022 // Turkstat. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Foreign-Trade-Statistics-June-2022-45541&dil=2> (accessed: 29.03.2023).

Таблица 4

**Импорт Турции по странам в 2013–2014 гг.
и в 2020–2022 гг., %**

Позиция (2022 г.)	Страна	Доля в общем объеме импорта				
		2013	2014	2020	2021	2022
1	Германия	9,2	9,8	9,4	8,6	8,3
2	США	4,1	4,2	6,0	6,5	6,6
3	Ирак	8,0	7,9	5,4	4,9	5,4
4	Соединенное Королевство	5,7	6,1	6,6	6,1	5,1
5	Италия	4,6	4,5	4,8	5,1	4,9
6	Испания	2,8	3,0	3,9	4,3	3,8
7	Франция	4,1	4,1	4,2	4,0	3,8
8	Россия	4,5	3,7	2,7	2,6	3,7

Источник: составлено авторами по данным: Foreign Trade Statistics, June 2022 // Turkstat. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Foreign-Trade-Statistics-June-2022-45541&dil=2> (accessed: 29.03.2023).

Подобная политика Турции, на первый взгляд, может рассматриваться как непоследовательная и противоречивая, однако она

имеет под собой глубокие основания и полностью соответствует турецкой географии и турецким национальным интересам.

Такая внешнеполитическая стратегия показывает, что Турция разыгрывает «британский баланс», но с существенными поправками в методике. Она сама находится между противоборствующими силами, которые в том числе сформированы «британским балансом»: арабы и евреи, персы и арабы, персы и евреи, сунниты и шииты, курды и все остальные, в том числе турки. В этих противоборствующих парах турки сами оказываются жертвами (объектом), но геополитическое положение позволяет Турции при маневрировании стать выгодополучателем от реализуемого «британского баланса», формируемого не Анкарой. Сотрудничеством с Западом она уравнивает Россию, Китай и Иран в Черноморском регионе, отношениями с Россией — уравнивает Запад, получая при этом максимальные экономические дивиденды. Подобный механизм можно обозначить как «турецкий баланс».

При этом Запад через Турцию уравнивает Россию и Китай в Центральной Азии, Россию и Иран — в Большом Черноморском регионе, а также Россию, Иран и Саудовскую Аравию — на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке.

Механизм «турецкого баланса» в действии можно охарактеризовать как основанный на трех принципах:

1) балансирование между мировыми и региональными державами;

2) встраивание в стратегии и балансы более сильных мировых держав с целью достижения как можно более выгодного для Турции регионального равновесия;

3) достижение за счет первых двух механизмов доминирования в критически значимых для Анкары регионах.

Цель «турецкого баланса» в ЧР — сохранение неизменности границ после развала СССР путем уравнивания России и вступления с Россией, ее соперниками и союзниками в состояние гибкой конкуренции, что позволит сохранить сложившееся после распада СССР равновесие и status quo.

⁸ Foreign Trade Statistics, June 2022 // Turkstat. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Foreign-Trade-Statistics-June-2022-45541&dil=2> (accessed: 29.03.2023).

Зерновая сделка, Турция как посредник в переговорах между Украиной и Россией, канал «Стамбул», закрытие Черноморских проливов для всех военных кораблей как инструменты повышения влияния Турции в мире и продвижения геополитических и геоэкономических интересов, — все это примеры успешной стратегии Анкары. Диалектический взгляд на эту методологию турецкой элиты по укреплению позиций Турции в качестве мировой державы может свидетельствовать о том, что Турция использует военно-политическую активность России, в то же время противодействуя ей. При этом сама эта активность позволяет Анкаре повышать свое геополитическое влияние, обходя фактор ограниченности ресурсов для получения статуса мировой державы. Турция также активно использует западную экспансию, противопоставляя ей свои национальные интересы. На пересечении этих двух встречных векторов и работает «турецкий баланс».

Заключение

Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе после начала специальной военной операции России на Украине реализуется в следующей системе координат:

1) сохранение status quo после устоявшихся границ 1991 г. и противодействие нарушению этого положения со стороны любой из держав;

2) сохранение Конвенции Монтрё в качестве императива контроля над Проливами и при этом расширение национальной составляющей влияния на режим Черноморских проливов за счет возможной реализации проекта строительства канала «Стамбул»;

3) применение логики «турецкого баланса», когда с помощью Запада уравниваются Россия, Китай и Иран, а отношения с Россией уравнивают влияние Запада на Турцию. Такой баланс кроме прочего позволяет повышать уровень субъектности самой Турции в региональных и глобальных процессах, делая лозунг Р.Т. Эрдогана «Мир больше пяти» реальным;

4) разделение сфер влияния с Россией в ЧР в логике контроля над двумя ключевыми

пространствами — Черноморскими проливами и Крымским полуостровом.

Отношениям Турции и России на современном этапе присущ ряд черт.

Во-первых, конкуренция и сотрудничество Анкары и Москвы при Р.Т. Эрдогане и В.В. Путине, политические режимы которых в настоящее время скорее схожи, чем различаются, окрашены не в черно-белые тона, а в серые, что пока устраивает обе стороны. Такое состояние сдержек и противовесов возможно только при существовании сложившегося исторического баланса сил на разных уровнях взаимодействия двух держав.

Во-вторых, решение всех трудных проблем и урегулирование двусторонних противоречий: в географии от сирийского Идлиба до Южного Кавказа, по сути и срокам «зерновой сделки», по претензиям влияния Турции на тюркские территории России, по поддержке курдского национального движения Россией и т. д. — все это сознательно отложено на будущее.

В-третьих, в двусторонних отношениях реально существующие противоречия между Турцией и Россией решаются не в рамках деятельности политических институтов, а благодаря личным отношениям двух президентов. Таким образом, произошло замещение политических институтов личными доверительными отношениями двух лидеров государств. В этом контексте «фактор Эрдогана», равно как и «фактор Путина», являются стержнями турецко-российских отношений. Из этого следует, что уход одного из лидеров, скорее всего, обрушит сложившуюся сложную и многогранную систему равновесия, позволяющую двум лидерам балансировать на грани конфронтации и сотрудничества.

Специальная военная операция России на Украине на данном этапе объективно повысила субъектность Турции в ЧР, давая возможность Анкаре реализовать тактическое преимущество как в критических регионах взаимодействия России и Турции, так и в двусторонних российско-турецких отношениях. Однако суть выделенного «турецкого баланса» будет заставлять Турецкую Республику стремиться к равновесному балансированию,

что не отменяет получение больших геэкономических и геополитических дивидендов от партнера, испытывающего временные трудности.

Ближайшее будущее покажет, смогут ли Россия и Турция сохранить, по сути, кондоминиум в Черноморском регионе, центральным принципом которого является Конвенция Монтрё. Так как по формуле А.Р. Никифорова для полного имперского контроля над ЧР необходимо контролировать

Проливы и Крымский полуостров одновременно, Анкара и Москва вновь оказываются связанными невидимыми нитями для сохранения своего суверенитета, с одной стороны, в условиях стремления перезагрузить американскую однополярность, а с другой — намерения КНР реализовать инициативу «Пояс и путь». Оба проекта глобализации в настоящее время сталкиваются в водах Черного моря.

Поступила в редакцию / Received: 01.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 05.08.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.12.2023

Библиографический список

- Аватков В. А., Гудев П. А.* Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 3. С. 348–363. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363>
- Акгюн М.* Черноморские проливы: незримые связи // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы : сборник статей / отв. ред. Н. Ю. Ульченко, Г. Казган. Москва : ИВ РАН, 2003. С. 43–75.
- Асмус Р.* Евро-Атлантическое Причерноморье // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5, № 3. С. 66–77. EDN: TZIZYD
- Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва : Аспект Пресс, 2023.
- Гончаренко О.* Чорноморсько-Каспійський регіон: регіональні структури безпеки та демократичний контроль // Чорноморська безпека. 2005. № 1. С. 3–9.
- Ирхин А. А.* Моделі інтеграції євразійського простору та національні інтереси України: дис. ... д-ра полит. наук. Симферополь, 2012.
- Ирхин А. А., Москаленко О. А.* Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 498–516. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>
- Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав. Екатеринбург : Гонзо, 2018.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. Москва : АСТ, 2018.
- Крыленко В. В., Крыленко М. В., Алейников А. А.* Уточнение длины береговой линии Азовского моря с использованием данных спутников Sentinel-2 // Вестник СГУГиТ. 2019. Т. 24, № 4. С. 78–92. <https://doi.org/10.33764/2411-1759-2019-24-4-78-92>
- Максименко Л.* Проблеми безпеки та політичної стабільності у Чорноморсько-Каспійському регіоні: генезис та еволюція конфліктів (на прикладі Таджикистану, Киргизії, Узбекистану) // Дослідження світової політики. 2005. № 33. С. 136–149.
- Нечаев В. Д., Чихарев И. А., Ирхин А. А., Маковская Д. В.* Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 1. С. 67–74. EDN: STDOTD
- Никифоров А. Р.* Ритмы Большого Черноморского пространства: сверим часы // Международный круглый стол «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины» : сборник материалов / под ред. А. Мальгина. Симферополь : СОНАТ, 2008. С. 60–67.
- Орешкова С. Ф.* Войны России с Османской империей: причины и некоторые исторические итоги // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы : сборник статей / отв. ред. Н. Ю. Ульченко, Г. Казган. Москва : ИВ РАН, 2003. С. 21–34.
- Столетов О. В., Чихарев И. А., Москаленко О. А., Маковская Д. В.* Геополитические основания проекта «Геостратегический атлас Большого Средиземноморья» // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2019. Т. 25, № 1. С. 163–178. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-163-178>

- Фридман Дж. Горячие точки. Геополитика, кризис и будущее мира. Санкт-Петербург : Питер, 2016.
- Чихарев И. А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований // Полис. Политические исследования. 2021а. № 3. С. 129–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
- Чихарев И. А. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021б. Т. 21, № 3. С. 441–458. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458>
- Чихарев И. А., Бровко В. Ю. Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья: контуры исследовательской программы // Русская политология. 2018. № 4 (9). С. 47–54. EDN: КРНФСР
- Юрченко С. В. Геостратегия США в процессе формирования нового мирового порядка: дис. ... д-ра полит. наук. Киев, 2001.
- A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region / ed. by R. Asmus, K. Dimitrov, J. Forbrig. Washington, D.C. : The German Marshall Fund of the United States, 2004.
- Aktürk Ş. Turkey's Grand Strategy as the Third Power: A Realist Proposal // Perceptions: Journal of International Affairs. 2020. Vol. 25, iss. 2. P. 152–177.
- Aydin M. Europe's Next Shore: the Black Sea Region after EU Enlargement // Occasional Papers. 2004. No. 53. P. 1–37.
- Aydin M. Grand Strategizing in and for Turkish Foreign Policy: Lessons Learned from History, Geography and Practice // Perceptions: Journal of International Affairs. 2020. Vol. 25, iss. 2. P. 203–226.
- Aydin M., Triantaphyllou D. A 2020 Vision for the Black Sea Region: The Commission on the Black Sea Proposes // Southeast European and Black Sea Studies. 2010. Vol. 10, iss. 3. P. 373–380. <https://doi.org/10.1080/14683857.2010.503648>
- Cioculescu A. F. Rethinking the Black Sea: Between the Trans-Atlantic and the Eurasian Projects // Scientia Militaria — South African Journal of Military Studies. 2013. Vol. 41, no. 1. P. 1–33. <https://doi.org/10.5787/41-1-1051>
- Gaber Ye. Turkey's Black Sea Policy: Between “Russian Lake” and “NATO's Backyard” // UA: Ukraine Analytica. 2020. No. 1 (19). P. 43–53.
- Irkhin A. A., Moskalenko O. A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // Geopolitics Quaterly. 2020. Vol. 15, iss. 4. P. 110–121.
- Lesser I. O. Global Trends, Regional Consequences: Wider Strategic Influences on The Black Sea // Xenophon Paper. 2007. No. 4. P. 1–52. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/103656/XENOPHON_PAPER_4.pdf (accessed: 12.12.2023).
- Stanchev H., Palazov A., Stancheva M., Apostolov A. Determination of the Black Sea Area and Coastline Length Using GIS Methods and Landsat 7 Satellite Images // Geo-Eco-Marina. 2011. No. 17. P. 27–31. <https://doi.org/10.5281/zenodo.56890>
- Tsantoulis I. Towards a Genealogy of Regions in International Relations: An Autopsy of the Black Sea (Region) [dissertation]. London : University College, 2016.
- Tunander O. Post-Cold War Europe: Synthesis of a Bipolar Friend-Foe Structure and a Hierarchic Cosmos-Chaos Structure? // Geopolitics in Post-Wall Europe: Security, Territory and Identity / ed. by O. Tunander, P. Baev, V. Einagel. London : SAGE, 1997. P. 17–44.
- Walters W. The Frontiers of the European Union: A Geostrategic Perspective // Geopolitics. 2004. Vol. 9, no. 3. P. 674–698. <https://doi.org/10.1080/14650040490478738>

Сведения об авторах:

Ирхин Александр Анатольевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 7399-0942; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru

Москаленко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 2703-2615; ORCID: 0000-0002-4162-3162; e-mail: kerulen@bk.ru

Демешко Наталья Эдуардовна — кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 5312-9118; ORCID: 0000-0002-9620-2410; e-mail: natalidem93@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-23-39

EDN: EFJEIB

Научная статья / Research article

Израиль в контексте «новой биполярности»

А.В. Крылов , А.А. Микаелян

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 a.krylov@inno.mgimo.ru

Аннотация. Анализируются основные направления внешней политики Государства Израиль в условиях нынешней трансформации мирового порядка и формирующейся «новой биполярности». До начала специальной военной операции (СВО), несмотря на достаточно прочный стратегический союз с США, Израиль проводил прагматичный внешнеполитический курс и поддерживал взаимовыгодные двусторонние отношения с ведущими державами незападного мира, неаффилированными с евроатлантическим альянсом, — Россией, КНР и Индией. Однако резкое обострение ситуации на палестинских территориях в октябре 2023 г. поставило Израиль перед экзистенциальным выбором в условиях зарождающейся новой биполярности, и этот выбор был сделан в пользу США и их союзников по НАТО. Сейчас официальная риторика в Израиле стала созвучной с той, которая получила распространение в период разрыва отношений между Россией и Израилем. Тем не менее при формировании конкретной политики, когда российская и израильская точки зрения не совпадают, обе стороны по-прежнему координируют все действия в рамках диалога. Авторы фокусируют внимание на основных проблемах, по которым у России и Израиля существуют расхождения: украинский, иранский и палестинский факторы. Среди приоритетов внешней политики Израиля особое место занимают Китай и Индия. Значение этих стран для еврейского государства будет возрастать из-за неизбежных изоляционистских тенденций в регионе, которые усиливаются на фоне обострения палестино-израильского конфликта. Рассмотрены основные тренды в отношениях Израиля с некоторыми арабскими странами, а также КНР и Индией.

Ключевые слова: Ближний Восток, Россия, Украина, США, Иран, Китай, Индия, внешняя политика Израиля, палестинская проблема, биполярность, конфликты

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. А.В. Крылов — Введение; Российско-украинский фактор; Фактор Палестины; Иранский фактор; А.А. Микаелян — Китайский фактор; Индийский фактор.

Для цитирования: Крылов А. В., Микаелян А. А. Израиль в контексте «новой биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 23–39. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-23-39>

Israel in the Context of the “New Bipolarity”

Alexander V. Krylov , Arman A. Mikaelian

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 a.krylov@inno.mgimo.ru

Abstract. The study is dedicated to the main guidelines of the foreign policy of the State of Israel in the context of the current transformation of the world order. Before the start of the special military operation, despite a fairly strong strategic alliance with the United States, Israel pursued a pragmatic foreign policy and maintained mutually beneficial bilateral relations with the leading powers of the non-Western world — especially Russia, China and India. However, the sharp escalation of the situation in the Palestinian territories in October 2023 put Israel in front of an existential choice under the conditions of the emerging new bipolarity, and this choice was made in favor of the United States and its NATO allies. Now the official rhetoric in Israel has become consonant with the one that prevailed during the period of the severed relations between Russia and Israel. Nevertheless, in formulating policies where Russian and Israeli positions do not coincide, both sides continue to coordinate all actions within the framework of a joint dialogue. The article focuses on the main issues on which Russia and Israel differ: Ukrainian, Iranian, and Palestinian factors. China and India occupy a special place among Israel’s foreign policy priorities. The importance of these countries for the Jewish state will be increasing due to the inevitable isolationist tendencies in the region, which are growing against the backdrop of the worsening Israeli-Palestinian conflict. The article examines the main trends in Israel’s relations with some Arab countries, China and India.

Key words: Middle East, Russia, Ukraine, USA, Iran, China, India, Israeli foreign policy, Palestinian problem, bipolarity, conflicts

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. A.V. Krylov — Introduction; Russian-Ukrainian Factor; Palestinian Factor; Iranian Factor; A.A. Mikaelian — Chinese Factor; Indian Factor.

For citation: Krylov, A. V., & Mikaelian, A. A. (2024). Israel in the context of the “new bipolarity”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 23–39. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-23-39>

Введение

В последнее десятилетие, характеризующееся ускорением темпов глобализации, Израиль заметно активизировал усилия по экономической и политической интеграции на региональном уровне. Кульминацией этого процесса стало подписание в августе 2020 г. при посредничестве США так называемых «Авраамовых соглашений» с Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) и Бахрейном, а также последующая нормализация отношений с Марокко и Суданом. Предполагалось, что в скором времени к этому новому региональному объединению присоединится Саудовская Аравия (Egel, Efron & Robinson, 2021, p. 7).

Образование новой конфигурации на Ближнем Востоке зиждилось не только на стремлении ее участников к тесному экономическому сотрудничеству: новые арабские партнеры Израиля разделяли его обеспокоенность развитием ядерной программы Ирана,

распространением иранских прокси на всем пространстве Ближневосточного региона, возможностью ослабления или отмены анти-иранских санкций.

Однако по мере укрепления своих позиций в региональном балансе сил Израилю неизбежно приходилось принимать в расчет интересы арабских партнеров, которые, с одной стороны, шли на сближение с Россией и Китаем, а с другой — дистанцировались от инициаторов проекта объединения, названного в честь ветхозаветного пророка Авраама.

Новые региональные партнеры Израиля, несмотря на сильнейшее давление Вашингтона, настойчиво укрепляли сотрудничество с неудобными коллективному Западу державами. Это сближение проявилось в том числе и в уклонении от участия в санкционной политике США и их союзников, направленной против России и Китая, и в отказе от навязываемых извне условий по добыче и экспорту энергоносителей, и в растущих закупках

российского вооружения¹. Весь мир обратил внимание на рост влияния России на Ближнем Востоке из-за несоответствия в уровнях приема президента России В.В. Путина и президента США Дж. Байдена в Саудовской Аравии².

Китай также играет роль активного противовеса США на Ближнем Востоке. «Уже сегодня Китай извлекает пользу от изменения образа мыслей в регионе. А иначе зачем кронпринц Мухаммед ибн Салман вводит китайский язык в программу школьных предметов в Саудовской Аравии?» — таким вопросом задается специалист по странам Персидского залива Себастьян Зонс из боннского аналитического центра *CARPO*³. При этом влиятельные монархи Аравийского полуострова позволяют себе зачастую не отвечать на телефонные звонки первых лиц из Вашингтона и Евросоюза.

Дилемма Израиля заключается в том, что он одновременно стремится вступить в добрососедские и взаимовыгодные отношения с влиятельными государствами региона, однако в то же время продолжает позиционировать себя как часть западного мира и основного стратегического и военного союзника США на Ближнем Востоке (Карасова, 2019, с. 10).

Как представляется, в ближайшей перспективе на региональную политику и внешнеполитическую ориентацию Израиля будут оказывать первостепенное влияние три фактора: нерешенность вопроса о Палестине и застарелый палестино-израильский конфликт, вооруженный конфликт на Украине

и растущая напряженность в отношениях с Ираном. Израиль будет выстраивать внешнеполитическую доктрину в отношении основных стратегических партнеров как в регионе Ближнего Востока, так и за его пределами в зависимости от того, как будет развиваться ситуация на обозначенных выше направлениях.

В исследовании авторы руководствовались политическим реализмом в теории международных отношений. Представители академической науки расходятся во мнениях относительно того, к каким последствиям приводит биполярность/многополярность или однополярность. Так, общепризнанные специалисты в области международных отношений (Waltz, 1979, pp. 170–171; Mearsheimer, 2001, pp. 44–45; Примаков, 2011, с. 159–160) в своих исследованиях приходят к выводу, что биполярность имеет тенденцию стабилизировать международную систему, в то время как другие (Modelski & Thompson, 1988; Wohlforth, 1999, pp. 5–41; Ikenberry, 2001, pp. 43–78; Brooks & Wohlforth, 2023, pp. 76–91) отстаивают позицию, согласно которой только один мировой гегемон способен обеспечивать всеобщий миропорядок. Некоторые аналитики утверждают, что государства используют для обеспечения безопасности и благополучия рациональную модель принятия решений, исключая появление долговременного государства-гегемона (Deutsch & Singer, 1964).

Продолжающийся с февраля 2022 г. военный конфликт на Украине и резкое обострение обстановки на палестинских территориях после атаки боевиков ХАМАС 7 октября 2023 г. на приграничные районы Израиля убедительно подтвердили правоту тех специалистов, которые настаивали на том, что мир движется в сторону новой биполярности (Tunsjø, 2018; Degterev, 2019; Kupchan, 2021). Авторы данной статьи также разделяют эту точку зрения.

Российско-украинский фактор

Политика Израиля в отношении Российской Федерации после начала специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 г.

¹ Israel's Ukraine Policy: Between a Rock and a Hard Place // Berlin: European Leadership Network (ELNET). 2022. P. 2. URL: <https://elnetwork.eu/wp-content/uploads/2022/05/ELNET-Germany-Briefing-Israelis-Ukraine-Policy---Between-a-Rock-and-a-Hard-Place.pdf> (accessed: 12.11.2023).

² Alamuddin B. Biden and Putin: A Tale of Two Visits // Arab News. July 18, 2022. URL: <https://www.arabnews.com/node/2124181> (accessed: 12.11.2023).

³ Böhmer D. D. Wie der Westen den Nahen Osten an Putin verliert // Die Welt. 12.07.2022. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus239811217/Ukraine-Krieg-Wie-der-Westen-den-Nahen-Osten-an-Putin-verliert.html> (accessed: 12.11.2023).

не вписывалась в тот жесткий и откровенно русофобский курс Вашингтона, с которым дружно солидаризировались страны НАТО и коалиция союзников этих государств. Израиль ответил на многочисленные запросы украинских властей недвусмысленным отказом от поставок летальной военной техники, а также не присоединился к политике постоянного санкционного давления на Россию.

Несмотря на продолжавшийся в стране затяжной политический кризис (Крылов, 2022, с. 393–394), во время которого проявилось среди прочего острое противостояние противников и сторонников Москвы, израильское правительство не стало разрушать позитивное и динамичное сотрудничество, сложившееся за годы после восстановления полноформатных отношений с Российской Федерацией, и по-прежнему руководствовалось в общении с российской стороной исключительно собственными стратегическими интересами. Находившийся во время начала СВО на посту премьер-министра Израиля Н. Беннет (13 июня 2021 г. — 1 июля 2022 г.) инициировал попытку выступить в качестве претендента на позицию посредника на переговорах между Москвой и Киевом по урегулированию конфликта и поддерживал тесные контакты с обеими сторонами. Многим запомнились официально произнесенные Н. Беннетом слова о том, что «Россия — надежный сторонник Израиля, а В.В. Путин — настоящий друг еврейского народа»⁴.

Критические заявления в адрес России, прозвучавшие из уст следующего премьер-министра Я. Лапида (1 июля — 29 декабря 2022 г.)⁵, никак не увязывались с нежеланием его слабого кабинета осуществлять какие-либо серьезные действия для поддержки Украины. Очередная победа на выборах в

Кнессет в ноябре 2022 г. ветерана израильских властных структур Б. Нетаньяху, по мнению экспертов, означала, что никаких изменений в политическом курсе Израиля в отношении Украины не предвидится. За годы своего премьерства Б. Нетаньяху 17 раз встречался с В.В. Путиным⁶, и ни один из лидеров иностранных государств, находящихся вне постсоветского пространства, не был замечен в Кремле чаще главы правительства Израиля. «Мы нашли с президентом России Владимиром Путиным приемлемый для Израиля и не нарушающий интересы Москвы компромисс»⁷, — заявил Б. Нетаньяху в интервью французскому телеканалу *LCI* в феврале 2023 г. Премьер-министр Израиля также подтвердил готовность рассмотреть возможность своего участия роли посредника на переговорах России и Украины.

Достаточно осторожная позиция Израиля в отношении украинского кризиса определяется рядом аспектов.

В Израиле проживает полумиллионная украинская община, включающая десятки тысяч этнических украинцев (5,5 % от всего населения)⁸. Подавляющее большинство выходцев из Украины прибыли в Израиль в 1990-е гг. В свою очередь, по израильским оценкам, еврейское население Украины насчитывает около 50 тыс. человек, и еще около 150 тыс. имеют право на получение израильского гражданства в соответствии с Законом о возвращении⁹. Наиболее многочисленные общины евреев проживают

⁶ Двусторонние отношения со страной Израиль // МИД России. 14.06.2022. URL: <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1103436/> (дата обращения: 12.11.2023).

⁷ Israel Does Not Want Flight Incidents with Military Aircraft in Syrian Airspace — PM // TASS. February 5, 2023. URL: <https://tass.com/world/1571473> (accessed: 12.11.2023).

⁸ Bilateral Relations between Ukraine and the State of Israel // Ministry of Foreign Affairs of Ukraine. June 20, 2023. URL: <https://mfa.gov.ua/en/about-ukraine/bilateral-cooperation/middle-east-and-africa> (accessed: 12.11.2023).

⁹ Aim esh be-Ukraina million yegudim she-zkaim laalot le-Israel? [Есть ли на Украине четверть миллиона евреев, которые имеют право иммигрировать в Израиль?] // Globes. February 15, 2022. (На иврите). URL: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001402226> (accessed: 12.11.2023).

⁴ Russia's Putin Hosts Israeli PM Bennett // The Associated Press. October 22, 2021. URL: <https://apnews.com/article/europe-middle-east-russia-israel-vladimir-putin-3b708ca8c898ac032639bfffede7a48f> (accessed: 12.11.2023).

⁵ Lapid Condemns Russia for First Time as Prime Minister // The Jerusalem Post. October 10, 2022. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/article-719344> (accessed: 12.11.2023).

в Киеве, Днепре, Одессе и Харькове. По данным Министерства абсорбции Израиля, после начала СВО в страну иммигрировали в соответствии с Законом о возвращении около 6 тыс. украинских евреев¹⁰. Однако намного большее число евреев предпочли выехать из Украины в Европу в качестве беженцев. Только в одной Германии осело не менее 30 тыс. украинских евреев¹¹.

Израильские власти всегда возражали против натурализации украинцев, не имеющих еврейских корней, а после обострения конфликта на Украине отменили действие соглашения о безвизовом режиме между двумя странами. У Израиля с момента образования независимой Украины возникло достаточно много проблем, которые не позволяли выстраивать отношения на основе полного взаимопонимания. Для Израиля было неприемлемо неприкрытое возрождение на Украине воинствующего национализма и героизация С.А. Бандеры, Р.И. Шухевича, Я.С. Стецко и прочих пособников фашистских оккупантов, непосредственно участвовавших в расправе над почти полумиллионом украинских евреев в годы Второй мировой войны. Рецидив возрождения откровенного фашизма на Украине, безусловно, повлиял на формирование общественного сознания в Израиле. Проведенные опросы недвусмысленно показали, что значительная часть израильтян не поддерживает участие еврейского государства в развернутой на Западе кампании накачивания Украины вооружением¹². Существо-

вали и многие другие причины, негативно влиявшие на характер израильско-украинского сотрудничества (Крылов, Федорченко, 2023, с. 89–92).

Ослабление позиций США на ближневосточном пространстве, в том числе уход американских военных и специалистов из ряда районов региона, оставил вакуум, который должен был быть заполнен. Разгром сирийскими вооруженными силами при поддержке ВКС России «террористического интернационала» во главе с «Исламским государством» (ИГИЛ, ИГ)¹³ способствовал расширению российского присутствия и влияния в Сирии. В этой арабской стране Москва развернула самую современную систему противовоздушной обороны (ПВО) и стала на сирийско-израильском треке доминирующим актором, которого Израиль попросту не может игнорировать.

С 2015 г. на двусторонней основе был создан эффективный механизм координации действий между командованием российской группировкой в Сирии и руководством Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ), который позволяет предотвратить опасные инциденты, способные нанести ущерб безопасности Израиля. Военный аналитик израильского телеканала «Кешет» Н. Двори сообщил, что между Россией и Израилем достигнута тайная договоренность о том, что Москва не будет поставлять Ирану истребители, системы ПВО и радиоэлектронной борьбы в обмен на гарантии не посылать на Украину передовые образцы израильской военной техники¹⁴. Значение этой договоренности хорошо понимают в Израиле. При отсутствии таковой возрастает угроза расширения иранского присутствия в Сирии и размещения вблизи от контролируемого Израилем участка Голанских высот

¹⁰ Mivtsa “Olim a-bayta” le-klitat herum shel zakay hok a-shvut mi-Ukraina ve-svivot [Операция «Возвращение домой» проводится для экстренного приема лиц, имеющих право на возвращение из Украины и ближнего зарубежья] // Ministry of Aliyah and Integration. March 21, 2022. (На иврите). URL: <https://www.gov.il/he/departments/news/homecoming-operation-regular-updates> (accessed: 12.11.2023).

¹¹ Klein Z. Why Are Most Ukrainian Jewish Refugees Going to Europe, not Israel? — Analysis // The Jerusalem Post. November 8, 2022. URL: <https://www.jpost.com/diaspora/article-721635> (accessed: 12.11.2023).

¹² Sokol S. 41 Percent of Israelis Oppose Arming Ukraine in War against Russia // Haaretz. October 19, 2022. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/2022-10-19/ty-article/.premium/41-percent-of-israelis-oppose>

[arming-ukraine-in-war-against-russia/00000183-efe9-dddc-a1eb-ffe927360000](https://www.haaretz.com/israel-news/2022-10-19/ty-article/.premium/41-percent-of-israelis-oppose-arming-ukraine-in-war-against-russia/00000183-efe9-dddc-a1eb-ffe927360000) (accessed: 12.11.2023).

¹³ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

¹⁴ A-mishvaa she-Israel banta mul Mosca vea-tlut a-Rusit be-Iran // N12 a-hadashot shel Israel [Условие, поставленное Израилем Москве, и зависимость России от Ирана // Кешет]. 19.06.2023. (На иврите). URL: https://www.mako.co.il/news-military/2023_q2/Article-15e76ca5aafc881026.htm (accessed: 12.11.2023).

ракет, способных поражать цели в любой точке израильских территорий. При таком раскладе Израилю будет уже не до Украины.

Фактор Палестины

До недавнего времени статус стороннего наблюдателя за тем, как разворачиваются события вокруг Украины, более чем устраивал Израиль. Казалось, что проблемы палестино-израильского противостояния и оккупации Израилем палестинских и сирийских территорий на фоне событий на Украине отошли на периферийный план, и критика в адрес политики распространения израильского присутствия на палестинских землях на международных площадках высокого уровня в последнее время звучала редко.

Ситуация коренным образом изменилась, когда 7 октября 2023 г. ХАМАС неожиданно объявил о начале новой, третьей по счету интифады, получившей название «Штурм Аль-Аксы», в ходе которой по израильской территории из сектора Газа было выпущено около 5 тысяч ракет. Боевикам из Газы удалось также прорвать брешь в так называемом «разделительном заборе» и осуществить убийства 1200 израильтян в приграничных кибуцах и г. Сдерот. Жертвами бойни стали еще 270 участников музыкального фестиваля, проводившегося вблизи от кибуца Рейм¹⁵. Около 200 солдат и гражданских лиц, включая 30 детей, были взяты в заложники¹⁶.

Это был самый тяжелый удар, нанесенный ХАМАС по Израилю за всю историю палестино-израильского конфликта. Израильское военное и политическое руководство впервые заявило не о проведении очередной операции возмездия по аналогии с 2009 г. (операция «Литой свинец»), 2012 г. (операция

«Облачный столп») и 2014 г. (операция «Нерушимая скала»), а о подготовке общевойсковой операции на суше, море и в воздухе с целью окончательного уничтожения всей инфраструктуры ХАМАС, в том числе его военного крыла и военно-политического руководства. Однако даже бомбардировки городов и лагерей палестинских беженцев, осуществленные ВВС Израиля в первые недели обострившегося конфликта, имели ужасающие последствия — 6734 убитых, включая 2812 детей¹⁷. 600 тыс. человек стали вынужденно перемещенными лицами¹⁸.

Гуманитарная катастрофа в Газе в буквальном смысле расколола мир на сторонников Израиля и противников его асимметричных бомбовых ударов, в результате которых только в начале тотальной блокады сектора были стерты с лица земли сотни гражданских объектов, включая больницы, школы, мечети и даже старейшая на палестинской земле Греко-православная церковь св. Порфирия. Большинство стран мира решительно осудило как террористическую атаку хамасовцев, так и чрезмерно жесткие действия Израиля по коллективному наказанию всех жителей Газы. Однако Совет Безопасности ООН под давлением США вновь проявил свою неспособность оперативно принимать меры по урегулированию палестино-израильского противостояния. Россия и Китай наложили вето на предложенный США проект резолюции¹⁹, в котором осуждалось нападение радикального исламистского движения ХАМАС (Крылов,

¹⁵ Borschel-Dan A. Thousands Flee Rocket and Gunfire at All-Night Desert 'Nature Party'; Dozens Missing // The Times of Israel. October 7, 2023. URL: <https://www.timesofisrael.com/thousands-flee-rocket-and-gunfire-at-all-night-desert-nature-party-dozens-missing/> (accessed: 12.11.2023).

¹⁶ Bob Y. J. IDF Working on Rescue Ops for Over 200 Israeli Hostages in Gaza // The Jerusalem Post. October 19, 2023. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/article-769274> (accessed: 12.11.2023).

¹⁷ Euro-Med: Gaza Death Toll Nears that of Srebrenica Genocide // Middle East Monitor. October 26, 2023. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20231026-euro-med-gaza-death-toll-nears-that-of-srebrenica-genocide/> (accessed: 12.11.2023).

¹⁸ 70% of Gaza Population Displaced by Israeli Bombardment: Government // Middle East Monitor. October 25, 2023. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20231025-70-of-gaza-population-displaced-by-israeli-bombardment-government/> (accessed: 12.11.2023).

¹⁹ Gaza Crisis: Deadlock Deepens as Security Council Rejects Competing Resolutions by US and Russia // UN News. October 25, 2023. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/10/1142817#:~:text=China%20and%20Russia%20on%20Wednesday,crisis%20in%20Gaza%20and%20Israel> (accessed: 12.11.2023).

Морозов, 2018, с. 84—99) на гражданские объекты и гражданское население в Израиле, требовалось немедленно освободить заложников и соблюдать нормы международного гуманитарного права, но не содержалось призыва к прекращению огня. Таким образом, американский проект резолюции предоставлял Израилю лицензию на эскалацию конфликта. В свою очередь, российский проект резолюции, осуждавший насильственные действия ХАМАС, но содержащий призыв к немедленному гуманитарному прекращению огня, также был отклонен стараниями США и Великобритании.

Как и ожидалось, Израиль в час тяжелого испытания не колеблясь отказался от тактики балансирования между державами и прикнул к стану сателлитов США. Б. Нетаньяху, воспринимавшийся в Вашингтоне еще со времен президентства Б. Обамы как оппонент демократов и ближайший сторонник Д. Трампа, без промедления отложил в сторону все недавние разногласия с нынешней американской администрацией и заверил Дж. Байдена в том, что будет координировать операцию по ликвидации ХАМАС в Газе с США²⁰. Министр обороны Израиля Й. Галлант в совместном заявлении со своим американским коллегой Л.Дж. Остином заявил: «Сотрудничество в области обороны и поддержки США в Пентагоне, Белом доме и Конгрессе обеспечивают нам свободу действий и укрепляют наши возможности... Развертывание сил США на суше, в воздухе и на море посылает убедительный сигнал как партнерам, так и врагам в регионе. От имени оборонного ведомства Израиля и от имени наших граждан, господин Остин, большое вам спасибо»²¹.

²⁰ Holland S., Spetalnick M. Israel — Hamas War Forces Biden and Netanyahu into Uneasy Partnership // Reuters. October 9, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/israel-hamas-war-forces-biden-netanyahu-into-uneasy-partnership-2023-10-09/> (accessed: 12.11.2023)

²¹ Secretary of Defense Lloyd J. Austin III Joint Press Conference with Israeli Defense Minister Yoav Gallant in Tel Aviv, Israel // U.S. Department of Defense. October 13, 2023. URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3556642/secretary-of-defense->

Президент США Дж. Байден в телефонном разговоре заверил Б. Нетаньяху, что его команда даст Израилю все, что ему нужно для борьбы с ХАМАС²². Уже в первые дни конфликта Вашингтон направил в Израиль два транспортных самолета с боеприпасами для систем ПВО и самый дорогостоящий авианосец «Дж. Форд», который сопровождали крейсер и четыре эсминца, оснащенные ракетами²³.

Между тем решимость Израиля положить конец существованию ХАМАС при поддержке США была поколеблена категоричным несогласием значительной части мирового сообщества с неизбирательным непропорциональным ответом Израиля на акты насилия со стороны радикальных исламистов. Свидетельством биполярности современного мира стало голосование 26 октября 2023 г. на чрезвычайной сессии ГА ООН по резолюции «Защита гражданского населения и выполнение правовых и гуманитарных обязательств», предложенной 40 государствами — членами организации: за принятие документа проголосовало 120 стран, 45 государств воздержались, против было отдано 14 голосов²⁴. Поправка Канады об осуждении ХАМАС была отклонена²⁵.

[lloyd-j-austin-iii-joint-press-conference-with-israeli-def/](https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3556642/secretary-of-defense-) (accessed: 12.11.2023).

²² U.S. Flowing Military Supplies to Israel, as Country Battles Hamas Terrorists // U.S. Department of Defense. October 10, 2023. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3553040/us-flowing-military-supplies-to-israel-as-country-battles-hamas-terrorists/> (accessed: 12.11.2023).

²³ См.: USS Gerald R. Ford, Escorts Moving Closer to Israel in Response to Hamas Attack // U.S. Naval Institute. October 8, 2023. URL: <https://news.usni.org/2023/10/08/gerald-r-ford-carrier-strike-group-moving-to-eastern-mediterranean-in-response-to-attacks-in-israel> (accessed: 12.11.2023); Copp T. Here's What Military Assistance the US Is Providing Israel since Hamas Assault // The Times of Israel. October 13, 2023. URL: <https://www.timesofisrael.com/heres-what-military-assistance-the-us-is-providing-israel-since-hamas-assault/> (accessed: 12.11.2023).

²⁴ Protection of Civilians and Upholding Legal and Humanitarian Obligations : Resolution A/RES/ES-10/21 / Adopted by the General Assembly // UN Digital Library. October 27, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4025240?ln=en> (accessed: 12.11.2023).

²⁵ General Assembly Adopts Resolution Calling for Immediate, Sustained Humanitarian Truce Leading to

Резолюция объявляла неприемлемыми «все акты насилия, направленные против палестинских и израильских гражданских лиц», и требовала «обеспечить незамедлительное, непрерывное и беспрепятственное предоставление в достаточных объемах жизненно необходимых товаров и услуг гражданскому населению во всем секторе Газа». В резолюции содержался призыв «отменить приказ Израиля, оккупирующей державы, об эвакуации палестинских гражданских лиц и персонала Организации Объединенных Наций, а также гуманитарных и медицинских работников из всех районов сектора Газа к северу от Вади-Газы в южную часть Газы». Документ решительно осуждал «любые попытки насильственного перемещения палестинского гражданского населения». Особо подчеркивалось также, что «справедливое и долгосрочное урегулирование израильско-палестинского конфликта может быть достигнуто только мирными средствами на основании соответствующих резолюций Организации Объединенных Наций и согласно нормам международного права, а также в соответствии с принципом сосуществования двух государств»²⁶.

Примечательно, что резолюцию поддержали все арабские страны, а также некоторые государства Евросоюза — Франция, Бельгия, Ирландия, Португалия, Испания, Словения, Люксембург. Постпред Израиля при ООН Г. Эрдан, ранее высказавшийся за отставку Генерального секретаря ООН А. Гутерриша после принятия Генеральной Ассамблеей ООН (ГА ООН) ближневосточной резолюции, выступил с утверждением, что эта организация потеряла свою легитимность²⁷.

Cessation of Hostilities between Israel, Hamas // The United Nations. October 27, 2023. URL: <https://press.un.org/en/2023/gal2548.doc.htm> (accessed: 12.11.2023).

²⁶ General Assembly Resolution A/RES/ES-10/21 “Protection of Civilians and Upholding Legal and Humanitarian Obligations” // UN Digital Library. October 26, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4025113?ln=en> (accessed: 12.11.2023).

²⁷ Israeli Envoy: A Dark Day for the UN and for Mankind, Will Go Down as Infamy // The Times of Israel. October 27, 2023. URL: <https://www.timesofisrael.com/>

В случае если израильское политическое и военное руководство решится на проведение операции по окончательному устранению ХАМАС (а такая операция неминуемо привела бы к еще большим жертвам среди двухмиллионного населения сектора Газа), Западный Иерусалим рискует оказаться в тисках региональной изоляции, которая ему хорошо знакома по недавней истории арабско-израильских войн. Существует также вероятность, что в ответ на очередное силовое вторжение в палестинский анклав нефтедобывающие арабские страны и Иран воспользуются своим правом ввести эмбарго на поставку нефти и газа в страны, поддерживающие Израиль, как это произошло в октябре 1973 г. Учитывая, что к числу таких стран относятся в основном ранее отказавшиеся от поставок энергоносителей из России, новый энергетический кризис может стать еще более болезненным и сопровождаться непредсказуемыми и критическими последствиями для коллективного Запада.

Активизацию антиизраильских выпадов из «Хамастана» в самом Израиле связывают в основном с иранским руководством, которое, руководствуясь в своей региональной политике религиозной антиизраильской идеологией, создает прямую угрозу существованию еврейского государства, которая исходит главным образом от иранской ядерной программы. Несмотря на то, что лидеры ХАМАС постоянно заявляют, что они проводят самостоятельные акции сопротивления израильской оккупации и ни Иран, ни ливанская «Хизбалла» не являются их союзниками²⁸, в Израиле существует консенсусное мнение, что Иран «является ключевой силой в скоординированной атаке ХАМАС 7 октября»²⁹.

liveblog_entry/israeli-envoy-a-dark-day-for-the-un-and-for-mankind-will-go-down-as-infamy/ (accessed: 12.11.2023).

²⁸ Mroue B., El-Deeb S. Hamas Official Says Iran and Hezbollah had No Role in Israel Incursion, but They'll Help if Needed // AP News. October 10, 2023. URL: <https://apnews.com/article/lebanon-israel-palestinian-hamas-hezbollah-iran-2ccfaa49139358e6d2add89878a0cfe4> (accessed: 12.11.2023).

²⁹ 500 Hamas, PIJ Terrorists Trained for October 7 Attack in Iran Last Month — Report // The Times of Israel. October 25, 2023. URL: <https://www.timesofisrael.com/>

В действительности на данный момент у Израиля после свержения режимов в Ираке и Ливии, а также истощения Сирии после многолетней войны с радикальными исламистами не осталось других региональных враждебных сил, кроме Ирана, «Хизбаллы» и ХАМАС. Однако «Хизбалла» в настоящее время не представляет серьезной угрозы для Израиля, поскольку прочно интегрировалась в ливанскую политическую модель, которая сейчас переживает серьезный системный кризис, не позволяющий шиитскому сопротивлению втягиваться в очередной конфликт с Израилем. Кроме того, США и Франция по своим секретным каналам уведомили «Хизбаллу» о рисках, связанных с военной поддержкой организации ХАМАС в конфликте с Израилем³⁰.

Палестинская национальная администрация (ПНА) на Западном берегу также не заинтересована в единении с ХАМАС и, следовательно, в эскалации напряженности с Израилем, предпочитая дистанцироваться от радикалов в Газе.

Соглашения Осло (1993–1995 гг.) фактически парализовали боеспособность Организации освобождения Палестины (ООП) во главе с ФАТХ. Сейчас, когда Газа пытается сопротивляться израильской оккупации, фактически демилитаризованная ПНА не в состоянии оказать действенную помощь восставшему сектору. Таким образом, у Израиля есть только два принципиальных соперника — Иран и его прокси-формирования, а также ХАМАС.

Вполне вероятно, что перспектива окончательного уничтожения ХАМАС лежит в основе давно вынашиваемого в недрах израильских военно-политических структур плана «покарать Иран» при поддержке США и молчаливом согласии или апатии со стороны других региональных и международных акторов. Неслучайно в Израиле после

[com/500-hamas-pij-terrorists-trained-for-october-7-attack-in-iran-last-month-report/](https://www.timesofisrael.com/500-hamas-pij-terrorists-trained-for-october-7-attack-in-iran-last-month-report/) (accessed: 12.11.2023).

³⁰ Bertrand N., Bo Lillis K., Marquardt A. US and Allies Warn Militant Group Hezbollah against Escalating Hamas — Israel Conflict // CNN. October 11, 2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/10/11/politics/us-allies-warn-hezbollah/index.html> (accessed: 12.11.2023).

событий 7 октября в местных СМИ и на высоких политических площадках вновь зазвучала риторика времен холодной войны прошлого века. МИД Израиля направил в Москву резкую ноту, в которой отмечалось: «Израиль рассматривает приглашение высокопоставленных чиновников ХАМАС в Москву как непристойный шаг, который оказывает поддержку терроризму и узаконивает зверства террористов ХАМАС». Далее следовал призыв «немедленно изгнать лидеров ХАМАС», прибывших 26 октября на переговоры в Москву. Внешнеполитическое ведомство Израиля выразило «недовольство той ролью, которую Россия играет в войне против ХАМАС», а также надежду на то, что Москва займет «более сбалансированную» позицию³¹.

Депутат Кнессета от правящей партии «Ликуд» А. Вайтман в эфире канала *RT* выступил с угрозами в адрес России, заявив, что она дорого заплатит за поддержку Ирана и прием делегации ХАМАС³².

Иранский фактор

Сценарий, при котором Израиль рассчитывает в тесной связке с США осуществить смену неудобного режима в Иране, имеет существенный недостаток: любая конфронтация Израиля и Тегерана может обернуться катастрофическими последствиями для израильтян в том случае, если стратегические союзники во главе с США увлекутся другими международными или глобальными кризисными сюжетами (финансовый или политический кризис, эпидемии, экологические и прочие природные катаклизмы и т. д.). При таком раскладе может воплотиться самый страшный для Израиля сценарий, в котором еврейское государство окажется один на один с иранской угрозой, которая может быть вовсе не

³¹ Moscow Hosts Hamas Delegation and Iran's Deputy FM, Prompting Israeli Outrage // The Times of Israel. October 26, 2023. URL: <https://www.timesofisrael.com/moscow-hosts-hamas-delegation-and-irans-deputy-fm-prompting-israeli-outrage/> (accessed: 12.11.2023).

³² Опубликовано полное видео дебатов ведущего *RT* с израильским политиком Вейтманом // *RT* на русском. 20.10.2023. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1219879-izrail-video-efir> (дата обращения: 12.11.2023).

связана с ядерной программой или размещением и поддержкой проиранских сил в Ливане и Сирии.

До недавнего времени иранская концепция безопасности не предусматривала развертывания прямых военных действий против Израиля. Основные военные базы и наиболее боеспособные силы Ирана сконцентрированы в зоне Персидского залива, в то время как на границе, которая ближе всего расположена к Израилю (почти 2000 км), нет большого скопления военной техники и мест базирования регулярных армейских подразделений. Очевидно, что в случае возникновения реальной угрозы национальной безопасности Иран начнет военные действия именно на морском участке границы в Персидском заливе. Неслучайно основная ставка в развитии национального военно-промышленного комплекса Ирана была сделана на развитие производства ракет среднего радиуса действия, средств их доставки и дронов, а не авиации и танков. Гипотетическая ядерная бомба для Тегерана — это, вне всякого сомнения, средство устрашения и сдерживания, а не оружие, нацеленное на уничтожение врага. В Иране прекрасно осознают, что если будет дестабилизирована ситуация в этом стратегически важном районе и перекрыт Ормузский пролив, через который транспортируется треть всего сжиженного природного газа в мире и почти 21 % общего мирового потребления нефти³³, то в неизбежном глобальном энергетическом кризисе многие обвинят Израиль, который планомерно провоцирует Иран на протяжении последних десятилетий.

До недавнего времени «иранский синдром» был тем фактором, который стимулировал формирование ближневосточного альянса, состоящего из Израиля и арабских монархий Аравийского п-ова под эгидой США. Причем наиболее экстравагантный участник этого политического союза — Израиль — подчеркивал, что в рамках такого сближения готов сотрудничать с суннитскими

монархиями. Таким образом, был создан альянс против «шиитской оси». Администрация Д. Трампа не скрывала, что «Авраамовы соглашения» задумывались именно «для борьбы с общим врагом — Ираном»³⁴. Однако в условиях расширения линии разлома между глобальным Западом и остальным миром США явно переоценили возможности по втягиванию в орбиту своего влияния Саудовской Аравии и других нефтедобывающих стран Персидского залива.

Существенным изменением стратегического баланса в регионе стало восстановление в марте 2023 г. дипломатических отношений между Эр-Риядом и Тегераном при посредничестве Пекина. При этом обе некогда враждующие стороны обязались не вступать в войну друг с другом. Ведутся переговоры о нормализации отношений Ирана с другими арабскими странами региона, в частности ОАЭ. Кроме того, 24 августа 2023 г. по итогам 15-го саммита БРИКС было объявлено о присоединении к организации шести государств, среди которых Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ³⁵.

Сближение Ирана с арабским миром не сулит Израилю ничего хорошего. 18 октября 2023 г. министр иностранных дел Ирана Хосейн Амир-Абдоллахиан на экстренном заседании Организации исламского сотрудничества призвал страны «мира ислама» использовать нефть в качестве оружия и ввести нефтяное эмбарго против Израиля³⁶. Пока эта мера не была одобрена членами Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), но не исключено, что нефтедобывающие арабские страны еще не сказали своего последнего слова.

³⁴ Abi-Habib M. U.S., Middle East Allies Explore Arab Military Coalition // The Wall Street Journal. February 15, 2017. URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-middle-east-allies-explore-arab-military-coalition-1487154600> (accessed: 12.11.2023).

³⁵ Что известно о новых членах БРИКС // ТАСС. 24.08.2023. URL: <https://tass.ru/info/18579323> (дата обращения: 12.11.2023).

³⁶ Reed S. Iran's Call for Oil Embargo on Israel Roils Markets // The New York Times. October 18, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/18/business/israel-oil-embargo-markets.html> (accessed: 12.11.2023).

³³ The Strait of Hormuz Is the World's Most Important Oil Transit Chokepoint // U.S. Energy Information Administration. November 21, 2023. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=61002> (accessed: 12.12.2023).

Обращает на себя внимание еще один немаловажный факт: голосование по резолюции ГА ООН «Защита гражданского населения и выполнение правовых и гуманитарных обязательств» поставило под сомнение дальнейшее взаимовыгодное и чрезвычайно значимое для Израиля сотрудничество со многими немусульманскими странами, особенно Китаем и Индией. Развитие двусторонних отношений с Пекином и Нью-Дели является одной из центральных задач внешней политики Израиля в азиатском регионе. Оба государства являются важными торгово-экономическими партнерами Тель-Авива, при этом в контексте индийско-израильских отношений страны также тесно сотрудничают в политической и военно-технической сферах (Микаелян, Морозов, 2023). При этом следует отдельно разобрать вопросы контактов Израиля с Китаем и Индией в условиях трансформирующейся системы международных отношений.

Китайский фактор

Израильская сторона уделяет значительное внимание развитию отношений с Китаем. Еще в 2013 г. во время визита в КНР глава израильского правительства Б. Нетаньяху заявил: «Здесь (в Китае) будущее и я пришел сюда, чтобы открыть рынок Китая для Израиля»³⁷. Вслед за этим знаменательным событием в Израиле активизировалась деятельность китайских строительных компаний, которые выиграла ряд тендеров на реализацию крупных инфраструктурных проектов, таких как строительство и модернизация грузовых портов в г. Хайфа и г. Ашдод³⁸. В 2017 г. во время очередного визита Б. Нетаньяху в КНР стороны объявили об установлении «всеобъемлющего инновационного сотрудничества»³⁹.

³⁷ PM Netanyahu Talks About His Visit to China (Captioned) // YouTube. May 7, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4LnptcTBqzc> (accessed: 12.11.2023).

³⁸ Doron E. Regulation of Foreign Investments and Acquisitions: China as a Case Study // INSS Memorandum. 2019. No. 194. P. 64–65. URL: <https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2019/08/Doron.pdf> (accessed: 12.11.2023).

³⁹ China — Israel Comprehensive Innovation Partnership // Consulate General of Israel in Chengdu.

Китайское политическое руководство и китайский бизнес проявляют большой интерес к Израилю как государству, обладающему передовыми технологиями и разработками в сфере высоких технологий, что приводит к значительным инвестициям с китайской стороны в израильскую IT-сферу (Микаелян, Морозов, 2023, с. 21). По данным Центрального статистического бюро Израиля, по состоянию на 2022 г. Китай является одним из основных торгово-экономических партнеров Тель-Авива (товарооборот 17,62 млрд долл. США), будучи самым крупным импортером и вторым основным экспортным направлением, уступая по этим показателям только США⁴⁰.

Интенсификация израильско-китайского торгово-экономического сотрудничества привлекла к себе внимание Вашингтона, что неудивительно, принимая в расчет тот факт, что администрация Д. Трампа в 2017 г. в Стратегии национальной безопасности США придавала особое значение конкуренции с КНР. В этом контексте развитие взаимовыгодных отношений между одним из ключевых союзников США на Ближнем Востоке и государством, которое американцы рассматривают в качестве своего соперника, снова вызывало в Вашингтоне недовольство. США еще в конце прошлого века подвергали Израиль критике из-за его сотрудничества с Китаем в военно-технической сфере. В 2000 и 2005 гг. давление США привело к срыву двух дорогостоящих контрактов на поставку радаров *Phalcon* и модернизацию беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), купленных Китаем у израильского производителя еще в 1994 г. (Микаелян, Морозов, 2021, с. 342). После этих событий все контакты между Пекином и Тель-Авивом в области военно-технического сотрудничества (ВТС) были прекращены. Тем самым страны стали соблюдать негласные «красные линии», прочерченные Соединенными Штатами, фокусируя все свое внимание

2023. URL: <https://embassies.gov.il/chengdu/NewsAndEvents/Pages/compre.aspx> (accessed: 12.11.2023).

⁴⁰ Fadlon T. Trends in Trade between Israel and China Over the Past Decade (2013–2022) // The Institute for National Security Studies. June 18, 2023. URL: <https://www.inss.org.il/publication/israel-china-10-years/> (accessed: 12.11.2023).

на экономической сфере. Однако интенсификация конкуренции между США и КНР и антикитайский курс во внешней политике администрации Д. Трампа привели к тому, что США вновь стали критиковать израильско-китайские отношения.

Упреки в адрес израильских властей стали озвучиваться как в американских СМИ и публикациях экспертного сообщества, так и со стороны официальных лиц. Так, в 2019 г. американский аналитический центр *RAND Corporation* опубликовал доклад на тему развития отношений Израиля и Китая, содержащий опасения, которые вызывают у американской стороны степень глубокой вовлеченности Китая в экономику Израиля и поддержка израильскими властями китайской инициативы «Один пояс, один путь» (Efron et al., 2019, p. 197).

В январе 2019 г. советник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон во время переговоров с Б. Нетаньяху выразил обеспокоенность американской стороны в связи с использованием в Израиле в чувствительных сферах телекоммуникационного оборудования китайского производства⁴¹. В марте того же года госсекретарь США М. Помпео выступил с предостережением, что Вашингтон может ограничить свое сотрудничество в области безопасности с Израилем из-за тесных контактов Тель-Авива с Пекином⁴². При этом США в лице тогдашнего президента Д. Трампа обращались к Израилю, чтобы тот ограничил китайские инвестиции в Израиле⁴³. Отметим, что особое недовольство в Вашингтоне вызывал факт реализации китайскими

компаниями инфраструктурных проектов, в частности тот факт, что китайская компания *Shanghai International Port Group* не просто получила тендер на строительство нового порта в г. Хайфа, но и получила право на административное управление новым портом в течение 25 лет. Вопрос порта Хайфы дважды в 2019 и 2022 гг. затрагивался в докладах исследовательской службы Конгресса США, в которых содержался призыв к правительству Израиля «принять во внимание возможные угрозы, исходящие от иностранных инвестиций»⁴⁴.

Отметим, что не только американские чиновники выражали недовольство. Так, в январе 2019 г. глава Службы общей безопасности Израиля (ШАБАК) Н. Аргаман заявил, что расширение деятельности китайских компаний в Израиле подвергает угрозе безопасность страны⁴⁵. Более того, правительства Н. Беннета и Я. Лапида, по некоторым данным, под давлением США подписали в 2021 и 2022 гг. декларацию в Совете по правам человека ООН с критикой в адрес политики КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе⁴⁶. Это вызвало негативную реакцию в КНР, и посол Израиля в Китае была вызвана для беседы с главой департамента международных отношений Коммунистической партии Китая. В ходе беседы был озвучен призыв к Израилю не выстраивать свою политику в отношении Китая под давлением США, поскольку это непременно приведет к ухудшению израильско-китайских отношений, несмотря на наличие долгосрочных интересов между двумя странами⁴⁷.

⁴⁴ Israel: Background and U.S. Relations in Brief // Congressional Research Service. February 3, 2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44245/103> (accessed: 12.11.2023).

⁴⁵ Rosh ha-Shabak mazhir: hitrachavutan shel havarot siniyot ba-Aretz mesukanot le-vitahon ha-medina [Глава ШАБАК предупреждает, что расширение деятельности китайских компаний угрожает безопасности Израиля] // Maariv. January 9, 2019. (На иврите). URL: <https://www.maariv.co.il/news/israel/Article-679518> (accessed: 12.11.2023).

⁴⁶ Israel Signs Statement against China's Treatment of Uighurs at UNHRC // The Jerusalem Post. June 15, 2022. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/article-709426> (accessed: 12.11.2023).

⁴⁷ Sin be-meser harif le-Israel: al teafsheru le-lahatz Amerikani ligrom li-fgiya be-yahasim itanu [Китай в рез-

⁴¹ U.S., Israel Air Concerns over China Telecom Companies: U.S. Official // Reuters. January 10, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-israel-china/u-s-israel-air-concerns-over-china-telecom-companies-u-s-official-idUSKCN1P32JQ> (accessed: 12.11.2023).

⁴² Pompeo Warns US Could Curb Security Ties with Israel over China Relations // The Times of Israel. March 21, 2019. URL: <https://www.timesofisrael.com/pompeo-warns-us-could-curb-security-ties-with-israel-over-china-relations/> (accessed: 12.11.2023).

⁴³ Scoop: Israel Scrambles to Avoid Trump Blowback over Chinese Investments // AXIOS. August 5, 2019. URL: <https://www.axios.com/2019/08/05/israel-china-investments-trump-administration-security> (accessed: 12.11.2023).

В ответ на беспокойство США Израиль стал прилагать усилия, чтобы свести на нет любые возможные противоречия между Тель-Авивом и Вашингтоном. В августе 2019 г. правительство Израиля обсуждало проект создания органа по надзору за китайскими инвестициями на основе предложения, внесенного советником национальной безопасности М. Бен-Шаббатом. Однако успеха достичь не удалось, поскольку МИД Израиля выступил против создания данного механизма, заявив, что он не соответствует требованиям американских партнеров. Аналогичную точку зрения озвучило Министерство финансов Израиля, отметив, что любое серьезное регулирование инвестиций из КНР в Израиль нанесет экономический урон сотрудничеству израильских IT-компаний с китайскими партнерами⁴⁸.

Успеха все уже удалось достичь в октябре 2019 г., когда была учреждена специальная комиссия во главе с Министерством финансов Израиля для надзора за китайскими инвестициями. В ее состав вошли члены Совета по национальной безопасности, Министерства обороны Израиля, а также наблюдатели из МИД Израиля, Министерства экономики и Национального экономического совета⁴⁹.

Несмотря на активное противодействие США развитию израильско-китайских контактов, в Израиле по-прежнему рассматривают КНР как важного торгово-экономического партнера, сотрудничество с которым полностью отвечает национальным интересам⁵⁰.

ком послании Израилю: не позволяйте американскому давлению навредить отношениям с нами] // Walla! August 17, 2022. (На иврите). URL: <https://news.walla.co.il/item/3525008> (accessed: 12.11.2023).

⁴⁸ Scoop: Israel Scrambles to Avoid Trump Blowback over Chinese Investments // AXIOS. August 5, 2019. URL: <https://www.axios.com/2019/08/05/israel-china-investments-trump-administration-security> (accessed: 12.11.2023).

⁴⁹ Under Pressure from US, Israel Forms Panel to Examine Foreign Investments // The Times of Israel. October 30, 2019. URL: <https://www.timesofisrael.com/under-pressure-from-us-israel-forms-panel-to-examine-foreign-investments/> (accessed: 12.11.2023).

⁵⁰ Mitnick J. Why the U.S. Can't Get Israel to Break Up with China // Foreign Policy. June 16, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/06/16/us-israel-china-deals/> (accessed: 12.11.2023).

Таким образом, можно говорить о столкновении интересов Вашингтона и Тель-Авива в вопросе развития отношений с Пекином.

В этой связи в израильском экспертном сообществе призывают руководство своей страны продолжить нынешнюю прагматичную внешнеполитическую стратегию, которую они называют «хождением между капель дождя», при этом подчеркивается необходимость адаптировать ее к новой эпохе конкуренции великих держав⁵¹. Суть данной стратегии заключается в следующем.

С одной стороны, Израиль будет сотрудничать с США, принимая во внимание все опасения, высказываемые американской стороной в контексте израильско-китайского сотрудничества, например, передавая американской стороне всю необходимую информацию о новых договорах и контрактах со своими китайскими партнерами. Израиль даже заявил о готовности пересмотреть эти договоры при обращении американских союзников, делая при этом акцент на том, что Израиль находится на стороне США⁵². С другой стороны, Израиль будет продолжать сотрудничество с Китаем в торгово-экономической сфере и пытаться тем самым достичь максимальной пользы для Израиля, но таким образом, чтобы не скомпрометировать американо-израильские отношения.

Что касается политической плоскости израильско-китайских отношений, то Израиль всегда воспринимал Китай как важного партнера, с которым необходимо вести диалог и по внешнеполитическим вопросам, однако Китай никогда не рассматривался в Израиле как противовес или замена США. Это особенно отчетливо проявилось после реакции КНР на эскалацию палестино-израильского конфликта в октябре 2023 г. Как отметила в своей статье Г. Лави, эксперт по израильско-

⁵¹ Eran O., Eilam S., Orion A., Shavit E., Mil-Man A., Fadlon T. The International System: The Global Competition and Its Growing Influence on Israel // The Institute for National Security Studies. 2023. P. 10–11. URL: <https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2023/02/International-System.pdf> (accessed: 12.11.2023).

⁵² Israel Agrees to Update US about China Trade to Avoid Tension // The Jerusalem Post. January 3, 2022. URL: <https://www.jpost.com/international/article-691425> (accessed: 12.11.2023).

китайским отношениям, Пекин не упомянул движение ХАМАС в заявлении пресс-секретаря МИД КНР, призвав обе стороны к прекращению огня. Также подчеркивается, что в китайском сегменте Интернета и социальной сети *Weibo* долгое время не удалялись комментарии против Израиля, а также критические замечания в отношении израильских ракетных ударов по Газе. Отсюда следует вывод, который действительно отражает отношение Тель-Авива к Пекину: Китай — важный и крупный торгово-экономический партнер Израиля, но Китай не является другом Израиля⁵³.

Индийский фактор

Что касается развития израильско-индийских отношений, то с уверенностью можно охарактеризовать их как стратегическое сотрудничество. При этом контакты между Тель-Авивом и Нью-Дели вышли на этот уровень после прихода к власти в Индии Н. Моди в 2014 г., когда значительно увеличилось количество подписанных двусторонних соглашений, а также интенсифицировалось сотрудничество в ВТС (Морозов, Микаелян, 2018, с. 128–129). В частности, по данным СИПРИ, Индия является самым крупным импортером вооружений из Израиля, куда в 2018–2022 гг. направлялось 37 % от всего экспорта оружия из Израиля⁵⁴. В Израиле также озвучиваются мнения, что начало СВО — это уникальный шанс еще больше укрепить ВТС с Индией, чему позитивным образом способствует качественное улучшение американо-индийских отношений⁵⁵.

⁵³ Lavi G. Sin vecha-milkhama be-Israel: be-shaat tzara mitgalim ha-haverim ha-amitiim // Ha-makhon le-mehkarei bitakhon leumi [Лави Г. Китай и война в Израиле: настоящие друзья появляются в трудные времена // Институт исследований национальной безопасности]. October 12, 2022. (На иврите). URL: https://www.inss.org.il/he/social_media/המלחמה-סיני-המלחמה-בישראל-החב-מתגלים-צרה-בשעת-בישראל (accessed: 12.11.2023).

⁵⁴ Wezeman P. D., Gadon J., Wezeman S. T. Trends in International Arms Transfers, 2022 // SIPRI Fact Sheet. March 2023. P. 2. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-03/2303_at_fact_sheet_2022_v2.pdf (accessed: 12.11.2023).

⁵⁵ Rusiya lo omedet be-hazmanot, vele-yadei Israel nafla “hizdamnut bitkhonit” be-Hodu [Россия не

Рассматривая израильско-индийское взаимодействие в контексте изменений в системе международных отношений и интенсификации конкуренции великих держав, можно констатировать совпадение интересов США и Израиля. Высокую заинтересованность Вашингтона в развитии отношений с Индией можно увидеть в доктринальных документах США, в частности в Стратегии национальной безопасности 2017, где приветствуется становление Индии как лидирующей глобальной державы и сильного стратегического партнера США в сфере безопасности⁵⁶.

В документе от 2022 г. Индия упоминается в контексте участия в объединениях «Квад» (Четырехсторонний диалог по безопасности, в котором участвуют США, Индия, Япония и Австралия, *Quad*) и *I2U2* (формат сотрудничества США, Индии, Израиля и ОАЭ)⁵⁷. Реализация последнего стала реальной благодаря достижению «Авраамовых соглашений» при администрации Д. Трампа. При этом следует подчеркнуть, что формат *I2U2* и создаваемый в рамках этой структуры продовольственный коридор из Индии в Европу через территорию ОАЭ, Саудовской Аравии, Иордании и Израиля рассматривается в качестве ответа на китайскую инициативу «Один пояс, один путь». Примечательно, что для реализации вышеупомянутого коридора важная роль отводится инфраструктуре, в частности порту г. Хайфа, однако речь идет о старом порте, который в соответствии с достигнутой договоренностью будет приватизирован индийским конгломе-

выполняет контракты, а Израиль получил уникальный шанс в сфере ВТС с Индией] // Haaretz. November 30, 2022. (На иврите). URL: <https://www.haaretz.co.il/blogs/anatbersteinreich/2022-11-30/ty-article/00000184-c754-d05a-a3b4-e774d5af0000> (accessed: 12.11.2023).

⁵⁶ National Security Strategy of the United States of America // The White House. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 12.11.2023).

⁵⁷ National Security Strategy of the United States of America // The White House. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 12.11.2023).

ратом *Adani Group* в партнерстве с израильской компанией *Gadot*⁵⁸.

Важным аспектом также является и сотрудничество в военной области. С 2017 г. ВВС Индии наряду с ВВС США принимают участие в военных учениях *Blue Flag* на территории Израиля⁵⁹. Более того, как отмечают индийские военные эксперты, расширение номенклатуры поставляемых вооружений из США в Индию позитивным образом влияет на развитие индийско-израильских отношений, поскольку растет унификация платформ ВВС Индии с ВВС Израиля (Browne, 2017, pp. 325–335).

Примечательна и позиция Нью-Дели по Газе. Премьер-министр Н. Моди одним из первых иностранных лидеров выступил с осуждением насильственных действий ХАМАС 7 октября 2023 г., при этом посол Израиля в Индии Н. Гилон поблагодарил главу индийского правительства за его полную поддержку Израиля⁶⁰. Индия воздержалась от голосования по резолюции ГА ООН, которая осуждала Израиль, однако заместитель постпреда Индии в ООН призвала решить конфликт на основе двугосударственного принципа⁶¹.

Реакцию Индии на события в Газе можно считать прорывом для Тель-Авива, и не только из-за того, что заявление Н. Моди было созвучно реакции глав стран западного мира. Оно в большей степени иллюстрировало эво-

люцию подхода Нью-Дели к палестино-израильскому противостоянию от однозначной пропалестинской позиции периода холодной войны к более сбалансированной позиции, что в израильских СМИ рассматривают в качестве достижения израильской дипломатии⁶².

Хотя реализация некоторых совместных с Индией проектов, в частности продовольственного коридора в рамках *I2U2*, из-за эскалации конфликта в Газе видится маловероятной в краткосрочной и среднесрочной перспективе, в целом тренд на укрепление израильско-индийского стратегического сотрудничества сохраняется и идет параллельно с усилиями американской дипломатии по выстраиванию качественного новых отношений с Нью-Дели на фоне интенсификации конкуренции с Китаем в Азии. При этом если развитие израильско-китайских отношений противоречит интересам Вашингтона, то в условиях распада однополярного мира укрепление контактов Тель-Авива и Нью-Дели полностью соответствует стратегическим расчетам США.

Заключение

В связи с возвращением международной поляризации в свете российско-американского соперничества Израиль с учетом новой международной конфигурации представлялся самым перспективным бенефициаром, которому открывались широкие возможности для развития и укрепления связей по всем направлениям двустороннего сотрудничества с Китаем и Индией. Однако устойчивость такого сотрудничества всегда зависела сначала от противостояния Израиля с арабским миром, а после того, как в конце прошлого столетия конфликт перестал носить интернациональный характер, — от палестинской проблемы, которая десятилетиями оставалась нерешенной из-за упорного

⁵⁸ Adani Ports to Boost Trade Lanes with Joint Haifa Port Acquisition // Reuters. June 15, 2022. URL: <https://www.reuters.com/markets/deals/adani-ports-boost-trade-lanes-with-joint-haifa-port-acquisition-2022-07-15/> (accessed: 12.11.2023).

⁵⁹ IDF's Largest-Ever Aerial Exercise Takes Off, with India on Board // The Times of Israel. November 5, 2017. URL: <https://www.timesofisrael.com/idf-kicks-off-its-largest-ever-international-aerial-exercise/> (accessed: 12.11.2023).

⁶⁰ India Takes Strong pro-Israel Stance under Modi in a Departure from the Past // The Guardian. October 31, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/oct/31/india-pro-israel-narendra-modi-bjp-government> (accessed: 12.11.2023).

⁶¹ UN General Assembly Adopts Gaza Resolution Calling for Immediate and Sustained 'Humanitarian Truce' // UN News. October 26, 2023. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/10/1142847> (accessed: 12.11.2023).

⁶² Aharei asorim shel tmiha be-falestinim: Hodu hityatzva le-tzad Israel mul Hamas [После десятилетий поддержки палестинцев: Индия поддержала Израиль против ХАМАС] // Israel Hayom. October 14, 2022. (На иврите). URL: <https://www.israelhayom.co.il/news/geopolitics/article/14709870> (accessed: 12.11.2023).

нежелания Израиля признать законное право палестинцев на существование в рамках отдельного независимого государства. Вопрос о будущем статусе Палестины был и остается основным при выстраивании отношений Израиля со всеми странами мира. Следует напомнить, что значительная часть государств, включая Китай и Индию, после Октябрьской войны 1973 г. либо разорвали дипломатические отношения с Израилем, либо понизили уровень взаимного доверия.

Похожая ситуация в настоящее время складывается из-за резкой эскалации палестино-израильского конфликта в Газе. Чрезмерная жестокость, проявленная войсками оккупирующей державы в отношении гражданского населения и гражданской инфраструктуры сектора, фактически подорвала так называемые «Авраамовы соглашения», которые, по мнению их архитекторов, были призваны обеспечить столь важную для Израиля нормализацию отношений с некоторыми арабскими странами.

Конфликт на Украине и неожиданно вспыхнувшая новая война в рамках палестино-израильского противостояния отчетливо высветили разделенность мира на два лагеря, причем традиционно произраильский Запад во главе с США оказался в меньшинстве. В новой геополитической ситуации Израиль продемонстрировал сдержанное и сбалансированное отношение к обеим противостоящим сторонам украинского кризиса. События в Газе вынудили израильское руководство определиться с выбором, и — как в прежние годы судьбоносных войн с арабскими соседями — предпочтение было отдано западным партнерам во главе с США, которые не просто осудили террористические атаки ХАМАС, но и полностью стали оправдывать непропорциональные и антигуманные действия ЦАХАЛ, граничащие с откровенным геноцидом палестинцев.

Вместе с тем полное уничтожение ХАМАС таит в себе опасные последствия для

самого Израиля. Давно известно, что Исламское движение сопротивления возникло в конце 1980-х гг. с «благословения» израильских спецслужб для противодействия ООП и его головной организации ФАТХ, находившейся под влиянием светских идеологий.

Живучесть ХАМАС является отнюдь не проявлением его силы — израильская армия могла бы положить конец существованию военизированных структур в секторе Газа еще во время масштабных вторжений на его территорию в 2002, 2012 и 2014 гг. Однако при таком сценарии образовавшийся на палестинском политическом пространстве вакуум неизбежно был бы заполнен наследниками Я. Арафата в лице ООП и ПНА — законными и общепризнанными, в том числе в Израиле, участниками мирного урегулирования палестино-израильского конфликта, функционирующими на основе международного права и достигнутых ранее договоренностей. При этом они призывают к урегулированию палестино-израильского конфликта в соответствии с принципом сосуществования двух государств — Израиля и Палестины, живущих бок о бок в пределах безопасных и признанных границ. Такое решение целиком и полностью противоречит концепции «Эрец Исраэль шлема» («Целостность Земли Израиля»), лежащей в основе главных приоритетов государственной политики правящих более 20 лет израильских крайне правых коалиций. Эта концепция исключает саму возможность создания палестинского государства на территории «Эрец Исраэль».

Таким образом, в случае полной ликвидации ХАМАС Израиль столкнется с неприятной для него дилеммой: либо признать право на существование Государства Палестина, что неминуемо приведет к отставке нынешнего правительства и политическому кризису, либо вновь оказаться в региональной изоляции при одновременной оторванности от значительной части мирового пространства, то есть превратиться в государство-изгоя.

Поступила в редакцию / Received: 15.11.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 04.12.2023
Принята к публикации / Accepted: 23.12.2023

Библиографический список

- Карасова Т. А.* Особенности израильско-американских отношений в период правления правительств Б. Нетаньяху и администраций Б. Обамы и Д. Трампа (2009–2019). Москва : Институт востоковедения РАН, 2019.
- Крылов А. В.* Смогут ли реэмигранты вывести Израиль из политического кризиса? // *Контуры трансформаций в политике, дипломатии и обществе Государства Израиль : сборник статей по материалам I Международной израилеведческой научной конференции «Чтения им. А. Е. Бовина», Москва, 19–20 октября 2021 г. / отв. ред. Д. А. Марьясис, С. Г. Мелконян, Е. А. Якимова.* Москва : Институт востоковедения РАН, 2022. С. 392–413.
- Крылов А. В., Морозов В. М.* Идеология ХАМАС: от радикального исламизма к рациональному практицизму? // *Полис. Политические исследования.* 2018. № 4. С. 84–99. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.07>
- Крылов А. В., Федорченко А. В.* Израильско-украинские отношения в контексте новой геополитической ситуации // *Полис. Политические исследования.* 2023. № 3. С. 86–97. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.07>
- Микаелян А. А., Морозов В. М.* Фактор США в израильско-китайских и израильско-индийских отношениях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2021. Т. 21, № 2. С. 338–349. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-338-349>
- Микаелян А. А., Морозов В. М.* Эволюция израильско-китайских и израильско-индийских отношений. Москва : МГИМО-Университет, 2023.
- Морозов В. М., Микаелян А. А.* Индийский вектор израильской внешней политики // *Вестник Брянского государственного университета.* 2018. № 2. С. 125–134.
- Примаков Е. М.* Мысли вслух. Москва : Российская газета, 2011.
- Brooks S. G., Wohlforth W. C.* The Myth of Multipolarity // *Foreign Affairs.* 2023. Vol. 102, no. 3. P. 76–91.
- Browne N. A. K.* A Perspective on India — Israel Defense and Security Ties // *Strategic Analysis.* 2017. Vol. 41, no. 4. P. 325–335. <https://doi.org/10.1080/09700161.2017.1330934>
- Degtarev D. A.* Multipolar World Order: Old Myths and New Realities // *Vestnik RUDN. International Relations.* 2019. Vol. 19, no. 3. P. 404–419. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419>
- Deutsch K. W., Singer J. D.* Multipolar Power Systems and International Stability // *World Politics.* 1964. Vol. 16, no. 3. P. 390–406. <https://doi.org/10.2307/2009578>
- Efron S., Shatz H. J., Chan A., Haskel E., Morris L. J., Scobell A.* The Evolving Israel — China Relationship. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2019. <https://doi.org/10.7249/RR2641>
- Egel D., Efron S., Robinson L.* Peace Dividend: Widening the Economic Growth and Development Benefits of the Abraham Accords. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2021. <https://doi.org/10.7249/PEA1149-1>
- Ikenberry G. J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton : Princeton University Press, 2001.
- Kupchan C.* Bipolarity is Back: Why It Matters // *The Washington Quarterly.* 2021. Vol. 44, no. 4. P. 123–139. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2021.2020457>
- Mearsheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York : W.W. Norton, 2001.
- Modelski G., Thompson W. R.* Seapower in Global Politics, 1494—1993. London : The Macmillan Press LTD, 1988. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-09154-6>
- Tunsjø Ø.* The Return of Bipolarity in World Politics: China, the United States, and Geostructural Realism. New York : Columbia University Press, 2018.
- Waltz K. N.* Theory of International Politics. New York : McGraw-Hill, 1979.
- Wohlforth W. C.* The Stability of a Unipolar World // *International Security.* 1999. Vol. 24, no. 1. P. 5–41. <https://doi.org/10.1162/016228899560031>

Сведения об авторах:

Крылов Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 7985-0367; ORCID: 0000-0002-3132-8995; e-mail: a.krylov@inno.mgimo.ru

Микаелян Арман Артакович — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры языков Ближнего и Среднего Востока, МГИМО МИД России; ORCID: eLibrary SPIN-код: 6558-7032; 0000-0002-9922-245X; e-mail: mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-40-50

EDN: ENZYFW

Научная статья / Research article

Между миром и конфликтом: Ближний Восток после «Авраамовых соглашений»

Г.П. Абдуллаев

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 gasan.abdullaev.97@mail.ru

Аннотация. В 2020 г. четыре арабских государства — Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Марокко и Судан — при активном содействии США сделали первые шаги на пути к нормализации отношений с Израилем. Предпринята попытка выявить основные причины, подтолкнувшие арабские государства к таким действиям, а также проведен анализ положения палестинцев на фоне укрепления отношений Израиля с арабским миром. Автор анализирует, как конфликт между Израилем и ХАМАС, начавшийся 7 октября 2023 г., оказал влияние на сложившиеся дипломатические, экономические и военные связи между еврейским государством и странами — подписантами «Авраамовых соглашений». По результатам исследования установлено, что одной из главных причин нормализации отношений арабских стран с Израилем стал расчет на углубление сотрудничества с США в военно-технической области. В то же время нельзя расценивать нормализацию отношений четырех арабских стран с Израилем как шаг к стабилизации в регионе, так как реакция на достигнутые договоренности со стороны палестинцев и других государств региона демонстрирует отсутствие единого подхода к проблеме ближневосточного урегулирования и взгляда на выстраивание региональной архитектуры. В этом контексте следует особо отметить положение палестинцев, для которых эти соглашения стали ударом в спину и создали неблагоприятные условия для образования полноценного Государства Палестина. Также подчеркивается, что будущее «Авраамовых соглашений» и возможность их расширения будет зависеть от развития конфликта между Израилем и ХАМАС, а также от готовности сторон к долгосрочному мирному урегулированию. Продолжение конфликта в Газе серьезно подорвет имидж Израиля в арабском мире и основополагающие принципы «Авраамовых соглашений», что отразится на снижении значимости этих договоренностей. Это исследование предлагает ценный взгляд на сложные и динамичные отношения в Ближневосточном регионе и способствует пониманию мотивов и последствий недавних геополитических изменений.

Ключевые слова: Ближний Восток, Авраамовы соглашения, арабо-израильские отношения, ближневосточная политика США

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Абдуллаев Г. П. Между миром и конфликтом: Ближний Восток после «Авраамовых соглашений» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 40–50. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-40-50>

© Абдуллаев Г.П., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Between Peace and Conflict: The Middle East After the Abraham Accords

Hasan P. Abdullayev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 gasan.abdullaev.97@mail.ru

Abstract. In 2020, four Arab states — Bahrain, the United Arab Emirates, Sudan and Morocco — took their first steps toward normalizing relations with Israel with the active US support. This research is an attempt to identify the main incentives which made the Arab states act the way they did, as well as to analyze the situation of the Palestinians amidst the strengthening of relations between Israel and the Arab world. The author also examines how the conflict between Israel and Hamas, which began on October 7, 2023, has affected the established diplomatic, economic, and military ties between the Jewish state and the Arab countries which signed the Abraham Accords. The study concludes that one of the main incentives for Arab states to normalize relations with Israel is the desire to deepen military and technical cooperation with the U.S. At the same time, it would be far-fetched to consider the normalization of relations between the four states and Israel as a step toward regional stabilization, given the reaction of the Palestinians and other Middle Eastern states to the agreements embraced. The reaction reflects the failure to find a common approach to the Middle East peace process as well as the fact that there is no region-widely shared view on shaping a new regional architecture. In this context, it is worth highlighting the situation of the Palestinians, for whom these agreements were a stab in the back and created unfavorable conditions for the establishment of a full-fledged state of Palestine. The study also emphasizes that the future of the “Abraham Accords” and the possibility of their expansion will depend on the development of the conflict between Israel and Hamas, as well as on the readiness of the parties to reach a long-term peaceful settlement. The continuation of the conflict in Gaza would seriously undermine Israel’s image in the Arab world and would certainly undermine the fundamental principles of the Abraham Accords, which would diminish the importance of these agreements. This study offers a valuable perspective on the complex and dynamic relationships in the Middle East region and contributes to understanding the motives and consequences of recent geopolitical changes.

Key words: Middle East, Abraham Accords, Arab-Israeli relations, US Middle East policy

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Abdullayev, H. P. (2024). Between peace and conflict: The Middle East after the Abraham accords. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 40–50. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-40-50>

Введение

2020 г. можно назвать если не моментом сдвига с мертвой точки арабо-израильского противостояния, то периодом надежды на нормализацию отношений между арабским миром и Израилем. Этот год стал весьма продуктивным для Израиля в плане налаживания отношений с арабскими странами — по меньшей мере, с точки зрения создания правовой базы: за год подписано четыре из шести существующих договоров о нормализации отношений. Еще два были заключены между Израилем и Египтом в 1979 г. и Израилем и Иорданией в 1994 г. (Гасратян, 2015, с. 156). Четырьмя новыми арабскими странами, которые нормализовали отношения с Израилем, стали Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Бахрейн, Судан и Марокко.

Интерес представляет выявление основных причин, которые подтолкнули как США и Израиль, так и арабские страны к столь решительным шагам. Учитывая традиционную поддержку, которую арабские страны оказывают палестинцам, нормализация отношений с Израилем может существенно подорвать сложившийся общеарабский консенсус по данному вопросу. Кроме того, в статье рассматриваются действия арабских стран, присоединившихся к «Авраамовым соглашениям», после обострения ситуации в Секторе Газа в октябре 2023 г.

Все это позволит приблизиться к достижению цели исследования, которая состоит в изучении мотивов сближения с Израилем арабских государств, оценке их заинтересованности в налаживании отношений

с Израилем при активном посредничестве США, а также выявлении того, насколько «Авраамовы соглашения» будут прочными на фоне эскалации в секторе Газа.

Учитывая, что ключевыми акторами анализируемых событий являются государства, автор строит подход к исследованию преимущественно на базе реалистского направления теории международных отношений. Следует особо подчеркнуть, что заключение этих соглашений о нормализации отношений с Израилем играет ключевую роль в перепределинии регионального баланса сил, не только меняя взаимоотношения между подписавшими странами, но и оказывая влияние на стратегическую динамику в Ближневосточном регионе путем создания новых геополитических реалий и переосмысления традиционных альянсов и враждебностей. Кроме того, автор использует исторический и системный методы исследования для анализа развития событий, которые привели к подписанию «Авраамовых соглашений», а также для оценки их влияния на Ближневосточный регион и международные отношения в целом.

С точки зрения анализа источников информации автору важно было обратить пристальное внимание прежде всего на официальные документы и договоры, а также на публичные заявления официальных представителей сторон. Привлечена литература, позволяющая понять долгосрочные тренды и векторы политики государств Ближнего Востока.

Причины нормализации отношений Израиля с арабскими странами

15 сентября 2020 г. в Вашингтоне прошла торжественная церемония подписания соглашений о нормализации отношений между Израилем, с одной стороны, и ОАЭ и Бахрейном — с другой, при активном посредничестве США¹. Подписантами соглашений стали:

¹ Holland S., Spetalnick M. In Break with Past, UAE and Bahrain Forge Ties with Israel at White House // The Star. September 16, 2020. URL: <https://www.thestar.com.my/news/world/2020/09/15/at-historic-white-house-event-uae-and-bahrain-to-move-toward-normal-ties-with-israel> (accessed: 02.12.2023).

с израильской стороны — премьер-министр Биньямин Нетаньяху, со стороны арабских стран — министр иностранных дел и международного сотрудничества ОАЭ Абдалла Бен Заид Аль Нахайян, глава МИД Бахрейна Абдуллатиф бин Рашид аз-Заяни. США представлял президент Дональд Трамп (2017–2021 гг.). В ходе церемонии был подписан комплекс документов:

1) «Договор о мире, установлении дипломатических отношений и полной нормализации между Израилем и ОАЭ»²;

2) «Декларация о мире, сотрудничестве и конструктивных дипломатических и дружеских отношениях между Израилем и Бахрейном»³;

3) общее «Соглашение Авраама», которое было названо в честь патриарха трех основных монотеистических религий мира: иудаизма, христианства и ислама⁴.

Израильско-эмиратский и израильско-бахрейнский документы озаглавлены по-разному: по сложившейся практике, «договор» предполагает более глубокое взаимодействие, чем «декларация». Текст договора между Израилем и ОАЭ выглядит более проработанным и детализированным (Singer, 2021, p. 450). Одной из причин может быть тот факт, что Бахрейн окончательно заявил о своем намерении нормализовать отношения с Израилем менее чем за неделю до церемонии подписания документов в Вашингтоне.

² Abraham Accords Peace Agreement: Treaty of Peace, Diplomatic Relations and Full Normalization between the United Arab Emirates and the State of Israel // U.S. Department of State. September 15, 2020. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/09/UAE_Israel-treaty-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (accessed: 12.08.2023).

³ Abraham Accords: Declaration of Peace, Cooperation and Constructive Diplomatic and Friendly Relations // U.S. Department of State. September 15, 2020. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/09/Bahrain_Israel-Agreement-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (accessed: 12.08.2023).

⁴ The Abraham Accords Declaration // U.S. Department of State. September 15, 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/10/Abraham-Accords-signed-FINAL-15-Sept-2020-508-1.pdf> (accessed: 12.08.2023).

Президент США поставил подпись под всеми документами, окрестив это событие «поворотным моментом» в истории развития ближневосточного урегулирования, с чем согласилась и израильская сторона, выразив надежду, что в конечном счете эти позитивные — по крайней мере в видении сторон — сдвиги приведут к окончанию арабо-израильского конфликта (Guzansky & Zachary, 2020, p. 379). Нормализация отношений предполагает сотрудничество между Израилем и арабскими государствами по широкому спектру направлений: от энергетики, экономики, здравоохранения и туризма до военной сферы.

Ключевым условием соглашения стало замораживание строительства еврейских поселений на оккупированной территории Западного берега реки Иордан, что Биньямин Нетаньяху обещал еще во время парламентских выборов в 2020 г. и что нашло свое отражение в так называемой «сделке века» (Карасова, 2023, с. 85). Официально документ называется «Мир во имя процветания. Видение того, как улучшить жизнь палестинского и израильского народа»⁵. Это выдвинутая США, по существу, произраильская инициатива, которая вызвала весьма неоднозначную реакцию, в том числе и потому, что в составлении документа палестинская сторона участия не принимала (Мельникова, 2020, с. 31). Остановка строительства поселений не предполагает, впрочем, ухода Израиля с ранее занятых территорий (Кшевицкая, 2021, с. 164).

ОАЭ

Сдвиг в израильско-эмиратских отношениях видится наиболее ощутимым. Ответственность ОАЭ приветствовала заключение «Авраамовых соглашений» (Hitman & Zwilling, 2022, p. 440). Для ОАЭ соглашение открывает немало новых возможностей в домашнем регионе, а потенциально — и за его пределами (Khan & Shahzad, 2021, p. 182). Выгоды,

⁵ Peace to Prosperity: A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People // The White House. January 28, 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/peacetoprosperity/> (accessed: 20.08.2023).

которые ОАЭ получит после подписания договора с Израилем, демонстрируют заинтересованность США в нормализации отношений между арабскими странами и Израилем (Мелкумян, 2021, с. 114).

Нормализация отношений между Израилем и ОАЭ в рамках «Авраамовых соглашений» способствовала укреплению политического, экономического и регионального взаимодействия на Ближнем Востоке. Это соглашение, которое последовало за десятилетиями скрытых контактов, привело к открытым дипломатическим связям, коммерческим возможностям и обмену технологиями (Maher, 2022, p. 1). Важную роль в этом процессе сыграло изменение приоритетов США в области безопасности. События, среди которых Багдадские саммиты, саммит в Негеве в марте 2022 г. и морское соглашение между Израилем и Ливаном, способствовали усилению регионального взаимодействия и деэскалации конфликтов (Vakil & Quilliam, 2023, p. 2).

С момента нормализации отношений ОАЭ и Израиль развили тесные экономические связи (Варнавский, 2022, с. 77). Объем двусторонней торговли между двумя странами с 2020 г. превысил 6 млрд долл. США⁶. К примеру, в 2021 г. объем двусторонней торговли достиг 1,154 млрд долл. США, что весьма значительно для первого года соглашения. В контексте этих экономических успехов в мае 2022 г. Израиль и ОАЭ подписали соглашение о свободной торговле, которое предусматривает освобождение 96 % товаров от таможенных пошлин. Ожидается, что документ позволит увеличить объем торговли между странами до 10 млрд долл. США в течение пяти лет⁷. Кроме того, израильские туристы активно посещают отели, пляжи

⁶ Cornwell A. Exclusive: UAE Plans to Maintain Ties with Israel Despite Gaza Outcry, Sources Say // Reuters. November 11, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/uae-plans-maintain-ties-with-israel-despite-gaza-outcry-sources-say-2023-11-11/> (accessed: 20.11.2023).

⁷ Cornwell A. Israel, UAE Boost Ties with Free Trade Pact // Reuters. May 31, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israel-uae-sign-free-trade-deal-ambassador-2022-05-31/> (accessed: 20.08.2023).

и торговые центры ОАЭ (Egel, Efron & Robinson, 2021, p. 3).

Соглашение ОАЭ с Израилем также подразумевало военное сотрудничество, в частности с США. ОАЭ рассчитывали, что после нормализации отношений смогут приобрести американские истребители F-35 и беспилотные аппараты MQ-9 Reaper. Несмотря на продвижение администрации Д. Трампа в сделке по продаже F-35 и Reaper, сложные переговоры о передаче ключевых компонентов и сомнения США в безопасности своих технологий на фоне развивающихся отношений ОАЭ с Китаем затормозили процесс. Это привело к заявлению ОАЭ об отказе от покупки самолетов (Feierstein & Guzansky, 2023, p. 3).

Конфликт между Израилем и ХАМАС в секторе Газа, начавшийся в октябре 2023 г., оказал значительное влияние на отношения между ОАЭ и Израилем. Однако, несмотря на международное возмущение и растущее число жертв конфликта, ОАЭ планируют поддерживать дипломатические отношения с Израилем. Это решение было обусловлено желанием ОАЭ оказать умеренное влияние на израильскую военную кампанию в Газе и одновременно защитить собственные интересы. ОАЭ, являясь важным региональным игроком и партнером США в области безопасности, выразили свою позицию через официальные осуждения действий Израиля и призывы к прекращению насилия. ОАЭ сохраняют наличие израильского посла на своей территории, что свидетельствует о стремлении к долгосрочным стратегическим отношениям с Израилем. Кроме того, мотивацией к продолжению сотрудничества были общие опасения по поводу угрозы со стороны Ирана, а также экономически обусловленная переориентация внешней политики Абу-Даби.

Бахрейн

Важную роль в процессе установления отношений Бахрейна с Израилем сыграли прагматичные выгоды от двустороннего сотрудничества. Эти преимущества охватывают широкий спектр сфер, в том числе оборону и безопасность, где партнерство

с еврейским государством открывает для Манама новые возможности для укрепления региональной стабильности. «Авраамовы соглашения» в этом контексте стали ключевым механизмом, который позволил обеим странам официально установить дипломатические отношения и расширить сотрудничество. Это сотрудничество оказывается особенно значимым на фоне общих опасений по поводу действий Ирана в регионе, подчеркивая стратегическую важность новых дипломатических связей для Бахрейна⁸.

В марте 2021 г. Бахрейн назначил своего первого посла в Израиле, что стало знаковым событием в отношениях двух стран⁹. В сентябре 2021 г. Израиль открыл свое посольство в Манаме, а в сентябре 2023 г. израильский министр иностранных дел посетил Манама, чтобы официально открыть новое посольство, заменив первое¹⁰. И Бахрейн, и Израиль стремились к расширению экономических связей. В сентябре 2023 г. израильский министр иностранных дел и его бахрейнский коллега подписали соглашение, направленное на расширение туризма, увеличение числа прямых рейсов и укрепление торговых и инвестиционных связей. Сопровождаемый делегацией бизнесменов, министр отметил активное участие израильских компаний в высокотехнологичных и логистических проектах в Бахрейне¹¹.

⁸ Daze-Héni F. The Gulf States and Israel after the Abraham Accords // Arab Reform Initiative. November 6, 2020. URL: <https://www.arab-reform.net/publication/the-gulf-states-and-israel-after-the-abraham-accords/> (accessed: 20.08.2023).

⁹ Staff T. Bahrain Appoints Ambassador to Israel Following 2020 Abraham Accords // The Times of Israel. March 30, 2021. URL: <https://www.timesofisrael.com/bahrain-appoints-ambassador-to-israel-following-2020-abraham-accords/> (accessed: 02.12.2023).

¹⁰ Hamad M. Israel Opens Bahrain Embassy, Three Years after Normalising Ties // Reuters. September 4, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israel-opens-bahrain-embassy-three-years-after-normalising-ties-2023-09-04/> (accessed: 02.12.2023).

¹¹ Israel Opens New Embassy in Bahrain, Agrees to Boost Trade Relations // Al-Jazeera. September 4, 2023. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/9/4/israel-opens-new-embassy-in-bahrain-agrees-to-boost-trade-relations> (accessed: 20.09.2023).

При анализе перспектив и развития торгово-экономических связей между Израилем и Бахрейном необходимо учитывать несколько ключевых аспектов.

Во-первых, общий объем товарооборота между странами относительно скромнен, а экономические возможности Манама уступают таковым в ОАЭ.

Во-вторых, экономики Израиля и Бахрейна менее взаимодополняющие, при этом последний значительно отстает в технологическом развитии.

В-третьих, в отличие от ОАЭ, которые негласно вели торговлю с еврейским государством с 2000-х гг., у Бахрейна до сих пор не было неофициальных экономических связей с Израилем, что заставляет страны начинать отношения с нуля (Крылов, Федорченко, Марьясис, 2022, с. 143). Кроме того, внутриполитическая напряженность в Бахрейне, особенно среди шиитского сегмента населения, которое часто выражает недовольство правящей властью, ограничивает возможности политических и экономических элит в строительстве новых отношений¹².

Анализируя ситуацию с нормализацией отношений Бахрейна с Израилем, можно констатировать, что, несмотря на значительный прогресс во взаимодействии двух государств после подписания «Авраамовых соглашений», эскалация в секторе Газа в октябре 2023 г. оказала на него негативное влияние. В ноябре 2023 г. на фоне продолжающегося конфликта между Израилем и ХАМАС парламент Бахрейна объявил о возвращении своего посла из Израиля и выдворении израильского посла из Бахрейна¹³. Кроме того, было объявлено о приостановке всех экономических отношений с Израилем, что отражает «твердую и историческую позицию»

¹² Khurma M., Farley A., Sherman B., Harb F. A. News Roundup: UAE, Bahrain Normalize Relations with Israel // Wilson Center. September 16, 2020. <https://www.wilsoncenter.org/article/news-roundup-uae-bahrain-normalize-relations-israel> (accessed: 15.10.2023).

¹³ Bahrain Recalls Ambassador from Israel Amid Escalating Assault on Gaza // Al-Jazeera. November 2, 2023. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/11/2/bahrain-recalls-ambassador-from-israel-amid-escalating-assault-on-gaza> (accessed: 02.12.2023).

Бахрейна по поддержке палестинского дела и законных прав палестинского народа. Это заявление было сделано парламентом Бахрейна, однако Израиль заявил, что не получал официального уведомления о таких решениях¹⁴.

Марокко

Еще одним арабским государством, которое в 2020 г. решилось на установление официальных контактов с Израилем при посредничестве США, стало Марокко. 22 декабря 2020 г. Марокко, Израиль и США подписали совместную трехстороннюю декларацию о нормализации отношений¹⁵. Премьер-министр Израиля поприветствовал восстановление связей и объявил о возобновлении прямого авиасообщения между Израилем и Марокко. Первый прямой рейс состоялся 22 декабря 2020 г., когда из Тель-Авива в Рабат прибыла совместная израильско-американская делегация во главе с Дж. Кушнером и главой Совета национальной безопасности еврейского государства Меиром Бен-Шаббатом (Pásztor, 2022, p. 8).

Стороны подписали четыре соглашения: об отказе от виз для владельцев служебных и дипломатических паспортов, меморандумы о взаимопонимании в области гражданской авиации, по инновациям и развитию водных ресурсов, о сотрудничестве в области финансов и инвестиций¹⁶. Потенциальное военное сотрудничество и в случае с Марокко следует рассматривать как важный стимул для нормализации отношений с Израилем. Омер Достри из Иерусалимского института стратегии и безопасности в интервью указал, что

¹⁴ Hamad M. Bahrain Says Envoy to Israel Returned Home, Israel Says Ties Stable // Reuters. November 2, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/bahrain-parliament-says-envoy-israel-returned-home-israel-says-ties-stable-2023-11-02/> (accessed: 20.11.2023).

¹⁵ Joint Declaration. The Kingdom of Morocco, the United States of America and the State of Israel // U.S. Department of State. December 22, 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/01/Joint-Declaration-US-Morocco-Israel.pdf> (accessed: 25.08.2023).

¹⁶ Беленькая М. Израиль замарочился // Коммерсантъ. 22.12.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4626723> (дата обращения: 27.08.2023).

сотрудничество Израиля и Марокко в сфере безопасности охватывает разведывательную сферу, проведение совместных военных учений и торговлю вооружениями¹⁷. Израильские военные участвовали в американских учениях *African Lion* в Марокко, а марокканцы купили израильские дроны и системы противовоздушной обороны (ПВО), проявив также интерес к бронетехнике и кибербезопасности¹⁸. В феврале 2022 г. Марокко и Израиль подписали соглашение, направленное на развитие двусторонней торговли и сотрудничества, включая таможенные льготы и расширение торговых связей (Feierstein & Guzansky, 2023, p. 4).

Для Марокко решение подписать «Авраамовы соглашения» сопровождалось конкретными обязательствами со стороны США. Рабат рассчитывал, что Вашингтон признает его суверенитет над спорной Западной Сахарой в надежде, что это выведет ситуацию с притязаниями Марокко на западносахарскую территорию из тупика. В связи с этим в декабре 2022 г. Дональд Трамп подписал указ, в котором США признавали суверенитет Марокко над Западной Сахарой, что содействовало нормализации израильско-марокканских отношений¹⁹. Однако после этого признания только Израиль в июле 2023 г. последовал примеру США²⁰. ООН продолжает считать этот регион

«несамоуправляющейся территорией», в то время как Международный Суд признал попытки Марокко присоединить к себе Западную Сахару незаконными. Признание Израилем суверенитета Марокко над этой территорией открыло двери для значительного расширения двустороннего военного сотрудничества, включая назначение первого военного атташе Израиля в Рабате (Лиюкумович, Ахматшина, 2022, с. 65).

Марокко занимает осторожную позицию в отношении конфликта между Израилем и ХАМАС, который начался 7 октября 2023 г. Страна придерживается умеренного тона в официальных заявлениях, осуждая нападения на гражданских лиц, призывая к немедленному прекращению огня и обеспечению защиты гражданского населения и гуманитарного доступа²¹. Несмотря на развитие ситуации и ее сложность, Марокко избегает обвинять какую-либо конкретную сторону конфликта. Этот подход проявляется в постоянной реакции Марокко на развивающиеся события, где терминология и выражения подстраиваются под меняющийся контекст (Saddiki, 2023, p. 4).

Судан

На протяжении многих лет Судан был известен своей позицией отказа от признания Израиля. Это наиболее ярко проявилось в 1967 г. на Хартумской конференции Лиги арабских государств (ЛАГ), где были объявлены «Три нет» в отношении Израиля: нет — миру с Израилем, нет — переговорам с Израилем, нет — признанию Израиля²². Это заявление фактически означало непризнание права Израиля на существование и предполагало

¹⁷ Bassist R. Israel — Morocco Security Ties Set to Deepen after Western Sahara Recognition // Al-Monitor. July 18, 2023. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2023/07/israel-morocco-security-ties-set-deepen-after-western-sahara-recognition> (accessed: 25.08.2023).

¹⁸ Fabian E. In First, IDF Sends Troops to Participate in Major US-led Drill in Morocco // The Times of Israel. June 5, 2023. URL: <https://www.timesofisrael.com/in-first-idf-sends-troops-to-participate-in-major-us-led-drill-in-morocco/> (accessed: 02.12.2023).

¹⁹ Proclamation on Recognizing the Sovereignty of the Kingdom of Morocco over the Western Sahara // U.S. Embassy & Consulates in Morocco. December 10, 2020. URL: <https://ma.usembassy.gov/proclamation-on-recognizing-the-sovereignty-of-the-kingdom-of-morocco-over-the-western-sahara/> (accessed: 26.08.2023).

²⁰ Berman L., Staff T. Israel Tells Morocco It Recognizes Its Sovereignty over Disputed Western Sahara // The Times of Israel. July 17, 2023. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-tells-morocco-it-recognizes-its-sovereignty-over-disputed-western-sahara/> (accessed: 26.08.2023).

²¹ Gaza: Morocco Expresses Deep Concern at Outbreak of Military Action and Condemns Attacks on Civilians Wherever They Are (Foreign Ministry) // Embassy of the Kingdom of Morocco in the United States of America. October 7, 2023. URL: <https://us.diplomatie.ma/en/gaza-morocco-expresses-deep-concern-outbreak-military-action-and-condemns-attacks-civilians-wherever-they-are-foreign-ministry> (accessed: 25.11.2023).

²² Israel — Arab Peace Process: The Khartoum Resolutions (September 1, 1967) // Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-khartoum-resolutions> (accessed: 25.09.2023).

войну как единственный способ разрешения конфликта.

Однако в последние годы произошли существенные изменения (Косач, 2021, с. 66). В 2020 г. Судан заявил о своем желании присоединиться к «Авраамовым соглашениям», целью которых является нормализация отношений с Израилем (Mazzucco & Alexander, 2022, р. 2). Присоединение официально состоялось уже в 2021 г.²³ Для Судана, как представляется, основным стимулом к подписанию декларации было желание выйти из списка «поддерживающих терроризм государств», составленного Белым домом, а также выход из-под американских санкций, что повысило бы международную легитимность страны (Makovsky et al., 2022, р. 7). В октябре 2020 г. Д. Трамп подписал указ, согласно которому Судан больше не рассматривается как государство — спонсор терроризма²⁴. США со своей стороны потребовали от Судана компенсировать убытки гражданам США, которые стали жертвами терактов, организованных террористической группировкой «Аль-Каида»²⁵, и их семьям. Речь идет о терактах в Кении и Танзании 1998 г., которые организовал проживавший в то время в Судане лидер «Аль-Каиды» Усама бен Ладен. Судан перевел сумму в размере 335 млн долл. США в октябре 2020 г.²⁶

Несмотря на это, внутренние беспорядки и политическая борьба между гражданскими и военными властями в Судане замедлили процесс нормализации с Израилем, и отношения были временно заморожены. Судан

²³ The Abraham Accords Declaration // U.S. Department of State. January 6, 2021. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/01/Sudan-AA.pdf> (accessed: 20.08.2023).

²⁴ Abdel-Rahim A. Sudan Says Trump Signs Order Removing State From Terrorism List // Anadolu Agency. October 23, 2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/sudan-says-trump-signs-order-removing-state-from-terrorism-list/2016904> (accessed: 02.12.2023).

²⁵ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

²⁶ Sudan's Listing as Sponsor of Terrorism Ended by US // BBC. December 14, 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-55300252> (accessed: 20.08.2023).

отстал от других стран, присоединившихся к соглашениям, особенно в контексте участия в Форуме Негева, который был создан по инициативе Джо Байдена для углубления региональных связей.

Ситуация в Судане усугубилась после военного переворота в 2021 г., который сорвал попытки демократического перехода после свержения Омара аль-Башира²⁷. Несмотря на внутренние трудности, переговоры о нормализации отношений с Израилем продолжались. В феврале 2023 г. министр иностранных дел Израиля Эли Коэн посетил Судан, где встретился с президентом Абдельфаттахом аль-Бурханом. Этот визит положил начало соглашению о нормализации отношений, подчеркнув стремление Израиля к миру с арабскими и мусульманскими странами²⁸. Э. Коэн в своем заявлении сделал отсылку к Хартумской резолюции 1967 г.: «Мы сейчас строим новую реальность с Суданом, в которой „Три нет“ превратятся в „Три да“: да — переговорам между Израилем и Суданом, да — признанию Израиля, да — миру между государствами и народами»²⁹.

Судан выразил поддержку законным правам палестинского народа на создание собственного независимого государства. Однако внутренняя гражданская война в стране забирает слишком много ресурсов и внимания, что не позволяет Судану активно участвовать в международной политике или высказывать более детальные суждения по этому вопросу³⁰. Кроме того, в октябре 2023 г.

²⁷ Leiter M. Y. Sudan: Expanding the Tent of the Abraham Accords // Jerusalem Center for Public Affairs. February 22, 2023. URL: <https://jcpa.org/article/sudan-expanding-the-tent-of-the-abraham-accords/> (accessed: 25.11.2023).

²⁸ Lazaroff T. Israel and Sudan to Cement Peace Deal after Israeli FM's Secret Trip // The Jerusalem Post. February 2, 2023. URL: <https://www.jpost.com/international/article-730386> (accessed: 12.08.2023).

²⁹ Giwa K. Israel, Sudan Announce Deal to Normalise Relations // News Central. February 3, 2023. URL: <https://newscentral.africa/israel-sudan-announce-deal-to-normalise-relations/?noamp=available> (accessed: 20.10.2023).

³⁰ War in Gaza Forces Tough Choices on Israel's Arab Partners // Voa News. November 10, 2023. URL: <https://www.voanews.com/a/war-in-gaza-forces-tough->

Судан и Иран договорились о восстановлении дипломатических отношений, прерванных в 2016 г. из-за вмешательства Ирана во внутренние дела Судана³¹. Этот шаг не встретил одобрения со стороны Израиля, поскольку Израиль традиционно рассматривает Иран как своего главного регионального противника. Восстановление отношений между Суданом и Ираном может быть воспринято как укрепление позиций Ирана в арабском мире, что вызывает опасения в Израиле в контексте роста влияния Ирана в регионе и потенциального ухудшения безопасности Израиля.

Положение палестинцев на фоне «Авраамовых соглашений»

В странах арабского мира соглашения вызвали неоднозначную реакцию и в определенной степени недовольство: в первую очередь у палестинцев, которые сочли это трагедией для всего арабского мира, поскольку изначально предполагалось, что Израиль признает независимость палестинцев, а лишь после этого возможно будет вести диалог с арабскими странами о нормализации отношений (Trigano, 2021, p. 12). Однако фактически Израиль начал получать признание в регионе, не пойдя при этом на уступки палестинцам³².

Столь форсированная нормализация отношений между арабскими государствами и Израилем представляется крайне нежелательной для палестинцев (Iap, 2019, p. 36). Подписанные документы отсрочивают процесс реального урегулирования конфликта между Израилем и Палестинской национальной администрацией (ПНА), делая все менее вероятным признание Израилем существования Государства Палестина (Гудкова, 2022, с. 75).

[choices-on-israel-s-arab-partners/7350320.html](https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18954563) (accessed: 20.11.2023).

³¹ Иран и Судан договорились о возобновлении дипломатических отношений // ТАСС. 09.10.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18954563> (дата обращения: 23.11.2023).

³² Palestinian President Abbas Says Accords with Israel, US Are Void // Al-Jazeera. May 20, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/5/20/palestinian-president-abbas-says-accords-with-israel-us-are-void> (accessed: 20.08.2023).

ПНА считает 15 сентября 2020 г. «черным днем» в истории палестинского народа³³. События в секторе Газа, начавшиеся в октябре 2023 г., только усилили веру палестинцев во враждебные намерения Израиля.

Более того, нормализация в отношениях арабских стран и Израиля подрывает позиции руководства ПНА внутри своей территории. После заключения «Авраамовых соглашений» в ПНА был проведен социологический опрос, показавший, что при явных антиизраильских настроениях (86 % палестинцев считают, что соглашения выгодны исключительно Израилю) свыше 60 % опрошенных считают сам факт заключения подобных соглашений «провалом» палестинской внешней политики и дипломатии³⁴.

Заключение

Нормализация отношений между арабскими странами и Израилем отражает изменение региональной политики: отказ от урегулирования ближневосточного конфликта на основе традиционных подходов ООН в пользу экономических интересов и сотрудничества в сфере безопасности. При этом активная роль США в этом процессе скорее как организатора, нежели посредника, указывает на то, что именно перспективы сотрудничества с США, а не напрямую с Израилем, стали ключевым стимулом для арабских стран. В свою очередь США стремятся укрепить свои военно-политические связи в регионе и сохранить влияние и присутствие.

Вспышка насилия в секторе Газа в октябре 2023 г. вызвала определенное напряжение в отношениях Израиля с арабскими странами. Тем не менее в случае с ОАЭ обе стороны

³³ Firat E., Geldi M., Karaalp H. Arab Nations Oppose Normalization with Israel // Anadolu Agency. October 25, 2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/arab-nations-oppose-normalization-with-israel/2018172> (accessed: 20.08.2023).

³⁴ Palestinian Center for Policy and Survey Research. Public Opinion Poll No (77) // Palestinian Center for Policy and Survey Research. September 15, 2020. URL: <http://pcpsr.org/sites/default/files/Poll%2077%20English%20full%20text%20September2020.pdf> (accessed: 20.08.2023).

продолжают демонстрировать желание поддерживать и развивать сотрудничество, опираясь на стратегические и экономические интересы. Что касается Бахрейна, значительные успехи в двусторонних отношениях с Израилем теперь сталкиваются с новыми вызовами из-за событий в Газе. Это напряжение может усложнить будущее сотрудничество, учитывая продолжающийся палестино-израильский конфликт. В то же время Марокко, заключившее ряд договоренностей с Израилем, часто при посредничестве США, стоит перед сложным выбором. Прекращение отношений с Израилем может серьезно повлиять на обязательства и интересы Марокко, вытекающие из этих соглашений, поэтому Королевство занимает осторожную позицию в этом конфликте и стремится сбалансировать свои обязательства и региональную безопасность. Наконец, Судан, переживающий внутривосточные потрясения, находится на пересечении различных международных и региональных влияний.

«Авраамовы соглашения» после событий в Газе стали историческим прошлым и вряд ли будут реанимированы в ближайшей перспективе. Одним словом, эти соглашения утратили свою актуальность. Безусловно, возможный мир между Израилем и ХАМАС и последующее достижение стабильности и безопасности в регионе являются ключевыми факторами, которые могут дать второе дыхание уже существующим дипломатическим отношениям Израиля с арабскими странами, а также привлечь новых участников к «Авраамовым соглашениям». Кроме того, международное сообщество, в частности арабские государства — подписанты вышеупомянутых соглашений, могут оказать значительное влияние на ход переговоров между Израилем и ХАМАС, а также на формирование будущего регионального баланса сил. Это создает сложную мозаику взаимодействий и взаимозависимостей, в которой каждое развитие событий может иметь долгосрочные последствия для всего Ближнего Востока.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2023
 Доработана после рецензирования / Revised: 24.12.2023
 Принята к публикации / Accepted: 27.12.2023

Библиографический список

- Варнавский З. П.* Особенности современного этапа отношений арабских государств и Израиля и перспективы их развития // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 3 (67). С. 73–79. EDN: XATRUN
- Гасратян С. М.* Израиль и Иордания: партнеры по необходимости // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 144–167. EDN: SJJAOE
- Гудкова К. А.* Влияние «Авраамовых соглашений» на безопасность в Ближневосточном регионе // Гуманитарный акцент. 2022. № 2. С. 73–77. EDN: NVOIQX
- Карасова Т. А.* Израиль после выборов. Перспективы развития государственной политики // Свободная мысль. 2023. № 4 (1700). С. 77–88. EDN: RYUNHU
- Косач Г. Г.* Саудовская Аравия и Израиль: палестинский контекст // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 1. С. 61–69. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69>
- Крылов А. В., Федорченко А. В., Марьясис Д. А.* Процесс «нормализации» отношений между Израилем и арабскими монархиями с точки зрения российских интересов // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2022. № 3. С. 133–150. EDN: VYPRIV
- Киевицкая М. А.* Сотрудничество США и Израиля как перманентный дестабилизирующий фактор на Ближнем Востоке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 3–1. С. 161–169. [https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3\(1\)-161-169](https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-161-169)
- Люкумович Я. Б., Ахматшина Э. К.* «Авраамовы соглашения» между Израилем, ОАЭ и Бахрейном: изменения геополитической реальности Ближнего Востока // Азия и Африка сегодня. 2022. № 2. С. 64–68. <https://doi.org/10.31857/s032150750016335-0>
- Мелкумян Е. С.* Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14, № 2. С. 107–118. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118>

- Мельникова С. В. Динамика вовлеченности арабских стран в решение палестинского вопроса (1967–2002 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 30–37. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-30-37>
- Egel D., Efron S., Robinson L. Peace Dividend: Widening the Economic Growth and Development Benefits of the Abraham Accords // RAND Corporation. 2021. P. 1–8. <https://doi.org/10.7249/pea1149-1>
- Feierstein G. M., Guzansky Y. A Mixed Report Card: The Abraham Accords at Three // Middle East Institute. 2023. P. 1–10. URL: <https://www.mei.edu/sites/default/files/A%20mixed%20report%20card%20The%20Abraham%20Accords%20at%20three.pdf> (accessed: 10.10.2023).
- Guzansky Y., Zachary A. M. The Abraham Accords: Immediate Significance and Long-Term Implications // Israel Journal of Foreign Affairs. 2020. Vol. 14, no. 3. P. 379–389. <https://doi.org/10.1080/23739770.2020.1831861>
- Hitman G., Zwilling M. Normalization with Israel: An Analysis of Social Networks Discourse Within Gulf States // Ethnopolitics. 2022. Vol. 21, no. 4. P. 423–449. <http://dx.doi.org/10.1080/17449057.2021.1901380>
- Ian B. Just Below the Surface: Israel, the Arab Gulf States and the Limits of Cooperation // LSE Middle East Centre. 2019. P. 1–40. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/100313/7/JustBelowtheSurface.pdf> (accessed: 10.10.2023).
- Khan M. R., Shahzad S. M. The Abraham Accords: Israel Resizing Spheres of Influence // Journal of the Research Society of Pakistan. 2021. Vol. 58, no. 2. P. 180–186.
- Maher M. Two Years On, the Abraham Accords Bear Fruit // The Washington Institute for Near East Policy. 2022. P. 1–4. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/pdf/view/17719/en> (accessed: 20.11.2023).
- Makovsky M., Hannah J., Misztal B., Ruhe J., Cicurel A., Ghalili A. Millner S. A Stronger and Wider Peace: A U.S. Strategy for Advancing the Abraham Accords // The Jewish Institute for the National Security of America. 2022. P. 1–48. URL: https://jinsa.org/wp-content/uploads/2022/01/JINSA_Report_AbrahamAccords_v3-web.pdf (accessed: 08.08.2023).
- Mazzucco L., Alexander K. The Abraham Accords Two Years On: From Ambition to Reality // ELCANO Royal Institute. 2022. No. 58. P. 1–8. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2022/08/ari58-2022-mazzucco-alexander-abraham-accords-two-years-on-from-ambition-to-reality.pdf> (accessed: 08.08.2023).
- Pásztor K. The Significance of the Abraham Accords for Morocco // Institute for Foreign Affairs and Trade of Hungary. 2022. P. 1–12. URL: https://kki.hu/wp-content/uploads/2022/05/KE_2022_21_MA_Abraham_Accords_Morocco_Pasztor_0512.pdf (accessed: 20.08.2023).
- Saddiki S. Morocco and the War in Gaza: The Dilemma of Principles and Interests // EuroMESCo. 2023. No. 31. P. 1–4. <https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2023/11/Spot-on-31.pdf> (accessed: 12.12.2023).
- Singer J. The Abraham Accords: Normalization Agreements Signed by Israel with the UAE, Bahrain, Sudan, and Morocco // International Legal Materials. 2021. Vol. 60, iss. 3. P. 448–463. <https://doi.org/10.1017/ilm.2021.18>
- Trigano S. The Abraham Accords: Contrasting Reflections // The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. 2021. No. 188. P. 1–16. URL: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2021/02/188-WEB.pdf> (accessed: 12.12.2023).
- Vakil S., Quilliam N. The Abraham Accords and Israel — UAE Normalization: Shaping a New Middle East // Chatham House Research Paper. 2023. P. 1–84. <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2023-04/2023-03-28-abraham-accords-israel-uae-normalization-vakil-quilliam-1.pdf> (accessed: 20.11.2023).

Сведения об авторе:

Абдуллаев Гасан Парвиз оглы — аспирант кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; eLibrary SPIN-код: 7418-1330; ORCID: 0000-0002-0608-7026; e-mail: gasan.abdullaev.97@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-51-64

EDN: EUXXHM

Научная статья / Research article

Цифровой Шелковый путь КНР: вызовы и возможности для региона Латинской Америки и Карибского бассейна

И.И. Арсентьева Институт философии и права Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Российская Федерация airen1@yandex.ru

Аннотация. Инициатива «Пояс и путь» — предложенный Пекином формат международного сотрудничества посредством строительства сухопутных и морских коридоров, соединяющих Китай с другими странами и регионами. Одним из ее направлений выступает Цифровой Шелковый путь (ЦШП), стратегической целью которого заявлено сокращение цифрового разрыва и улучшение цифровой связанности стран-участниц. Пандемия COVID-19 привела к активизации ЦШП, что обуславливает актуальность изучения его практического внедрения в разных регионах мира. Цель исследования — анализ концептуальных оснований ЦШП, а также возможностей и ограничений реализации проекта в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ). Автор опирается на концепцию технологического лидерства, что позволяет рассмотреть ЦШП как альтернативный формат сотрудничества, продвигаемый Китаем для реформирования международных отношений в цифровой сфере. Поскольку это бросает вызов технологическому доминированию Запада, в первую очередь США, эвристическую ценность имеет также теория властного транзита. Методологическую основу исследования составляет широкий спектр общенаучных методов политического анализа. Основными источниками для эмпирического анализа служат правительственные документы, материалы аналитических центров, международных организаций и форумов, статистические данные, интерактивные карты, выступления официальных должностных лиц и т. д. Получены следующие результаты: прослежена эволюция концепта «Цифровой Шелковый путь» в официальном политическом дискурсе КНР; систематизированы научные работы по теме; выделены ключевые элементы данной инициативы; определены возможности и ограничения ее внедрения в регионе ЛАКБ; охарактеризована реакция США на активизацию китайско-латиноамериканского сотрудничества в цифровой сфере. Автор пришел к выводу, что ЦШП играет важную роль в реализации стратегической задачи по превращению КНР в технологическую сверхдержаву, поэтому с большой долей вероятности он станет основой сотрудничества в рамках «Пояса и пути».

Ключевые слова: Пояс и путь, цифровая инфраструктура, цифровая геополитика, пандемия COVID-19, противостояние США и КНР, технологическое лидерство, теория властного транзита

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Арсентьева И. И. Цифровой Шелковый путь КНР: вызовы и возможности для региона Латинской Америки и Карибского бассейна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 51–64. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-51-64>

© Арсентьева И.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

China's Digital Silk Road: Challenges and Opportunities for Latin America and the Caribbean

Irina I. Arsenyeva

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russian Federation
 airen1@yandex.ru

Abstract. The Belt and Road Initiative (BRI) is a Beijing-led format for international cooperation through the building of land and sea corridors connecting China with other countries and regions. One of its pillars is the Digital Silk Road (DSR), which aims to reduce the digital divide and improve the digital connectivity of the participating countries. The COVID-19 pandemic has led to the DSR's activation, which makes it urgent to study its practical implementation in different regions. The aim of this article is to analyze the conceptual foundations of the DSR and its implementation in Latin America and the Caribbean (LAC). The study relies on the technology leadership theory, which allows considering the DSR as an alternative format of cooperation used by China to reform digital international relations. Since it challenges the technological dominance of the West, especially the United States, the power transition theory is also of heuristic value. The methodological basis of the research covers a wide range of general scientific methods of political analysis. The primary sources of empirical analysis are government documents, papers of think tanks, international organizations and forums, statistical data, interactive maps, speeches by officials, etc. In the course of the study, the following objectives are achieved: to trace the evolution of the DSR concept in the official policy discourse; to systematize scientific works on the issue; to highlight key elements of the initiative; to identify opportunities and limitations for its implementation in the LAC region; to present the US response to the intensification of Sino-LAC digital cooperation. It is concluded that the DSR plays an important role in achieving the strategic objective of transforming China into a technological superpower. Therefore, it is highly likely to become a backbone of cooperation under the BRI.

Key words: Belt and Road Initiative, digital infrastructure, digital geopolitics, COVID-19 pandemic, US-Chinese confrontation, technology leadership, power transition theory

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Arsenyeva, I. I. (2024). China's Digital Silk Road: Challenges and opportunities for Latin America and the Caribbean. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 51–64. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-51-64>

Введение

Инициатива «Пояс и путь» представляет собой новый формат международного сотрудничества, который имеет своей целью широкомасштабный выход Китая¹ на мировой рынок посредством создания торгово-экономических коридоров, обеспеченных необходимой трансграничной инфраструктурой. Поскольку эти коридоры, соединяющие КНР с другими странами и регионами, проходят как по суше, так и по морю, инициатива

официально имеет два измерения: сухопутное (трансевразийское) — Экономический пояс Шелкового пути, и морское — Морской Шелковый путь XXI века (МШП). В последние годы проект все больше диверсифицируется: в него включают такие направления сотрудничества, как Зеленый Шелковый путь, Шелковый путь здоровья, Цифровой Шелковый путь (ЦШП).

Стратегической целью ЦШП заявлено сокращение цифрового разрыва и улучшение цифровой связанности стран-участниц. До 2020 г. этот вектор оставался в тени логистических проектов и торгово-экономических связей, однако во время пандемии COVID-19 Китай увеличил финансирование сферы НИОКР, что активизировало сотрудничество в рамках ЦШП. Данное обстоятельство

¹ Документы о сотрудничестве в рамках «Пояса и пути» подписали уже более 150 стран и 30 международных организаций. См.: Xi Jinping's Keynote Speech at 3rd Belt and Road Forum for Int'l Cooperation // China Internet Information Center. October 19, 2023. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2023-10/19/content_116758767.htm (accessed: 30.11.2023).

обуславливает актуальность изучения его практического внедрения в разных регионах мира.

Цель исследования — анализ концептуальных оснований ЦШП, а также возможностей и ограничений реализации проекта в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), который с 2018 г. считается «естественным продолжением» МШП.

Концептуальная рамка исследования

Ключевой концепт работы — Цифровой Шелковый путь — неразрывно связан с идеей строительства «Пояса и пути» как новой платформы международного сотрудничества, впервые официально озвученной председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 г. В марте 2015 г. китайское правительство утвердило программный документ «Видение и действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», где подчеркивалась необходимость создания инфраструктуры, соединяющей Азию, Европу и Африку, и указывались некоторые элементы ЦШП в его сегодняшнем понимании (трансграничные и трансконтинентальные оптоволоконные кабели, спутниковая связь и т. д.), но для их обозначения использовалось понятие «Информационный Шелковый путь» (*Xin xi si chou zhi lu*)².

В том же году был принят ряд программ для содействия развитию национальных передовых технологий, среди них стратегии «Сделано в Китае 2025» и «Интернет+». В декабре состоялась II Всемирная конференция по вопросам Интернета WIC–2015, в которой приняли участие представители более 120 стран, в том числе шесть глав государств и правительств. На церемонии открытия Си Цзиньпин подчеркнул важность строительства «цифрового Китая» и предложил «совместно создать в интернет-пространстве сообщество единой судьбы человечества»

² Full text: Vision and Actions on Jointly Building Belt and Road // China Internet Information Center. September 15, 2015. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2015-09/15/content_36591064.htm (accessed: 30.11.2023).

посредством формирования глобальной интернет-инфраструктуры, запуска онлайн-платформы для культурных обменов и взаимного обучения, развития цифровой экономики, поддержания цифровой безопасности и выработки справедливой системы управления Интернетом³. В рамках WIC–2015 прошло тематическое заседание, где обсуждались ключевые вопросы цифрового сотрудничества стран — участниц «Пояса и пути» (Cheng, 2022, p. 274). В 2016 г. был принят План развития страны на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.), где один раз использовалось понятие «онлайн Шелковый путь» (*Wang shang si chou zhi lu*), но в узком смысле — в контексте высокоскоростного Интернета⁴.

Концепт «Цифровой Шелковый путь» (*Shu zi si chou zhi lu*) был официально введен в политический дискурс в мае 2017 г. на I Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути». В своей речи Си Цзиньпин отметил, что эта инициатива должна стать дорогой инноваций, «Цифровым Шелковым путем XXI века», для чего необходимо активизировать сотрудничество в таких областях, как цифровая экономика, искусственный интеллект, нанотехнологии и квантовые вычисления, а также продвигать развитие больших данных, облачных вычислений и умных городов⁵.

Следует отметить, что к тому времени, по оценке *McKinsey Global Institute*, Китай в

³ Xi Jinping's Remarks at the 2nd World Internet Conference // China Internet Information Center. December 31, 2015. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2015-12/31/content_37432076.htm (accessed: 30.11.2023).

⁴ Zhong hua ren min gong he guo guo min jing ji he she hui fa zhan di shi san ge wu nian gui hua gang yao // Zhong hua ren min gong he guo zhong yang ren min zheng fu men hu wang zhan [13-й пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. 17.03.2016. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (accessed: 30.11.2023).

⁵ President Xi's Speech at Opening of Belt and Road Forum // China Internet Information Center. May 15, 2017. URL: http://www.china.org.cn/english/china_key_words/2017-05/15/content_41055107.htm (accessed: 30.11.2023).

указанных областях уже стал силой, с которой приходится считаться и которая обладает огромным потенциалом роста. Так, на начало 2017 г. он сосредоточил 42 % мировой электронной коммерции (около 10 лет назад эта доля составляла менее 1 %) и вошел в тройку лидеров по объемам венчурных инвестиций в ключевые виды цифровых технологий, включая виртуальную реальность, 3D-печать, робототехнику, автономные транспортные средства, беспилотные летательные аппараты, искусственный интеллект⁶.

С 2017 г. концепт ЦШП все чаще используется в официальном дискурсе. В апреле 2018 г. на Национальной рабочей конференции по кибербезопасности и информатизации Си Цзиньпин заявил о намерении превратить Китай в киберсверхдержаву, а «Пояс и путь» использовать как возможность укреплять сотрудничество с другими странами, прежде всего развивающимися, и совместно строить ЦШП. Выступление главы государства примечательно тем, что дает достаточно полное представление о приоритетах Китая в области цифрового развития не только на национальном, но и на глобальном уровне, в том числе выражает стремление активно участвовать в процессах управления киберпространством⁷.

Спустя год на II Форуме «Пояса и пути» председатель КНР, подчеркнув необходимость идти в ногу с тенденциями четвертой промышленной революции, вновь призвал создать Цифровой Шелковый путь и Шелковый путь инноваций⁸.

⁶ Wei Wang K., Woetzel J., Seong J., Manyika J., Chui M., Wong W. Digital China: Powering the Economy to Global Competitiveness // McKinsey Global Institute. December 3, 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/digital-china-powering-the-economy-to-global-competitiveness> (accessed: 12.05.2023).

⁷ Xi jin ping: mei you wang luo an quan jiu mei you guo jia an quan // Zhong yang wang luo an quan he xin xi hua wei yuan hui ban gong shi [Си Цзиньпин: Без кибербезопасности нет национальной безопасности // Центральная комиссия по делам киберпространства]. 27.12.2018. (На китайском языке). URL: http://www.cac.gov.cn/2018-12/27/c_1123907720.htm (accessed: 30.11.2023).

⁸ Xi jin ping zai di er jie “yi dai yi lu” guo ji he zuo gao feng lun tan kai mu shi shang de zhu zhi yan jiang // Zhong guo yi dai yi lu wang [Программная речь Си Цзиньпина на церемонии открытия II Форума высокого уровня по

В марте 2021 г. китайское правительство утвердило План социально-экономического развития на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.), где технологическая независимость объявлялась стратегической основой. В этой связи на первый план выходит наращивание инновационной активности и устанавливается ежегодное 7-процентное увеличение расходов на НИОКР, а доля цифровой экономики в ВВП должна увеличиться с 7,8 % в 2020 г. до 10 % к 2025 г.⁹

Китайский академический дискурс, связанный с ЦШП, выстроен в духе *win-win* риторики, воспроизводя в тех или иных вариациях позицию Пекина (Xiang, 2017; Jiang & Lan, 2021; Guo et al., 2023). В то же время данный концепт постепенно привлекает внимание зарубежных экспертов. Однако фундаментальных работ, где ЦШП выступает в качестве основного объекта исследования, немного, что особенно заметно в сравнении с огромным массивом литературы по «Поясу и пути». Выделим наиболее значимые публикации, большую часть которых составляют научно-аналитические материалы.

В 2020 г. вышли доклады, подготовленные американскими аналитическими центрами *Eurasia Group* и *Council on Foreign Relations (CFR)*. В первой работе отмечается, что на Западе переоценивают степень, в которой проекты ЦШП являются частью государственной стратегии. Они больше ориентированы на частный сектор и позволяют китайским компаниям пользоваться политической поддержкой, предоставляемой под брендом ЦШП, одновременно отвечая

международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» // Портал «Пояс и путь». 26.04.2019. (На китайском языке). URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/88249.html> (accessed: 30.11.2023).

⁹ Zhong hua ren min gong he guo guo min jing ji he she hui fa zhan di shi si ge wu nian gui hua he 2035 nian yuan jing mu biao gang yao // Zhong hua ren min gong he guo zhong yang ren min zheng fu men hu wang zhan [14-й пятилетний план социально-экономического развития КНР и долгосрочные цели на период до 2035 г. // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed: 30.11.2023).

растущему спросу участников «Пояса и пути» на цифровую инфраструктуру. Также аналитики *Eurasia Group* полагают, что дальнейшее расширение «Пояса и пути» и ЦШП столкнется с препятствиями, среди которых пандемия COVID-19 (на момент выхода доклада она продолжалась полтора месяца) и усилия США по разработке альтернативных инфраструктурных проектов для развивающихся стран¹⁰.

В докладе *CFR*, напротив, утверждается, что хотя некоторые китайские компании, участвующие в реализации проектов ЦШП, номинально являются частными, на самом деле они тесно связаны с государством. Особо отмечается, что Китай подписал соглашения о ЦШП как минимум с 16 странами, но их реальное число больше, так как о многих проектах не сообщается. По оценкам автора доклада, треть участников «Пояса и пути» (на тот момент их было 138) сотрудничают с Китаем по проектам ЦШП. Также прогнозируется, что финансирование таких проектов существенно возрастет в 2020-е гг.¹¹

Также доклад подготовили сотрудники *Instituto Español de Estudios Estratégicos (IEEE)* — Центра стратегических исследований Министерства обороны Испании. В этом документе ЦШП оценивается как один из инструментов глобальной экспансии Китая, обеспечивающих его становление в качестве мировой державы. Чтобы продолжить определять технологическое развитие мира, США и Европа должны выработать новые конкурентные стратегии¹².

¹⁰ Triolo P., Allison K., Brown C., Broderick K. The Digital Silk Road: Expanding China's Digital Footprint // *Eurasia Group*. April 29, 2020. URL: <https://www.eurasiagroup.net/live-post/digital-silk-road-expanding-china-digital-footprint> (accessed: 12.05.2023).

¹¹ Kurlantzick J. Assessing China's Digital Silk Road Initiative. A Transformative Approach to Technology Financing or a Danger to Freedoms? // *Council on Foreign Relations*. December 18, 2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/assessing-chinas-digital-silk-road-transformative-approach-technology-financing-or-danger> (accessed: 12.05.2023).

¹² Parra Pérez A. La Ruta de la Seda Digital: La Gran Globalización China // *Documento de Opinión IEEEE*. 2020. No. 38. URL: <https://www.ieee.es/Galerias/fichero/>

В начале 2021 г. *CFR* опубликовал работу аргентинского ученого Х. Малены, где прослеживается эволюция концепта ЦШП и анализируется расширение инициативы на ЛАКБ. При этом заметна осторожность автора в оценках. С одной стороны, он выделяет много рисков, часто обращаясь к оценкам китайского проекта со стороны США, с другой — понимает, что страны региона испытывают недостаток в базовых телекоммуникационных технологиях и нуждаются в модернизации цифровой инфраструктуры¹³.

Еще одна работа, вышедшая в 2021 г., написана Дж. Хиллманом, старшим научным сотрудником Центра стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies, CSIS*). В своей книге он оценивает ЦШП как китаеориентированную концепцию, обернутую расплывчатой риторикой о сотрудничестве и взаимной выгоде. По мнению автора, ошибка западных IT-компаний заключалась в том, что они сосредоточились на крупных рынках. Возникли различия в цифровых возможностях между развитыми и развивающимися странами, городскими и сельскими районами, богатыми и бедными. Китай, ориентируясь на развивающиеся рынки, смог превратить линии разломов во «взлетно-посадочные полосы» для своих IT-гигантов (Hillman, 2021).

Аналитический центр Лондонской школы экономики и политических наук *LSE IDEAS* опубликовал свой анализ ЦШП. По мнению авторов материала, оценки «Пояса и пути» обычно сосредоточены на политических связях Китая и стран-участниц, торговле, финансовых институтах и традиционной («жесткой») инфраструктуре — железных дорогах, портах и т. д. Однако упускаются из виду цифровые («мягкие») аспекты. КНР тем временем стимулирует свои компании на создание цифровой инфраструктуры за рубежом,

[docs_opinion/2020/DIEEEEO38_2020AGUPAR_sedadigital.pdf](https://www.cfr.org/docs_opinion/2020/DIEEEEO38_2020AGUPAR_sedadigital.pdf) (accessed: 30.11.2023).

¹³ Malena J. The Extension of the Digital Silk Road to Latin America: Advantages and Potential Risks // *Council on Foreign Relations*. January 19, 2021. URL: <https://www.cfr.org/blog/extension-digital-silk-road-latin-america-advantages-and-potential-risks> (accessed: 12.05.2023).

формируя внешние факторы национальной безопасности. Этот тезис обосновывается авторами на примере деятельности компании *Huawei* в Нигерии¹⁴.

Доклад, анализирующий реализацию ЦШП в Центральноазиатском регионе, подготовили эксперты американского *Davis Center for Russian and Eurasian Studies* совместно с казахстанскими учеными. В работе отмечается, что, хотя китайское правительство включило в «Пояс и путь» страны по всему миру, именно Центральная Азия по историческим, географическим и стратегическим причинам является его ключевым элементом¹⁵. Что касается цифровой сферы, то политика Китая достаточно успешна благодаря сочетанию государственных займов и соглашений, инвестициям крупных корпораций и трансграничной деятельности мелких торговцев¹⁶.

Базирующийся в Лондоне Международный институт стратегических исследований (*International Institute for Strategic Studies, IISS*) выпустил два специальных доклада по ЦШП. В первой работе, опубликованной в феврале 2021 г., отмечается, что на фоне обостряющейся геополитической конкуренции США и КНР, которая проходит по линиям разломов в глобальной телекоммуникационной инфраструктуре и цифровых технологиях, Пекин использует государственные и частные компании для интеграции своих технологий и стандартов как в наименее развитые страны, так и в страны с формирующейся и развитой рыночной экономикой.

¹⁴ Hungerland N., Chan K. Assessing China's Digital Silk Road: Huawei's Engagement in Nigeria // LSE IDEAS Digital IR Working Paper. 2021. No. 11. URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/project-docs/digital-ir/working-papers/LSE-IDEAS-Assessing-China's-Digital-Silk-Road-Huaweis-Engagement-in-Nigeria.pdf> (accessed: 12.05.2023).

¹⁵ О роли Центральной Азии в реализации китайской инициативы также см.: (Курылев, Габриелян, Фахронова, 2021).

¹⁶ Kassenova N., Duprey B. Digital Silk Road in Central Asia: Present and Future // Davis Center for Russian and Eurasian Studies. 2021. URL: https://daviscenter.fas.harvard.edu/sites/default/files/files/2021-06/Digital_Silk_Road_Report.pdf (accessed: 12.05.2023).

Анализируя проекты ЦШП, авторы доклада делят их на три основные категории:

1) цифровые платформы, которые включают электронную коммерцию, электронное управление и финансовые технологии;

2) цифровые услуги, которые охватывают умные города, информационные системы безопасности и центры обработки данных;

3) цифровая инфраструктура, такая как волоконно-оптические кабели, телекоммуникации, сети 5G, наземные станции спутникового слежения.

Авторы доклада полагают, что, хотя ЦШП официально позиционируется как часть «Пояса и пути», он отличается масштабами, типами проектов и отношениями между ключевыми участниками и правительством КНР. Высказывается предположение, что ЦШП на самом деле является отдельной инициативой, развитие которой в меньшей степени будет зависеть от будущего «Пояса и пути». Доклад интересен еще и тем, что в нем разбираются кейсы Индонезии, Республики Корея, ОАЭ, Израиля и Польши¹⁷.

В ноябре 2022 г. *IISS* опубликовал еще один доклад с оценками восьми экспертов, анализирующих развитие ЦШП, его влияние на экономику, безопасность и управление в странах-реципиентах, а также более широкий контекст — влияние на мировую экономику, правила и нормы технологической глобализации, глобальную геополитику. По мнению аналитиков, по мере роста интервенционизма Пекина китайские фирмы все чаще будут рассматриваться как инструменты его политики, что усилит отпор стран-реципиентов. Чтобы достичь статуса мировой державы, Китаю, вероятно, придется сменить тактику (*The Digital Silk Road...*, 2022).

В заключение отметим опубликованную в 2022 г. книгу профессора Оклендского

¹⁷ Nouwens M., Lons C., Shehab N., Malcomson S., Neill A. China's Digital Silk Road: Integration into National IT Infrastructure and Wider Implications for Western Defence Industries // International Institute for Strategic Studies. February 11, 2021. URL: <https://www.iiss.org/research-paper/2021/02/china-digital-silk-road-implications-for-defence-industry> (accessed: 12.05.2023).

университета Дж. Чаня, который определяет ЦШП как многогранную эффективную программу по соединению мира цифровыми средствами. Особо подчеркивается роль проекта в укреплении Китая как главного конкурента признанных технологических лидеров (Chan, 2022).

Проведенный обзор позволяет констатировать, что концепт ЦШП эволюционирует, расширяется и наполняется новым содержанием по мере изменений во внешнеполитической стратегии «цифрового Китая». При этом в китайском политическом и научном дискурсе проект позиционируется, с одной стороны, как реализация императивов индустрии 4.0, а с другой — как новая модель сотрудничества по оси Юг — Юг и как инструмент, позволяющий странам Глобального Юга с помощью Китая преодолеть одно из ключевых препятствий для экономического роста — отставание в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Однако многие зарубежные эксперты полагают, что реализация китайской инициативы приведет не к сокращению цифрового разрыва, а к разделению мира «цифровым железным занавесом», цифровому авторитаризму и даже киберколониализму (Crosston, 2020), где роль цифровой метрополии будет играть Китай, а роль цифровых колоний — страны-реципиенты¹⁸. Другими словами, ЦШП рассматривается в категориях цифровой геополитики как своего рода «вредоносный троян», призванный разрушить цифровое лидерство Запада. Также утверждается, что «цифровой колониализм Китая представляет прямую угрозу демократии и правам человека» (Liagoroulos, 2022, p. 133).

Более взвешенным выглядит подход российских ученых (Дегтерев, Рамич, Пискунов, 2021), анализирующих противостояние США и КНР в цифровой сфере как противопоставление децентрализованной и централизованной моделей управления. При этом главными бенефициарами китайской модели выступают развивающиеся страны, неспособные влиять

на глобальное управление цифровым пространством в условиях доминирования частных компаний Запада. Поэтому такие страны рассматриваются в качестве «стратегического актива» ЦШП (Гамза, 2022, с. 74).

Материалы и методы

Исследование опирается на концепцию технологического лидерства, определяющую глобального лидера в данной сфере как актора международных отношений, устанавливающего правила глобального управления киберпространством, принципы развития Интернета и нормативно-правовое регулирование (Дегтерев, Пискунов, Еремин, 2023). В этой связи ЦШП можно рассматривать как новый формат международного сотрудничества, нацеленный на достижение лидерства Китая в IT-сфере и противодействие технологическому доминированию Запада посредством внедрения китайских цифровых технологий и стандартов в странах-реципиентах.

Эвристическую ценность имеет также теория властного транзита, согласно которой США как глобальный гегемон стремятся сохранить существующий мировой порядок, а Китай создает альтернативные международные форматы для его реформирования (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021). При этом в основе китайской стратегии по расширению влияния на мировой арене лежит ориентация на регионы, где образуется вакуум влияния вследствие снижения их значимости во внешней политике США. Таким является и регион ЛАКБ (Скосырев, 2023), отношения со странами которого при Д. Трампе стали отражением кризиса идеологии панамериканизма (Еремин, 2022), а проводимая тогдашним президентом США политика дестабилизации «враждебных» (левоориентированных) режимов оказалась не только неэффективной, но и зачастую контрпродуктивной (Сударев, 2020). Сегодня Китай весомо присутствует в большинстве стран региона, вступая в острую конкурентную борьбу с США за экономическое и политическое лидерство (Яковлев, 2019).

Методологическую основу исследования составляет широкий спектр теоретических

¹⁸ В основном рассматриваются африканские страны. См.: (Gravett, 2020; 2022).

принципов и эмпирических методов политического анализа. При работе с научной литературой использовались сравнительный и критический методы, что позволило проследить, как меняется академический дискурс относительно ЦШП, выделить общие черты и различия в его реализации в разных странах, а также учесть контрастные оценки, обеспечив тем самым большую объективность выводов.

Важную роль сыграли данные проекта *G2 Research Project*, где рассчитан индекс зависимости стран мира от США и КНР в различных сферах, в том числе технологической¹⁹. Основным эмпирическим методом выступил анализ документов и официальных заявлений, которые дают возможность понять взгляды китайского руководства на ЦШП и его основные компоненты. Применялся анализ рейтингов глобальной цифровой конкурентоспособности, интерактивных карт, статистических данных и т. д.

Включение стран Латинской Америки и Карибского бассейна в китайский проект

«Пояс и путь» изначально ориентировался на создание инфраструктурной сети между Азией, Европой и Африкой. Регион ЛАКБ в программных документах китайского правительства не упоминался, но в то же время подчеркивалось, что инициатива носит открытый характер. Решение о ее распространении на новый регион было принято в январе 2018 г. по итогам состоявшейся в Чили второй министерской встречи в рамках Форума Китая и Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК).

На текущий момент 2/3 стран ЛАКБ — 22 из 33 — подписали с китайским правительством Меморандум о взаимопонимании

¹⁹ Согласно данным проекта РУДН «США vs. КНР: контуры глобальной конкуренции» (*G2 Research Project*), большинство стран Глобального Юга в технологической сфере либо тяготеют к коалиции с КНР, либо придерживаются нейтральной позиции. Более подробно см.: Data Visualization // *G2 Research Project*. URL: <https://g2.rudn.ru/> (accessed: 30.11.2023).

в рамках «Пояса и пути»²⁰. Согласно интерактивной карте *CFR*, четыре государства — Венесуэла, Куба, Перу и Эквадор — заключили также соглашения о ЦШП²¹. В реальности, как мы отмечали, участников может быть больше. К тому же отдельные соглашения по ЦШП не играют принципиальной роли, это лишь одно из направлений сотрудничества²².

Выделим некоторые факторы, способствующие внедрению ЦШП в ЛАКБ.

В первую очередь это дефицит инвестиций, который испытывает цифровая инфраструктура региона. Между странами и внутри них существует огромный цифровой разрыв. Так, в Чили и Уругвае широкополосная связь в среднем в 6 раз быстрее, чем в Парагвае. Доступ к Интернету имеют 67 % жителей городов и только 23 % населения в сельской местности²³. Однако в целом уровень цифровизации ЛАКБ существенно отстает от развитых стран. Так, в 2020 г. более 60 % населения не имели доступа к качественной цифровой инфраструктуре²⁴. По оценкам ЮНКТАД, для региона характерен низкий индекс готовности использовать, перенимать и адаптировать передовые технологии: по этим

²⁰ Более подробно о странах-участницах см.: (Zottele & Zottele, 2020; Арсентьева, 2022; 2023).

²¹ *Assessing China's Digital Silk Road Initiative* // Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/china-digital-silk-road/> (accessed: 30.11.2023).

²² Также необходимо учитывать, что страны ЛАКБ, представляющие для Китая стратегический интерес, получают финансирование независимо от присоединения к инициативе. Наиболее показательные примеры — Бразилия и Мексика, занимающие 1-е и 3-е места в регионе по количеству реализуемых на их территории инфраструктурных проектов.

²³ Hobbs C., Torreblanca J. I. *Byting Back: The EU's Digital Alliance with Latin America and the Caribbean* // European Council on Foreign Relations. October 24, 2022. URL: <https://ecfr.eu/publication/byting-back-the-eus-digital-alliance-with-latin-america-and-the-caribbean/> (accessed: 12.05.2023).

²⁴ Martínez Garza R., Iglesias Rodríguez E., García Zaballos A. *Transformación Digital: Compartición de Infraestructura en América Latina y el Caribe* // Inter-American Development Bank. December 2020. URL: <https://publications.iadb.org/es/transformacion-digital-comparticion-de-infraestructura-en-america-latina-y-el-caribe> (accessed: 12.05.2023).

показателям он, опережая только Африку, находится на предпоследнем месте в мире²⁵.

Фундаментом строительства ЦШП выступают крепнущие экономические связи КНР со странами региона. По данным Всемирного экономического форума, товарооборот Китая с ЛАКБ с 2000 по 2020 г. увеличился с 12 до 315 млрд долл. США²⁶, что сделало его вторым после Соединенных Штатов торговым партнером региона (и первым — для стран Южной Америки). В 2022 г. торговля составила около 486 млрд долл. США²⁷. Кроме того, с 2005 по 2019 г. Китай реализовал в странах ЛАКБ 135 инфраструктурных проектов²⁸. За этот период два государственных банка Китая — Экспортно-импортный банк и Банк развития — предоставили 117 займов на сумму около 138 млрд долл. США, войдя в число ведущих кредиторов региона. С началом пандемии Китай сосредоточился на финансировании собственных компаний и китайско-латиноамериканских консорциумов, но тем не менее в 2020–2021 гг. китайские государственные и коммерческие банки выдали 12 кредитов странам ЛАКБ²⁹. Также Китай стал одним из главных

поставщиков вакцин, обеспечив 29 % всех закупок в регионе³⁰.

Помимо экономических связей укрепляются политические контакты. Свою первую Белую книгу по отношениям с ЛАКБ Китай утвердил в ноябре 2008 г., спустя 8 лет стратегия была обновлена. При этом в первом документе нет разделов, которые можно отнести к элементам ЦШП, акцент делался на строительстве физической («жесткой») инфраструктуры. Во вторую Белую книгу включено сотрудничество в сфере научно-технических инноваций и космоса³¹.

В 2014 г. было объявлено о запуске Форума Китай — СЕЛАК, в рамках которого в 2015, 2018 и 2021 гг. прошли министерские встречи, где были приняты планы совместных действий в приоритетных областях. При сравнительном анализе трех документов прослеживается рост внимания к цифровому сотрудничеству, что особенно заметно по плану на 2022–2024 гг. В нем подчеркивается необходимость сотрудничества в широком спектре цифровых секторов, включая цифровую инфраструктуру, телекоммуникационное оборудование, сети 5G, большие данные, облачные вычисления, искусственный интеллект, Интернет вещей, умные города и т. д.³²

Укрепление экономических и политических связей влечет за собой рост присутствия Китая на рынках цифровых технологий. Еще до запуска «Пояса и пути» началась реализация крупных проектов в сфере ИКТ. Безусловным лидером является *Huawei*, работающая в регионе с конца 1990-х гг., а сегодня ставшая одним из флагманов ЦШП.

²⁵ Индекс готовности состоит из пяти основных блоков: внедрение ИКТ, умения и навыки, научно-исследовательская деятельность, промышленная активность, доступ к финансированию. См.: *Technology and Innovation Report 2021* // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/page/technology-and-innovation-report-2021> (accessed: 12.05.2023).

²⁶ *China's Trade with Latin America Is Bound to Keep Growing. Here's Why That Matters* // World Economic Forum. June 17, 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/06/china-trade-latin-america-caribbean> (accessed: 12.05.2023).

²⁷ *China, Latin America Brace for Deeper Ties in BRI Cooperation* // *Global Times*. April 6, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1288649.shtml> (accessed: 05.12.2023).

²⁸ *Dussel Peters E. Monitor de la Infraestructura China en América Latina y el Caribe 2022* // Red ALC China. September 2022. URL: https://www.redalc-china.org/monitor/images/pdfs/menuprincipal/DusselPeters_Monitor_Infraestructura_2022_ESP.pdf (accessed: 12.05.2023).

²⁹ *China Changing Gears of Its Latin America Lending Strategy* // *Asian News International*. May 14, 2022. <https://www.aninews.in/news/world/asia/china-changing-gears-of-its-latin-america-lending-strategy20220514045857/> (accessed: 12.05.2023).

³⁰ *China — Latin America and the Caribbean Economic Bulletin, 2022 Edition* // Global Development Policy Center. March 24, 2022. URL: <https://www.bu.edu/gdp/2022/03/24/china-latin-america-and-the-caribbean-economic-bulletin-2022-edition> (accessed: 12.05.2023).

³¹ *Full Text of China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean* // The State Council of the People's Republic of China. November 24, 2016. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2016/11/24/content_281475499069158.htm (accessed: 12.05.2023).

³² *China — CELAC Joint Action Plan for Cooperation in Key Areas (2022–2024)* // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. December 7, 2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202112/t20211207_10463459.html (accessed: 12.05.2023).

Китайский IT-гигант строит сеть мобильной связи и интернет-инфраструктуры. В 2019 г. было объявлено о запуске проекта стоимостью 100 млн долл. США по строительству в Чили первого в Латинской Америке центра обработки данных с облачным хранилищем на основе искусственного интеллекта³³. Ряд латиноамериканских стран апробируют 5G, и примерно в трети тестирований провайдером выступает *Huawei*³⁴.

Согласно индексу безопасности *Cities@Risk*, 62 из 100 самых опасных городов мира расположены в Латинской Америке³⁵, поэтому проблема обеспечения общественной безопасности стоит в регионе особенно остро. Китайские компании участвуют в реализации проектов безопасных / умных городов, что включает поставки камер наблюдения, строительство центров и лабораторий обработки данных и т. д. Так, еще в 2011 г. *Huawei* и Китайская национальная корпорация по импорту и экспорту электроники (*CEIEC*) создали в Эквадоре систему видеонаблюдения ECU-911. В 2019 г. аргентинская провинция Жужуй заключила контракт с китайской корпорацией *ZTE* о поставках камер видеонаблюдения и сопутствующего оборудования. В том же году Боливия запустила интегрированную систему обеспечения безопасности граждан BOL-110, для которой *ZTE* предоставила камеры с функцией распознавания лиц³⁶. Установка

системы потребовала строительства в Ла-Пасе специализированного центра, что также было реализовано китайской стороной.

Китай проявляет интерес к подводному кабельному рынку, инфраструктура которого формирует основу глобального Интернета. В ЛАКБ ряд кабелей проложен с китайским участием³⁷. Так, еще в 2010 г. *Huawei Marine Networks* завершила строительство кабеля между Суринамом и Гайаной (*Suriname — Guyana Submarine Cable System, SGSCS*), в 2016 г. — *Strategic Evolution Underwater Link (SEUL)* для соединения материковой и островной частей Белиза. Уже после старта «Пояса и пути» в регионе введены в эксплуатацию кабель *Austral* в Чили и кабель *al Pacifico* в Перу (участие принимает и Боливия). Самый масштабный проект — это трансатлантический кабель *South Atlantic Inter Link (SAIL)* между Бразилией и Камеруном. Уже несколько лет обсуждается прокладка транстихоокеанского кабеля между Китаем и Южной Америкой.

Даже этот краткий перечень проектов показывает, что Китай достаточно активно тестирует потенциал цифрового сотрудничества с ЛАКБ³⁸. Страны региона со своей стороны заинтересованы в получении качественного и относительно недорогого оборудования³⁹, на покупку которого банки КНР к тому же предоставляют кредиты под низкие проценты. Однако существуют факторы, серьезно затрудняющие реализацию ЦШП. Один из главных — низкий индекс цифровой готовности самого региона. Негативно сказывается нестабильная экономическая и политическая

³³ Huawei Invierte US\$100 Millones en Data Center en Chile para Almacenamiento en Nube // E&N. August 30, 2019. URL: <https://www.revistaeyn.com/empresaymanagement/huawei-invierte-us100-millones-en-data-center-en-chile-para-almacenamiento-en-MAEN1314448> (accessed: 30.11.2023).

³⁴ Duarte L. Latin America: China's Huawei Maintains its Foothold // AULA Blog. Center for Latin American and Latino Studies, American University. November 19, 2021. URL: <https://aulablog.net/2021/11/19/latin-america-chinas-huawei-maintains-its-foothold/> (accessed: 12.05.2023).

³⁵ Latin America Hosts Over 60% of World's Most Crime-Stricken Cities — Global Ranking // Verisk Maplecroft. May 25, 2022. URL: <https://www.maplecroft.com/insights/analysis/latin-america-hosts-over-60-of-worlds-most-crime-stricken-cities--global-ranking/> (accessed: 12.05.2023).

³⁶ 'Safe Like China' — In Argentina, ZTE Finds Eager Buyer for Surveillance Tech // Reuters. July 5, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-argentina-china-zte-insight-idUSKCN1U00ZG> (accessed: 12.05.2023).

³⁷ Mapping China's Digital Silk Road // Reconnecting Asia. October 19, 2021. URL: <https://reconasia.csis.org/mapping-chinas-digital-silk-road/> (accessed: 12.05.2023).

³⁸ Более подробно см.: (Ellis, 2022).

³⁹ Например, *Huawei* за счет субсидий от государства имеет возможность устанавливать на свое оборудование более низкие цены, причем разница с конкурентами может превышать 50 %. Более подробно см.: U.S. Pushes Hard for a Ban on Huawei in Europe, but the Firm's 5G Prices Are Nearly Irresistible // The Washington Post. May 29, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/for-huawei-the-5g-play-is-in-europe--and-the-us-is-pushing-hard-for-a-ban-there/2019/05/28/582a8ff6-78d4-11e9-b7ae-390de4259661_story.html (accessed: 12.05.2023).

ситуация в странах ЛАКБ. Например, смена правительств неоднократно приводила к пересмотру политики в отношении «Пояса и пути». Особый интерес в этой связи представляет Аргентина, где на президентских выборах 2023 г. победу одержал ультраправый кандидат Х. Милей. В ходе своей избирательной кампании он заявлял о планах разорвать отношения с Китаем, однако существенно смягчил свою риторику после прихода к власти⁴⁰.

Поскольку мы рассматриваем ЦШП в аналитических рамках теории властного транзита, остановимся на реакции Запада. Как пишут итальянские эксперты, «агрессивные инвестиции Китая в телекоммуникации... вызывают опасения по поводу безопасности размещения магистральных линий связи региона в китайских сетях; все более значительная часть трафика данных и сообщений будет проходить через китайскую инфраструктуру и зависеть от нее»⁴¹. Эксперты Австралийского института стратегической политики (*Australian Strategic Policy Institute, ASPI*) подчеркивают, что способы структурирования ряда проектов ослабляют суверенитет стран-реципиентов, которые не имеют полного контроля над операциями, управлением, цифровой инфраструктурой или генерируемыми данными в рамках этих проектов⁴².

Наиболее жесткую позицию занимают США, что особенно проявилось при Д. Трампе, администрация которого ввела запреты и санкции в отношении ряда китайских фирм.

⁴⁰ Diana Mondino: “No Tiene Lógica Romper Relaciones con Brasil y China” // *Noticias Argentinas*. November 22, 2023. URL: <https://noticiasargentinas.com/politica/diana-mondino-no-tiene-logica-romper-relaciones-con-brasil-y-china> (accessed: 30.11.2023).

⁴¹ Belladonna A. *Central America Between China and the United States* // *Italian Institute for International Political Studies*. October 22, 2019. URL: <http://www.ispionline.it/en/publication/central-america-between-china-and-united-states-24236> (accessed: 12.05.2023).

⁴² Cave D., Hoffman S., Joske A., Fergus Ryan F., Thomas E. *Mapping China’s Tech Giants* // *Australian Strategic Policy Institute*. April 19, 2019. URL: <https://www.aspi.org.au/report/mapping-chinas-tech-giants> (accessed: 12.05.2023).

В первую очередь это коснулось *Huawei*, которая, по словам тогдашнего госсекретаря М. Помпео, является подразделением государственного надзора Коммунистической партии Китая (КПК). Как писала *New York Times*, при Си Цзиньпине «китайское правительство значительно расширило внутренний надзор, подпитывая новое поколение компаний, которые производят сложные технологии по все более низким ценам. Глобальная инфраструктурная инициатива еще больше распространяет эту технологию»⁴³. По словам директора ФБР К. Рэя, цель Китая — стать единственной сверхдержавой, превзойдя экономическое и технологическое лидерство США, но он делает это за счет незаконных форм конкуренции, шпионажа и воровства⁴⁴.

Эксперты Центра европейского политического анализа (*Center for European Policy Analysis, CEPA*) заявляют, что китайские системы видеонаблюдения — средство проникновения в западные общества и экономики с целью тайного сбора данных для получения экономических и геополитических преимуществ⁴⁵. Также эти данные могут позволить совершить атаки на ряд объектов критической инфраструктуры. Высказываются опасения, что развивающиеся страны, перенимая китайскую модель наблюдения, движутся к цифровому авторитаризму. Уже сейчас это помогает некоторым режимам в ЛАКБ контролировать диссидентов. В качестве примера часто приводится Венесуэла, где *ZTE* участвовала в создании ID-карты Родины (исп. *carnet de la Patria*), содержащей целый

⁴³ *Made in China, Exported to the World: The Surveillance State* // *The New York Times*. April 24, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/04/24/technology/ecuador-surveillance-cameras-police-government.html> (accessed: 12.05.2023).

⁴⁴ FBI Director Christopher Wray’s Remarks on China // *U.S. Embassy & Consulates in China*. July 9, 2020. URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/fbi-director-christopher-wrays-remarks-on-china/> (accessed 30.11.2023).

⁴⁵ Cytera C. *The Chinese Communist Trojan Horses in Our CCTV* // *Center for European Policy Analysis*. March 24, 2021. URL: <https://cepa.org/article/the-chinese-communist-trojan-horses-in-our-cctv/> (accessed: 12.05.2023).

массив персональных данных, вплоть до присутствия в социальных сетях, истории головок и т. д.⁴⁶

Больше всего Вашингтон озабочен внедрением в ЛАКБ технологии 5G, поскольку если в глобальном рейтинге цифровой конкурентоспособности США по-прежнему лидируют⁴⁷, то 5G — сфера доминирования КНР. По данным Китайского национального управления по делам интеллектуальной собственности, в 2022 г. страна получила 39,9 % стандартных основных патентов на эту технологию⁴⁸. В докладе компании *Clarivate* отмечается, что почти 88 % патентов в мире принадлежит 14 ведущим компаниям, шесть из которых являются китайскими⁴⁹. США, вводя санкции и запреты, оказывают давление и на другие страны, убеждая их следовать своему примеру. Однако в ЛАКБ все-таки преобладает иная позиция. Как отмечает

⁴⁶ How ZTE Helps Venezuela Create China-Style Social Control // Reuters. November 14, 2018. URL: <https://www.reuters.com/investigates/special-report/venezuela-zte/> (accessed: 12.05.2023).

⁴⁷ В текущем рейтинге *International Institute for Management Development* 1-е место занимают США, а КНР — только 19-е среди 64 оцениваемых стран. Однако рейтинг составлен с учетом трех основных факторов — знаний, технологий и готовности к будущему, что позволяет лидировать в нем развитым экономикам. В нашем же исследовании речь идет о продвижении китайских цифровых технологий по линии Юг — Юг, в том числе посредством инициативы «Пояс и путь». Более подробно о позициях США и КНР в рейтинге цифровой конкурентоспособности см.: *World Digital Competitiveness Ranking 2023* // International Institute for Management Development (IMD). URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking> (accessed: 30.11.2023).

⁴⁸ Затем идут США (34,6 %) и Республика Корея (9,2 %). См.: *China Takes Global Lead in Number of Declared 5G Patents* // The State Council Information Office of the People's Republic of China. June 8, 2022. URL: http://english.scio.gov.cn/chinavoices/2022-06/08/content_78259182.htm (accessed: 12.05.2023).

⁴⁹ Также среди них по две корейские, американские, японские и европейские компании. См.: *Demystifying the 5G Standard Essential Patent Landscape with Manual SEP Analysis: Phase 3* // Clarivate. February 15, 2023. URL: <https://clarivate.com/blog/demystifying-the-5g-standard-essential-patent-landscape-with-manual-sep-analysis-phase-3/> (accessed: 12.05.2023).

Х. Малена, многие полагают, что Китай в первую очередь реагирует на спрос развивающихся стран на качественную и относительно недорогую цифровую инфраструктуру⁵⁰.

Противоречивое воздействие на ЦШП оказала пандемия COVID-19. С одной стороны, она замедлила реализацию многих крупных проектов, а с другой — экономический кризис повысил значимость китайского экспортного рынка, кредитов и инвестиций, у Пекина появились новые рычаги воздействия на регион посредством медицинской и вакцинной дипломатии. И, пожалуй, самое важное заключается в том, что пандемия способствовала многократному повышению значимости цифровых технологий. Правительства стран ЛАКБ начали рассматривать их как средство преодоления экономического кризиса, что гарантирует дальнейшее внедрение ЦШП в регионе.

Заключение

В настоящее время Китай стремится не только обрести технологическую независимость, но и занять свою нишу на глобальном цифровом рынке, ориентируясь прежде всего на развивающиеся страны. Важную роль в этом процессе играет ЦШП, который представляет собой проект в рамках «Пояса и пути», нацеленный на превращение инициативы в высокотехнологичную инновационную сеть посредством прокладки волоконно-оптических линий связи, развития 5G, электронной коммерции, спутниковой связи и навигации, строительства центров обработки данных, возведения умных городов, создания альтернативной системы трансграничных платежей в виде цифрового юаня и т. д. Тем самым происходит интернационализация китайских цифровых технологий и стандартов, что потенциально способно повлечь за собой трансформации глобального масштаба, в том числе смену мирового лидера в данной сфере.

⁵⁰ Malena J. The Extension of the Digital Silk Road to Latin America: Advantages and Potential Risks // Council on Foreign Relations. January 19, 2021. URL: <https://www.cfr.org/blog/extension-digital-silk-road-latin-america-advantages-and-potential-risks> (accessed: 12.05.2023).

Сегодняшние успехи ЦШП — результат не только продуманной стратегии, сочетающей экономические ресурсы с политическими импульсами, но и обоюдной заинтересованности взаимодействующих сторон, поскольку проект отвечает динамике спроса и предложения на глобальном цифровом рынке. Если мы говорим о странах ЛАКБ, где ЦШП только начинает реализовываться, то для них это прежде всего дополнительная возможность развития. Китай же заинтересован в расширении проекта на регион по ряду причин. С одной стороны, это открывает новый и достаточно перспективный (особенно после пандемии) рынок для его IT-компаний, с другой — ЦШП, развивая международные связи Китая и создавая новые возможности для внешнеполитических маневров, укрепляет его позиции на мировой арене.

В то же время существует ряд ограничений для реализации проекта в ЛАКБ.

Во-первых, цифровая инфраструктура региона находится практически в зачаточном состоянии в сравнении с развитыми странами, для большинства государств ЛАКБ характерен низкий индекс готовности внедрять передовые технологии. Однако здесь необходимо учитывать, что Китай делает ставку именно на страны Глобального Юга, позиционируя свой проект как инструмент преодоления цифрового разрыва.

Во-вторых, регион нестабилен в социально-экономическом и политическом

отношении, а смена правительств и их идеологических программ уже неоднократно приводила к пересмотру курса в отношении китайской инициативы.

В-третьих, сдерживающим фактором для расширения китайско-латиноамериканского сотрудничества выступает соперничество КНР и США на цифровом рынке ЛАКБ, а также опасения ряда государств по поводу цифровой зависимости от Китая.

В-четвертых, растущее присутствие Китая в регионе, долгое время рассматриваемом как «задний двор» США, усиливает напряженность в американо-китайских отношениях и вынуждает страны ЛАКБ лавировать между Вашингтоном и Пекином. При этом, на наш взгляд, в силу описанных в статье причин больше возможностей для цифрового развития им предоставляет сотрудничество с китайской стороной.

Таким образом, ЦШП выступает своего рода «цифровым мостом» в реализации стратегической задачи по превращению КНР в технологическую сверхдержаву. Поэтому в будущем с большой долей вероятности он станет основой международного сотрудничества в рамках «Пояса и пути», а значит, будет происходить дальнейшая активизация цифрового сотрудничества со странами ЛАКБ. Исходя из этого, им следует пересмотреть свою политику в цифровой сфере, чтобы минимизировать риски и максимизировать выгоды от участия в китайской инициативе.

Поступила в редакцию / Received: 22.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 08.12.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.12.2023

Библиографический список

- Арсентьева И. И.* Карибский сегмент китайского «Пояса и Пути» в контексте отношений КНР — США // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 6. С. 17–26. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-17-26>
- Арсентьева И. И.* Латиноамериканский сегмент китайского «Пояса и Пути» // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 12. С. 89–97. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-89-97>
- Гамза Л. А.* Цифровой Шелковый путь Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 2. С. 63–79. <https://doi.org/10.31857/S013128120019578-6>
- Дегтерев Д. А., Пискунов Д. А., Еремин А. А.* 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: истоки технологического декаплинга // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 20–38. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.03>
- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Пискунов Д. А.* Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // *Вестник международных*

- организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16, № 3. С. 7–33. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-03-01>
- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной bipolarности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 2. С. 210–231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>
- Еремин А. А. «Разрыв преемственности» латиноамериканского вектора внешней политики США при Д. Трампе и кризис панамериканизма (2017–2020 гг.) // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 5. С. 68–77. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-68-77>
- Курьлев К. П., Габриелян Г. Р., Фарактинова Е. Н. Роль и место Центральной Азии в реализации Китаем инициативы «Пояс и путь» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 4. С. 1219–1225. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.73.4.024>
- Скоцырев В. А. Ослабление гегемонии США в Латинской Америке глазами китайских экспертов // Латинская Америка. 2023. № 12. С. 63–73. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0028575-1>
- Сударев В. П. Эволюция политики США в Латинской Америке при президенте Д. Трампе // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50, № 1. С. 75–87. <https://doi.org/10.31857/S268667300008057-2>
- Яковлев П. П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 1. С. 47–58. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58>
- Chan G. China's Digital Silk Road. Setting Standards, Powering Growth. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2022.
- Cheng Guo. China's Digital Silk Road in the Age of the Digital Economy: Political Analysis // Vestnik RUDN. International Relations. 2022. Vol. 22, no. 2. P. 271–287. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-271-287>
- Crosston M. Cyber Colonization: The Dangerous Fusion of Artificial Intelligence and Authoritarian Regimes // Cyber, Intelligence, and Security. 2020. Vol. 4, no. 1. P. 149–171.
- Ellis R. E. El Avance Digital de China en América Latina // Revista Seguridad y Poder Terrestre. 2022. Vol. 1, no. 1. P. 15–39. <https://doi.org/10.56221/spt.v1i1.5>
- Gravett W. Digital Neo-Colonialism: The Chinese Model of Internet Sovereignty in Africa // African Human Rights Law Journal. 2020. Vol. 20, no. 1. P. 125–146. <http://dx.doi.org/10.17159/1996-2096/2020/v20n1a5>
- Gravett W. Digital Neocolonialism: The Chinese Surveillance State in Africa // African Journal of International and Comparative Law. 2022. Vol. 30, no. 1. P. 39–58. <https://doi.org/10.3366/ajicl.2022.0393>
- Guo Huadong, Chen Fang, Chen Yu, Shen Guozhuang, Liu Chuansheng, Tang Yunwei. “Shu zi si lu” jian she de ke ji chuang xin yan jiu // Zhong guo ke xue yuan yuan kan [Исследование научно-технических инноваций для «Цифрового Пояса и пути» // Вестник Китайской академии наук]. 2023. Vol. 38, no. 9. P. 1306–1314. (На китайском языке).
- Hillman J. E. The Digital Silk Road: China's Quest to Wire the World and Win the Future. New York : Harper Business, 2021.
- Jiang Feng, Lan Qingxin. Shu zi “yi dai yi lu” jian she de ji yu、 tiao zhan ji lu jing yan jiu // Dang dai jing ji guan li [Исследование возможностей, проблем и путей построения цифрового «Пояса и пути» // Современный экономический менеджмент]. 2021. Vol. 43, no. 5. P. 1–6. (На китайском языке).
- Liaropoulos A. N. Digital Authoritarianism “Made in China”: Installing a Digital Dystopia // National Security and the Future. 2022. Vol. 23, no. 1. P. 123–139. <https://doi.org/10.37458/nstf.23.1.7>
- The Digital Silk Road. China's Technological Rise and the Geopolitics of Cyberspace / ed. by D. Gordon, M. Nouwens. London : Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003390268>
- Xiang Kun. Cong shu zi jing ji shi jiao kan shu zi si chou zhi lu jian she de nei han、 jie gou he fa zhan lu jing // Xi bu lun tan [Содержание, структура и путь развития строительства Цифрового Шелкового пути с точки зрения цифровой экономики // Западный форум]. 2017. Vol. 27, no. 6. P. 11–16. (На китайском языке).
- Zottele E., Zottele A. C. Aproximaciones a la Franja y la Ruta. Veracruz : Universidad Veracruzana, 2020.

Сведения об авторе:

Арсентьева Ирина Ильинична — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН; eLibrary SPIN-код: 1471-4184; ORCID: 0000-0003-4145-8790; e-mail: airen1@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-65-79

EDN: EVGJIF

Научная статья / Research article

Зона возможного соглашения по ядерной проблеме Корейского полуострова

Р.Р. Калинин¹ , Юэ Юань² , В.М. Беденко³ ¹МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация²Китайский университет иностранных дел, Пекин, Китай³Open Nuclear Network, Вена, Австрия kalininrr95@gmail.com

Аннотация. С 2003 по 2009 г. Китайская Народная Республика (КНР), Корейская Народная Демократическая Республика (КНДР), Республика Корея (РК), Российская Федерация, США и Япония провели ряд многосторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова. 19 сентября 2005 г. был достигнут «золотой стандарт» соглашений по денуклеаризации. КНДР обязалась отказаться от ядерного оружия, воздержаться от развертывания ядерного оружия и вернуться к соблюдению условий Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). США подтвердили отсутствие ядерного оружия на Корейском полуострове и намерений напасть или вторгнуться в КНДР. Все стороны согласились оказать энергетическую помощь КНДР. Соглашение также установило принцип «обязательства в обмен на обязательства, действия в обмен на действия». Используется Гарвардский метод переговоров для анализа зоны возможного соглашения (ЗВС), элементы которого прослеживаются в переговорах, окончившихся принятием соглашения от 19 сентября 2005 г. между участниками Шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова. С помощью полученных результатов оцениваются перспективы применения ЗВС от 2005 г. в нынешних реалиях. Первый раздел посвящен анализу ЗВС, которая привела к соглашению 2005 г. Второй раздел сосредоточен на поиске ЗВС в нынешних условиях с учетом предыдущего опыта.

Ключевые слова: шестисторонние переговоры, ядерная проблема Корейского полуострова, нераспространение, денуклеаризация, зона возможного соглашения

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Калинин Р. Р., Юань Юэ, Беденко В. М. Зона возможного соглашения по ядерной проблеме Корейского полуострова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 65–79. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-65-79>

Exploring the Zone of Possible Agreement on the Nuclear Issue of the Korean Peninsula

Roman R. Kalinin¹ , Yue Yuan² , Veronika M. Bedenko³

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

²China Foreign Affairs University, Beijing, China

³Open Nuclear Network, Vienna, Austria

 kalininrr95@gmail.com

Abstract. From 2003 to 2009, China, Japan, North Korea, Russia, South Korea, and the United States engaged in a series of multilateral negotiations to address North Korea's nuclear program. On September 19, 2005, the six participants achieved a "gold standard" agreement on denuclearization. North Korea agreed to relinquish all nuclear weapons, abstain from deploying nuclear weapons, and rejoin the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT), as well as adhere to International Atomic Energy Agency (IAEA) safeguards. The United States affirmed its lack of nuclear weapons on the Korean Peninsula and expressed no intention of attacking or invading the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) with nuclear or conventional weapons. China, Japan, Russia, South Korea, and the United States concurred to provide energy assistance to the DPRK. Furthermore, the agreement established the principle of "commitment for commitment, action for action," which holds significance for the spirit of future engagement. The prevailing impasse in resolving the nuclear issue on the Korean Peninsula prompts the inquiry of a possible negotiation model. This paper uses the Harvard negotiation method to examine a zone of possible agreement (ZOPA) between China, North Korea, Russia, and the United States, which culminated in the September 19, 2005 Six Party Talks agreement addressing the nuclear issue on the Korean Peninsula. The first section of the article is devoted to scrutinizing the Zone of Possible Agreement (ZOPA), which facilitated the 2005 agreement. Based on the acquired insights, the second section assesses the prospects for implementing the 2005 Joint Statement in the current context. This section also concentrates on identifying a ZOPA under current conditions, taking into account past experiences and lessons learned from past negotiations.

Key words: Six-Party Talks, North Korean nuclear issue, nonproliferation, denuclearization, Zone of Possible Agreement

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Kalinin, R. R., Yuan, Yue, & Bedenko, V. M. (2024). Exploring the zone of possible agreement on the nuclear issue of the Korean Peninsula. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 65–79. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-65-79>

Введение

Корейский полуостров является одной из главных «пороховых бочек» Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Достичь примирения на Корейском полуострове не удастся по многим причинам.

Политические аспекты связаны с наличием многочисленных стейкхолдеров, имеющих собственные геополитические интересы. Ядерный фактор, выраженный в существовании на полуострове нелегальной ядерной программы у КНДР и столкновении конфликтующих интересов ключевых ядерных держав, стал дополнительным препятствием на пути к миру.

Экономические факторы обусловлены различием экономических моделей Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), Китайской Народной Республики (КНР), США и их союзников, а также с ярко выраженной асимметрией между экономикой КНДР и другими заинтересованными сторонами.

Культурные аспекты выражены в том, что корни ядерной проблемы лежат в расколе внутри корейской нации¹.

¹ В рамках данной статьи авторы решили сосредоточиться на постоянных членах Совета Безопасности ООН из числа всех участников шестисторонних переговоров (США, Китай и Россия), помимо КНДР. Такой выбор был обусловлен предположением, что для заключения любого долгосрочного соглашения с КНДР необходимо участие основных членов СБ ООН.

В мировой политике под термином «зона возможного соглашения» (ЗВС) можно понимать спектр потенциальных взаимовыгодных соглашений, заключаемых между несколькими заинтересованными сторонами, когда их интересы перекликаются. Теоретические основы к поиску ЗВС разрабатываются различными школами в рамках теории международных отношений. Например, в «Гуйгуцзы», китайской монографии об искусстве убеждения периода Воюющих царств (481/403 г. до н. э. — 221 г. до н. э.), содержится древняя дипломатическая философия, заключающаяся в установлении баланса между выгодами и потерями различных сторон. Согласно «Гуйгуцзы», переговоры неизбежно приведут к провалу и усугубят отчуждение между сторонами, если конечный результат будет непропорционально выгоден одной из сторон за счет другой (Guiguzi, 2014).

На современном этапе поиски выхода из конфликтных ситуаций путем переговоров тесно связаны с исследованиями проблем достижения мира. Голландский ученый Ш. Боассон утверждал, что проблема мира не может быть адекватно решена только с помощью институтов, человеческой природы или простой демонстрации чудовищных жестокостей войны (Boasson, 1991). В результате возникает потребность в целостной системе, которая учитывала бы интересы всех заинтересованных сторон и тем самым приносила бы пользу всем. Как отмечает П. Валленстин, сотрудничество между сторонами бесполезно без наличия общих целей, четко сформулированных стратегий и методологии реализации соглашений (Wallensteen, 2018).

Гарвардская школа переговоров развивает трехмерный подход (3-D) к проведению переговоров, в котором особое внимание уделяется улучшению межличностного взаимодействия за столом переговоров, разработке сделок, приносящих выгоду, и созданию наиболее выгодных условий (Lax & Sebenius, 2003). Принимая во внимание эти факторы, в статье разработана аналитическая схема поиска ЗВС по ядерной проблеме Корейского полуострова для определения стратегии переговоров с опорой на Совместное заявление

участников шестисторонних переговоров от 19 сентября 2005 г. как «золотой стандарт» в текущих условиях².

Гарвардский подход применительно к ядерной проблеме Корейского полуострова

По мнению И.В. Дьячкова, ядерная проблема Корейского полуострова сочетает как внутренние, так и внешнеполитические аспекты развития ядерной программы КНДР, а также вытекающие из этого последствия для международной безопасности (Дьячков, 2014). В отношениях между конфликтующими сторонами в теории выделяют как минимум четыре способа взаимодействия: борьба, переговоры, посредничество и арбитраж. Все они по-своему эффективны. Переговоры как процесс имеют два преимущества перед борьбой: они менее затратны и акцентируют внимание на предотвращении конфликта в будущем (Carnevale & Pruitt, 1992). Гарвардская школа переговоров в качестве цели переговоров определяет создание ценности для каждой стороны, подразумевая, что достигнутые в результате переговоров результаты должны обеспечить сторонам более выгодное положение, чем отсутствие таковых (Mnookin, Peppet, & Tulumello, 2000).

Обеспечить ценность для всех вовлеченных в ядерную проблему Корейского полуострова сторон не просто по ряду причин.

Во-первых, стороны закрыты для коммуникации и обмена информацией. Для преодоления этой проблемы в 2003 г., будучи инициатором шестисторонних переговоров, Пекин применил трехэтапный подход. На начальном этапе Китай провел двусторонние переговоры высокого уровня со всеми участниками шестистороннего формата, чтобы выявить их истинные интересы и обойти излишнюю бюрократию. Затем, основываясь на установленных приоритетах, Китай подготовил

² The Fourth Round of Six-Party Talks in Beijing Concludes with the Adoption of a Joint Statement // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. September 19, 2005. URL: http://un.china-mission.gov.cn/eng/zt/ch/200509/t20050919_8413967.htm (accessed: 12.03.2023).

«дорожную карту», которая была использована на финальном этапе — при заключении соглашения 2005 г. (Park, 2005).

Во-вторых, созданию ценности мешает силовой, авторитарный подход к ведению переговоров³. Стигматизация КНДР как «государства-изгоя» и представление ее руководства как иррационального — одна из основных причин нежелания КНДР участвовать в переговорах. Призывы Северной Кореи отказаться от враждебной политики игнорируются США и их союзниками, что препятствует эффективной коммуникации.

Для того чтобы преодолеть разногласия между сторонами, Гарвардский метод предлагает определить зону возможного соглашения (ЗВС), которая представляет собой точку схождения интересов сторон в решении проблемы (Mnookin, 2003). Определение ЗВС невозможно без очерчивания «красных линий» — границ, в пределах которых сторона может быть готова пойти на компромисс.

Анализ условий принятия Совместного заявления по итогам шестисторонних переговоров 12 сентября 2005 г.

В разделе проанализирована внешняя политика КНР, КНДР, РФ и США в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова, которая способствовала переходу от распределительных (выигрыш — проигрыш) к интегративным переговорам (коллективное решение), завершившимся принятием Совместного заявления между участниками шестисторонних переговоров 12 сентября 2005 г. (Jehn & Bendersky, 2003).

На основе изучения официальных заявлений и развивающихся тенденций в научных исследованиях полагаем, что основные условия ЗВС по ядерной проблеме Корейского полуострова охватывают десять различных категорий (рис. 1): *двусторонние отношения США и КНДР, многосторонние переговоры, инспекции* Международного агентства по

³ Patton B. Building Relationships and the Bottom Line: The Circle of Value Approach to Negotiation // Harvard Business Online. April 1, 2004. URL: <https://hbsp.harvard.edu/product/N0404B-PDF-ENG> (accessed: 02.03.2023).

атомной энергии (МАГАТЭ), денуклеаризацию, гарантии безопасности, членство в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), экономическую и гуманитарную помощь, региональную стабильность, мирное использование атомной энергии и санкции. Основные интересы каждой из сторон дифференцированы и проявляются в их дипломатических позициях и заявлениях.

Позиция Китая

Как страна, подписавшая Корейское соглашение о перемирии⁴, Китай является одним из главных стейкхолдеров на Корейском полуострове (Zhang, 1998). Шестисторонние переговоры начались в Пекине в 2003 г. В ходе этого процесса краткосрочные цели Китая заключались в том, чтобы избежать конфликта на Корейском полуострове и сохранить стабильность в КНДР. Китай выступал за денуклеаризацию КНДР в обмен на удовлетворение ее требований в области безопасности⁵. Учитывая расхождения во взглядах участников, КНР стремилась консолидировать позиции участников переговоров, изучить вопросы, подлежащие и не подлежащие обсуждению, и сформировать взаимоприемлемые предложения⁶.

⁴ Соглашение о перемирии 1953 г. представляет собой документ, подписанный главнокомандующим командования Организации Объединенных Наций, Верховным главнокомандующим Корейской народной армии и командующим китайскими народными добровольцами. Соглашение предусматривает прекращение боевых действий до тех пор, пока не будет заключен мирный договор. См.: Agreement Concerning a Military Armistice in Korea // United Nations Peacemaker. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/KP%2BKR_530727_AgreementConcerningMilitaryArmistice.pdf (accessed: 10.01.2023).

⁵ Fu Y. The Korean Nuclear Issue: Past, Present, and Future. A Chinese Perspective // John L. Thornton China Center at Brookings Institution. April 30, 2017. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/north-korean-nuclear-issue-fu-yung.pdf> (accessed: 12.04.2023).

⁶ Guan yu chao xian ban dao he wen ti de bei jing liu fang hui tan ju xing // Zhong hua ren min gong he guo zheng fu [В Пекине прошли шестисторонние переговоры по ядерной проблеме Корейского полуострова // Правительство Китайской Народной Республики]. 2005. (На китайском языке). URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/30/content_11181.htm (accessed: 12.11.2023).

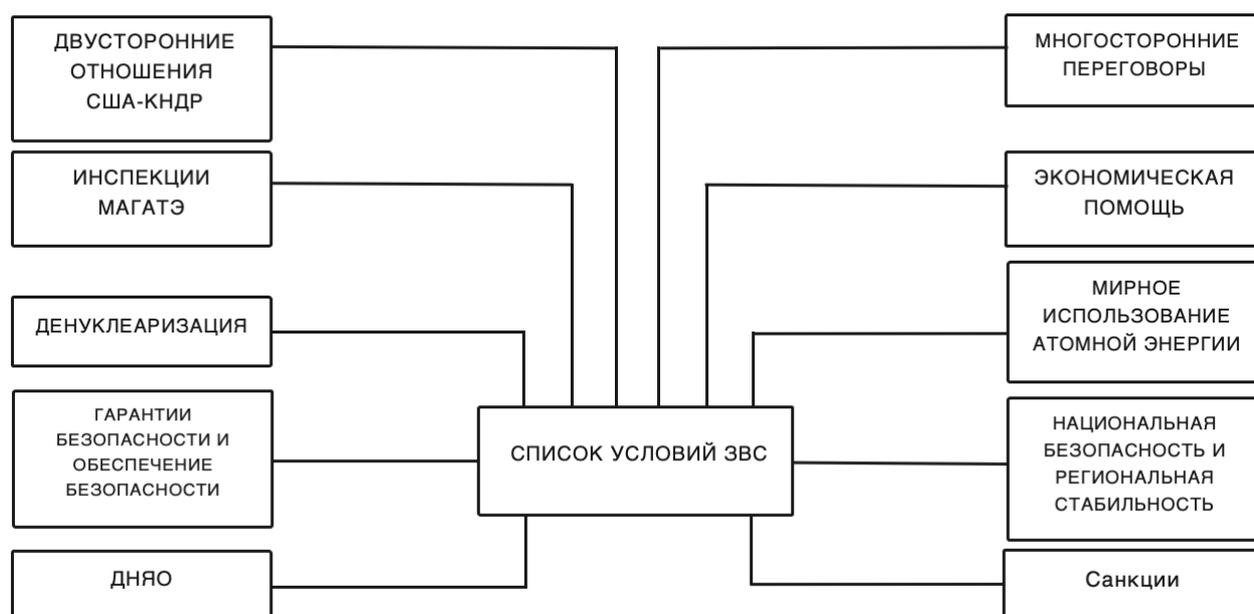

Рис. 1. Список условий ЗВС
 Источник: составлено авторами.

Китай рассматривал укрепление взаимного доверия между КНДР и США как краеугольный камень в решении ядерной проблемы Корейского полуострова (Chu & Lin, 2008). Для достижения этой цели китайские лидеры уделили дипломатии значительное внимание. В октябре 2003 г. У Банго, член Постоянного комитета Политбюро Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК), возглавил китайскую делегацию в КНДР и убедил Пхеньян перейти ко второму раунду шестисторонних переговоров⁷. Пекин также организовал неофициальные двусторонние переговоры между Пхеньяном и Вашингтоном, поскольку Госдепартамент США запретил официальные контакты с представителями КНДР⁸.

⁷ Chao xian ban dao he wen ti da shi ji // Zhong hua ren min gong he guo wai jiao bu [Хронология ядерной проблемы на Корейском полуострове // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]. 23.02.2004. (На китайском языке). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/wzwt_675579/cxbdhwz_675621/bjjs_675623/200402/t20040223_7962242.shtml (accessed: 12.11.2023).

⁸ The Six-Party Talks at a Glance // Arms Control Association. January 2022. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/6partytalks> (accessed: 02.02.2023).

К раунду шестисторонних переговоров 2005 г. позиция Китая могла быть сформулирована следующим образом: укрепление взаимного доверия между КНДР и США и обеспечение решения ядерной проблемы Корейского полуострова мирными средствами. Кроме того, все стороны должны учесть законные интересы безопасности КНДР.

Позиция КНДР

В 2003 г. КНДР заявила о выходе из ДНЯО, назвав этот шаг «законной мерой самообороны, предпринятой против попыток США удушить КНДР»⁹. Ссылаясь на свое решение 1993 г. о выходе из Договора, КНДР обвинила США во «враждебной политике», которая вынудила Северную Корею покинуть ряды членов ДНЯО¹⁰.

В ходе шестисторонних переговоров КНДР преследовала три цели: защитить ин-

⁹ Security Council Notified of DPR of Korea's Withdrawal from Nuclear Arms Accord // United Nations. January 10, 2003. URL: <https://news.un.org/en/story/2003/01/56032> (accessed: 12.11.2023).

¹⁰ KCNA 'Detailed Report' Explains NPT Withdrawal // Korean Central News Agency. January 22, 2003. URL: <https://nuke.fas.org/guide/dprk/nuke/dprk012203.html> (accessed: 15.02.2023).

тересы национальной безопасности, обеспечить надежное энергоснабжение и улучшить экономическое положение. Руководство КНДР подчеркнуло, что не будет предпринимать никаких односторонних действий в качестве предварительного условия для начала переговоров¹¹. Вместо этого в качестве необходимого руководящего принципа был предложен принцип взаимности: «слова в ответ на слова», «действие в ответ на действия» и «вознаграждение в ответ на замораживание ядерной программы»¹².

Пхеньян также призвал Соединенные Штаты «подтвердить готовность США изменить свою политику в отношении Кореи» и отказаться от любых враждебных действий, которые ставят под угрозу национальную безопасность КНДР¹³. В качестве примеров таких враждебных действий представитель Министерства иностранных дел КНДР перечислил «включение нынешней администрацией США КНДР в так называемую „ось зла“, назначение ее объектом упреждающего ядерного удара и отказ от Рамочного соглашения сторон 1994 г.»¹⁴.

В вопросе денуклеаризации северокорейские переговорщики стремились к поэтапному подходу. КНДР придерживалась позиции, что по крайней мере первая стадия денуклеаризации должна быть согласована на первом этапе переговоров¹⁵. В качестве демонстрации

своей готовности отказаться от ядерной программы КНДР согласилась на проведение инспекций МАГАТЭ в ядерном комплексе в Йонбене в 2005 г. Взамен КНДР призвала США исключить ее из списка «государств — спонсоров терроризма», снять политические, экономические и военные санкции, а также предоставить помощь в виде тяжелой нефти и электроэнергии.

К 2005 г. позиция КНДР была такова: приостановить нелегальную ядерную программу в обмен на гарантии безопасности со стороны США и их союзников в рамках поэтапного плана, а также добиться надежного энергоснабжения и финансовых поступлений, способствующих экономическому развитию.

Позиция России

В 2003 г., после выхода КНДР из ДНЯО, Министерство иностранных дел Российской Федерации предложило комплексное решение по денуклеаризации Корейского полуострова. Оно включало возвращение КНДР в ДНЯО, соблюдение сторонами всех международных обязательств, в том числе в рамках Рамочного соглашения 1994 г., конструктивный многосторонний диалог и возобновление гуманитарных и экономических программ на Корейском полуострове (Панин, Альтов, 2004).

Москва воспринимала наличие ядерного оружия (ЯО) на Корейском полуострове как угрозу своим национальным интересам по нескольким причинам.

Во-первых, РФ считала, что распространение ЯО создает риски для безопасности Восточной Азии и прилегающих территорий.

Во-вторых, Россия как сторонник многополярного мира была обеспокоена политикой смены режимов или внешнего вмешательства.

Наконец, после распада СССР Россия стремилась укрепить отношения со странами Северо-Восточной Азии (Toloraya, 2008) и наладить новые партнерские отношения в регионе, тем самым обеспечив себе прочное положение (Ён, 2011).

<https://kcnawatch.org/newstream/1452004446-28769646/u-s-must-approach-six-way-talks-with-sincerity/> (accessed: 12.02.2023).

¹¹ DPRK's Stand on Six-Party Talks Clarified // KCNA Watch. August 14, 2003. URL: <https://kcnawatch.org/newstream/1452004111-63184836/dprks-stand-on-six-party-talks-clarified/> (accessed: 15.01.2023).

¹² DPRK Foreign Ministry Spokesman on Six-Party Talks // KCNA Watch. June 29, 2004. URL: <https://kcnawatch.org/newstream/1452004163-468568196/dprk-foreign-ministry-spokesman-on-six-party-talks/> (accessed: 12.11.2023).

¹³ KCNA 'Detailed Report' Explains NPT Withdrawal // Korean Central News Agency. January 22, 2003. URL: <https://nuke.fas.org/guide/dprk/nuke/dprk012203.html> (accessed: 15.02.2023).

¹⁴ DPRK Foreign Ministry Spokesman on Six-Party Talks // KCNA Watch. June 29, 2004. URL: <https://kcnawatch.org/newstream/1452004163-468568196/dprk-foreign-ministry-spokesman-on-six-party-talks/> (accessed: 12.11.2023).

¹⁵ U.S. Must Approach Six-Way Talks with Sincerity // KCNA Watch. February 24, 2004. URL:

По мнению российских ученых, Россия, Китай и Южная Корея воспринимали шестисторонние переговоры как средство предотвращения иракского сценария силового разоружения КНДР¹⁶.

Позиция России в 2005 г. сводилась к возобновлению инспекций МАГАТЭ на ядерных объектах КНДР, содействию урегулированию проблемы возвращения КНДР в ДНЯО с перспективой оказания гуманитарной и энергетической помощи, а также предоставлению взаимосогласованных гарантий безопасности.

Позиция США

Президент США Дж. Буш-мл. в обращении «О положении в стране» в 2002 г. назвал Северную Корею частью «оси зла» и в течение первых трех лет пребывания у власти придерживался жесткой позиции по проблеме северокорейской ядерной программы¹⁷. Позиция США при Дж. Буше-мл. заключалась в том, что КНДР должна начать демонтаж своих ядерных программ до получения каких-либо гарантий ненападения со стороны США¹⁸. Шестисторонние переговоры зашли в тупик в 2004 г., поскольку северокорейцы ожидали результатов президентских выборов в США.

Растущая обеспокоенность по поводу количества жертв в Ираке и катастрофическая реакция правительства на ураган «Катрина» привела к снижению рейтинга президента Дж. Буша-мл., что, вероятно, способствовало решению администрации занять более гибкую позицию по ядерной проблеме Корейского полуострова¹⁹. По мере продолжения

шестисторонних переговоров Вашингтон перешел от требований «полного, верифицируемого и необратимого ядерного разоружения КНДР» (*complete, verifiable, and irreversible dismantling, CVID*) без предварительных условий к более гибкому подходу. К 2005 г. США отказались от моратория на поставку легководного ядерного реактора КНДР, несмотря на политику *CVID* (Hecker, 2023).

За три месяца до заключения Соглашения 2005 г. некоторые члены Конгресса призвали администрацию Дж. Буша-мл. прояснить свои намерения в отношении Северной Кореи, предвещая ее скорый коллапс. Двусмысленность конечной цели США в отношении КНДР подрывала американские интересы, о чем предупредил на слушаниях член сенатского комитета по международным отношениям Дж. Байден: «Президент Буш не смог разрешить спор между теми, кто выступает за политику смены режима, и теми, кто утверждает, что необходимо вести переговоры о ликвидации ядерного оружия Северной Кореи в обмен на ослабление санкций, экономическую помощь и дипломатическую нормализацию. Это сочетание двойственности и растерянности не привело к формированию действенной политики, возможно, по самому важному вопросу безопасности, с которым мы сталкиваемся сегодня»²⁰. Эта двусмысленность и по сей день не дает покоя политике США в отношении Северной Кореи и делает дипломатический прогресс труднодостижимым.

В 2005 г. ЗВС США включала в себя решение КНДР построить легководный ядерный реактор в обмен на отказ Пхеньяна от ЯО и всех ядерных программ, присоединение к ДНЯО и разрешение на проведение инспекций МАГАТЭ.

¹⁶ Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии // Московский Центр Карнеги. 2005. URL: <https://carnegieendowment.org/files/9359arbatov3.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

¹⁷ President Delivers State of the Union Address // The White House. January 29, 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (accessed: 15.01.2023).

¹⁸ U.S. Calls N. Korea Remarks 'Blackmail' // CNN. September 1, 2003. URL: <http://edition.cnn.com/2003/WORLD/asiapcf/east/08/29/nkorea.talks/> (accessed: 12.11.2023).

¹⁹ Bush and Public Opinion: Reviewing the Bush Years and the Public's Final Verdict // Pew Research Center.

December 18, 2008. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2008/12/18/bush-and-public-opinion/> (accessed: 12.01.2023).

²⁰ Hearing Before the U.S. Senate Foreign Relations Committee "North Korea: An Update on Six-Party Talks and Matters Related to the Resolution of the North Korean Nuclear Crisis" // The National Committee on North Korea. June 14, 2005. URL: https://www.ncnk.org/sites/default/files/content/resources/publications/Transcript_SF_RC_Hearing_June_14_2005.pdf (accessed: 22.12.2022).

Итоговая зона возможного соглашения в 2005 г.

На основе изучения позиций стран мы выявили, что четыре основных стейкхолдера — Китай, КНДР, РФ и США — имели разные взгляды на решение ядерной проблемы Корейского полуострова. Тем не менее по важнейшим вопросам наблюдалось сходство.

Сравнивая и обобщая позиции сторон (рис. 2 и 3), мы приходим к выводу, что все четыре страны сходятся в необходимости создания Корейского полуострова, свободного от ЯО. Хотя расхождения в приоритетах по вопросам соблюдения ДНЯО и присоединения к инспекциям МАГАТЭ сохранялись, все стороны, похоже, согласились с важностью учета требований безопасности КНДР. Немаловажно, что участники шестисторонних переговоров видели в таком механизме урегулирования пользу для достижения общих целей.

В основу соглашения 2005 г. был положен компромисс, связанный, в частности, с предложением КНР обеспечить соблюдение всеми сторонами законных интересов КНДР в области безопасности в обмен на мораторий по развитию ядерной программы КНДР. Было учтено предложение России о возможности оказания гуманитарной и энергетической помощи КНДР и готовность США признать права КНДР на мирное использование ядерной энергии в обмен на демонтаж ядерного комплекса в Йонбене. Эти параллельные предложения позволили проложить путь к ЗВС.

Таким образом, зона возможного соглашения в 2005 г. включала в себя достижение полной денуклеаризации Корейского полуострова в обмен на финансовую и энергетическую помощь КНДР после обеспечения гарантий безопасности Пхеньяна.

ОЦЕНКА ЗОНЫ ВОЗМОЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ В 2005 ГОДУ	КИТАЙ	КНДР	РОССИЯ	США
ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ США-КНДР	✓	✗	⊖	✗
МНОГОСТОРОННИЕ ПЕРЕГОВОРЫ	✓	⊖	✓	⊖
ИНСПЕКЦИИ МАГАТЭ	⊖	⊖	✓	✓
ДЕНУКЛЕАРИЗАЦИЯ	✓	✓	✓	✓
ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ	✓	✓	✓	⊖
ДНЯО	⊖	✗	✓	✓
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ	✓	✓	✓	✗
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ	✓	✓	✓	⊖
МИРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ	⊖	✓	⊖	✓
САНКЦИИ	⊖	✗	⊖	⊖

✓ Государство поддержало это предложение. ✗ Государство выступило против этого предложения. ⊖ Государство не упомянуло это предложение.

Рис. 2. Сравнение позиций КНР, КНДР, РФ и США по основным условиям ЗВС, касающимся ядерной проблемы Корейского полуострова, в 2005 г.

Источник: составлено авторами.

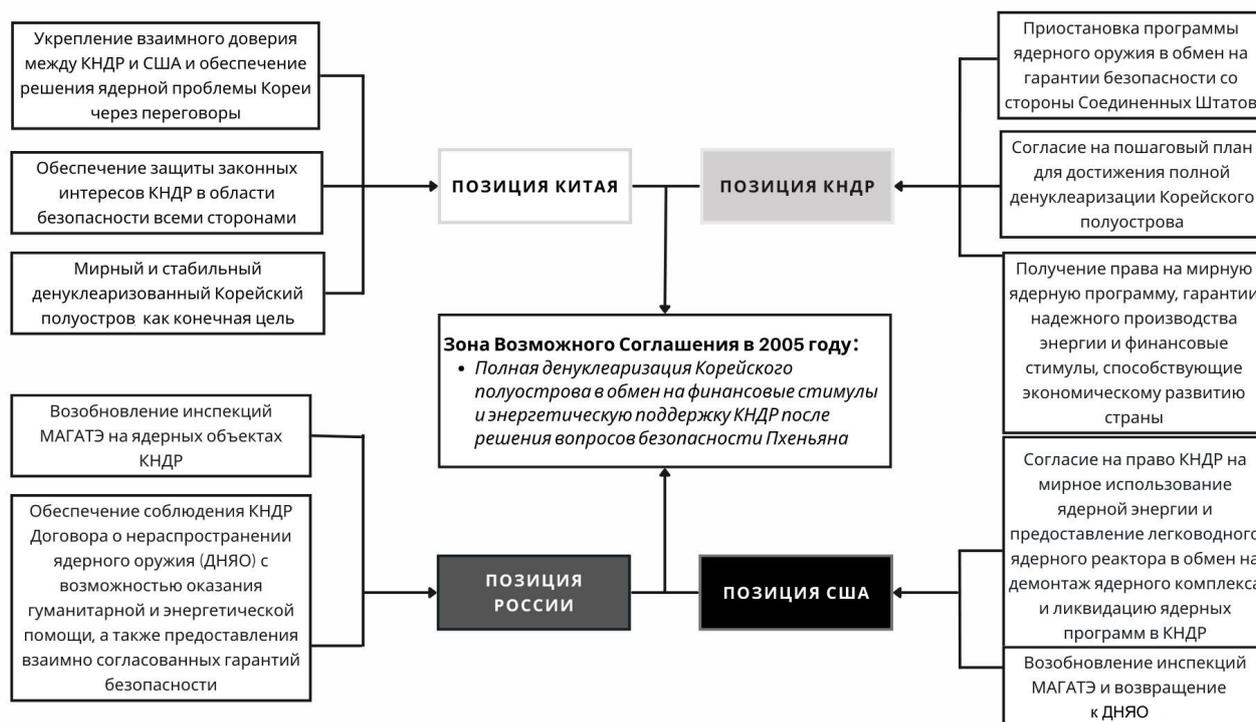

Рис. 3. Итоговые позиции КНР, КНДР, РФ и США и возможная ЗВС в 2005 г.

Источник: составлено авторами.

Условия для гипотетической сделки на современном этапе

Позиция КНР

С точки зрения Пекина, основной причиной срыва шестисторонних переговоров стало нежелание Вашингтона признать законные интересы КНДР в сфере безопасности и отказаться от усилий по изменению политической системы КНДР²¹. В 2017 г. Китай и Россия обнародовали совместную инициативу «заморозка в обмен на заморозку» и поэтапный план урегулирования с участием всех сторон²². В том же году развертывание

²¹ Fu Ying: 15 nian hou 919 gong tong sheng ming reng wei chu li chao he wen ti ti gong ji ben si lu // *Ging hua da xue* [Фу И: Совместное соглашение 2005 года все еще дает фундаментальные идеи для решения ядерной проблемы КНДР спустя 15 лет // Университет Цинхуа]. 25.09.2020. (На китайском языке). URL: <https://www.tsinghua.edu.cn/info/1182/51408.htm> (accessed: 12.11.2023).

²² Communication Received from the Permanent Representatives of the Russian Federation and the People's Republic of China Concerning a Joint Statement on the Korean Peninsula Issues: Joint Statement by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the

американской системы противоракетной обороны (ПРО) заатмосферного перехвата THAAD в Республике Корея вызвало кризис в отношениях между Китаем и США и их союзниками (Sankaran & Fearey, 2017).

Охлаждение отношений КНР с Западом привело к большему сближению Пекина и Пхеньяна. С 2018 г. лидеры двух стран возобновили партнерские отношения, основанные на дружбе и сотрудничестве после периода кризиса, вызванного провокациями со стороны КНДР. В 2019 г. Китай и Россия предложили ослабить определенные санкции Совета Безопасности ООН (СБ ООН) против КНДР и повторно внесли предложение в СБ ООН в 2021 г.²³

Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the Korean Peninsula Issues // International Atomic Energy Agency. August 14, 2017. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infocircs/2017/infocirc922.pdf> (accessed: 12.11.2023).

²³ Davenport K. China, Russia Propose North Korea Sanctions Relief // Arms Control Association. December 2021. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2021-12/news/china-russia-propose-north-korea-sanctions-relief> (accessed: 12.11.2023).

В настоящее время КНР выступает за смягчение некоторых санкций СБ ООН в отношении КНДР, а также против любых действий США, которые могут привести к эскалации напряженности в Северо-Восточной Азии или к распространению оружия массового уничтожения (ОМУ) в Южной Корее или Японии, видя конечной целью возобновление переговоров о денуклеаризации Корейского полуострова.

Позиция КНДР

В ответ на глобальную пандемию COVID-19 в 2020 г. КНДР закрыла границы и значительно ограничила внешнее взаимодействие. Это привело к сокращению внешнеторгового товарооборота и внешних сношений. Гуманитарная ситуация в ряде регионов усугубилась в результате стихийных бедствий в 2020 и 2021 гг.²⁴

КНДР де-факто остается государством, обладающим ядерным оружием и способным создать не менее 40–50 ядерных боеголовок (Kristensen & Korda, 2021). Страна продолжает развивать ядерную и ракетную программы, стремясь обеспечить более надежный потенциал ответного удара²⁵. С момента вступления в должность президента США Дж. Байдена и возобновления военных учений вблизи северо-корейских границ КНДР запустила более 70 ракет, включая новые межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) «Хвасон–17» и «Хвасон–18», тем самым отказавшись от введенного в 2018 г. моратория на ядерные и ракетные испытания²⁶.

В то же время КНДР не исключает возможности переговоров, выдвигая значительно

бóльшие требования, чем в 2005 г. Первый заместитель министра иностранных дел КНДР Чхве Сон Хуэй заявила, что нынешняя политика ее страны в отношении любого потенциального взаимодействия по ядерным вопросам с США руководствуется принципом «сила в ответ на силу и добрая воля в ответ на добрую волю»²⁷. Это можно интерпретировать как готовность КНДР взаимодействовать с Вашингтоном только при условии готовности США предпринять встречные дружественные шаги.

Позиция КНДР в настоящее время заключается в том, чтобы добиться от США и их союзников юридически обязывающих гарантий безопасности, приостановки совместных военных учений США и Республики Корея, принятия обязательства по ослаблению некоторых санкций СБ ООН против КНДР, признания права КНДР на мирное использование ядерной энергии, а также разработки «дорожной карты» по созданию Корейского полуострова, свободного от ЯО.

Позиция Российской Федерации

В Стратегии национальной безопасности России 2021 г. подчеркивается, что эскалация напряженности на Корейском полуострове подрывает глобальную и региональную системы безопасности²⁸. Россия воспринимает ядерную проблему Корейского полуострова как часть более широкой и требующей многосторонних решений угрозы миру и стабильности в Северо-Восточной Азии²⁹.

Россия выступает за дипломатический подход к решению ядерной проблемы Корейского полуострова. В ноябре 2021 г. Россия

²⁴ Lee J. J. It's Time for Biden to End the Korean War // Quincy Institute for Responsible Statecraft. October 19, 2021. URL: <https://quincyinst.org/2021/10/19/its-time-for-biden-to-end-the-korean-war/> (accessed: 12.02.2023).

²⁵ It's the Launcher, Not the Missile: Initial Evaluation of North Korea's Rail-Mobile Missile Launches // 38 North. September 17, 2021. URL: <https://www.38north.org/2021/09/its-the-launcher-not-the-missile-initial-evaluation-of-north-koreas-rail-mobile-missile-launches/> (accessed: 12.11.2023).

²⁶ КНДР отказалась от ракетно-ядерных испытаний // ТАСС. 21.04.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5147022> (дата обращения: 13.03.2023).

²⁷ Statement of First Vice Foreign Minister of DPRK // KCNA Watch. March 18, 2021. URL: <https://kcnawatch.org/newstream/1616018516-880909610/statement-of-first-vice-foreign-minister-of-dprk/?t=1623952368634> (accessed: 12.11.2023).

²⁸ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://scrf.gov.ru/security/docs/document133/> (дата обращения: 12.11.2023).

²⁹ Посол России считает неизбежным возобновление шестистороннего формата переговоров по КНДР // ТАСС. 14.04.2021. URL: <https://tass.ru/politika/11148121> (дата обращения: 12.02.2023).

и Китай предложили СБ ООН политико-гуманитарную резолюцию по КНДР, направленную на корректировку санкционного режима Совета с учетом пандемии COVID-19 и других факторов. Россия считает, что продолжение изоляции Северной Кореи может привести к серьезному гуманитарному кризису³⁰. Отделение гуманитарных вопросов от ядерной проблемы воспринимается Россией как реалистичный и необходимый шаг на пути к возобновлению многосторонних переговоров (Асмолов, Захарова, 2023).

Российские эксперты по северо-корейской проблематике (Дьячков, 2014) рекомендуют России добиваться денуклеаризации через многосторонний процесс при взаимном понимании этого процесса и включении гарантий безопасности для КНДР и других стран региона³¹.

Россия избегает демонизации северо-корейского режима и призывает к уважительному сотрудничеству между всеми заинтересованными сторонами. Как и в 2005 г., Москва осуждает ядерные и ракетные разработки КНДР, но ставит стабильность и диалог на Корейском полуострове выше принудительных мер. Позиция России ориентирована на активизацию двусторонних и многосторонних переговоров без предварительных условий, а также на отмену санкций СБ ООН в отношении КНДР в гуманитарной и других гражданских сферах, не связанных с ядерной и ракетной программами.

Позиция США

Некоторые аналитики обвиняют президента США Дж. Буша-мл. в том, что он, сосредоточившись на Ираке, «упустил массу возможностей» на других направлениях

³⁰ Посол России в КНДР: мы привыкли к новым условиям жизни в Пхеньяне // Интерфакс. 08.02.2021. URL: <https://www.interfax.ru/interview/749660> (дата обращения: 03.02.2023).

³¹ DPRK Strategic Capabilities and Security on the Korean Peninsula: Looking Ahead // CENESS and IISS. 2021. <https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/research-papers/dprk-strategic-capabilities-and-security-on-the-korean-peninsula---english3.pdf> (accessed: 12.11.2023).

внешней политики, включая северо-корейское³². Аналогичным образом администрация Дж. Байдена³³, похоже, озабочена другими насущными проблемами, такими как пандемия COVID-19, «надвигающаяся угроза» со стороны Китая, напряженность в отношениях с Россией, иранская ядерная сделка и поляризация политики внутри страны³⁴. В результате Дж. Байдену не удалось использовать нетрадиционные прямые контакты своего предшественника Д. Трампа с лидером КНДР Ким Чен Ыном, что, в свою очередь, дало возможность укорениться нарративам, основанным на страхе³⁵.

Президент США Дж. Байден проявляет пассивность в определении повестки дня в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова и выступает против таких символических шагов, как декларация об окончании Корейской войны. Администрация также не выразила готовности отменить экономические санкции против Северной Кореи, что привело к срыву Ханойского саммита³⁶.

Несмотря на конкурирующие приоритеты и противоречивые комментарии, США все еще сохраняют опции для достижения ЗВС в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова. Например, если КНДР и КНР

³² Fallows J. Bush's Lost Year // *The Atlantic*. October 2004. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2004/10/bushs-lost-year/303507/> (accessed: 10.01.2023).

³³ Official Talks DOD Policy Role in Chinese Pacing Threat, Integrated Deterrence // U.S. Department of Defense. June 2, 2021. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2641068/official-talks-dod-policy-role-in-chinese-pacing-threat-integrated-deterrence/> (accessed: 12.11.2023).

³⁴ Biden Says North Korea Is Top Foreign Policy Issue Facing U.S // *Politico*. March 25, 2021. URL: <https://www.politico.com/news/2021/03/25/biden-north-korea-press-conference-478001> (accessed: 12.11.2023).

³⁵ Lee J. J. It's Time for Biden to End the Korean War // Quincy Institute for Responsible Statecraft. October 19, 2021. URL: <https://quincyinst.org/2021/10/19/its-time-for-biden-to-end-the-korean-war/> (accessed: 12.02.2023).

³⁶ Carlin R. The Real Lessons of the Trump — Kim Love Letters // *Foreign Policy*. August 13, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/08/13/north-korea-trump-kim-jong-un-love-letters-diplomacy-nuclear-talks/> (accessed: 12.11.2023).

совместно с Республикой Корея и США подпишут Декларацию о прекращении Корейской войны и перейдут к переговорам о заключении мирного договора, то США получат больше возможностей для многостороннего соглашения по ядерной проблеме. Такой подход подтвердил бы публичные заявления США о том, что у них «нет враждебных намерений» в отношении КНДР³⁷ и что их стратегия будет «выверенной» и «прагматичной»³⁸.

Те, кто стремится улучшить отношения между КНР и США, также выиграют от возобновления дипломатических отношений с КНДР, поскольку сотрудничество с Китаем в области нераспространения может привести к взаимодействию в других важнейших областях, представляющих взаимный интерес, и снизить региональную напряженность. Как отметил Чжао Тонг, Китай как единственная ядерная страна с безоговорочной политикой отказа от первого применения ЯО может также побудить Северную Корею взять на себя подобные обязательства (Zhao, 2022).

Официальное окончание Корейской войны, за которым последует постепенное ослабление санкций, ответные военные меры доверия и движение к дипломатическому признанию и мирному договору, если они будут последовательно применяться, позволят проверить, действительно ли Пхеньян стремится к созданию стабильности на полуострове и улучшению жизни своих граждан. Позиция США — это возможность переговоров без предварительных условий при сохранении санкций до тех пор, пока не будет достигнут прогресс в денуклеаризации со стороны КНДР.

Зона возможного соглашения на текущем этапе

При сравнении и обобщении позиций заинтересованных сторон (рис. 4 и 5) становится очевидно, что доступные опции за столом переговоров ограничены, а пропасть между позициями четырех стран в отношении решения ядерной проблемы Корейского полуострова увеличилась. Если говорить о первичных разногласиях, то Китай и Россия проявляют все большую готовность к ослаблению санкций и оказанию помощи Северной Корее, в то время как США последовательно придерживаются более жесткой позиции, выраженной в формуле *CVID*. КНДР, напротив, требует юридически обязывающих гарантий безопасности и признания своего права на мирное использование ядерной энергии в качестве предварительных условий для участия в переговорах по денуклеаризации.

Учитывая различие подходов и низкую готовность США и союзников идти на уступки в виде оказания экономической помощи и гарантий безопасности в обмен на демонтаж ядерной программы КНДР, ядерная проблема Корейского полуострова превратилась в сложнейшую задачу, требующую беспрецедентного уровня компромиссов и прорывов.

К счастью, стороны продолжают признавать важность переговоров и проявляют готовность к их возобновлению, что создает благоприятные условия для проведения ЗВС с целью совместного изучения мер по снижению ядерных рисков.

Зона возможного соглашения на текущем этапе может быть сформулирована как *разработка мер по снижению ядерных рисков в качестве главного приоритета с конечной целью возобновления шестисторонних переговоров*.

Заключение

Сохраняющийся тупик в переговорном процессе по ядерной проблеме Корейского полуострова требует инновационного методологического подхода. Использование таких переговорных концепций, как определение зоны возможного соглашения, могло бы способствовать более эффективному выявлению компромисса между сторонами.

³⁷ Department Press Briefing // U.S. Department of State. September 24, 2021. URL: <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-september-24-2021-2/> (accessed: 12.01.2023).

³⁸ Press Gaggle by Press Secretary Jen Psaki Aboard Air Force One En Route Philadelphia, PA // The White House. April 30, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/04/30/press-gaggle-by-press-secretary-jen-psaki-aboard-air-force-one-en-route-philadelphia-pa/> (accessed: 18.12.2022).

ОЦЕНКА ЗОНЫ ВОЗМОЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ В 2023 ГОДУ	КИТАЙ	КНДР	РОССИЯ	США
ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ США-КНДР	⊘	✗	⊘	⊘
МНОГОСТОРОННИЕ ПЕРЕГОВОРЫ	✓	⊘	✓	⊘
ИНСПЕКЦИИ МАГАТЭ	⊘	⊘	⊘	⊘
ДЕНУКЛЕАРИЗАЦИЯ	✓	✗	✓	✓
ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДНЯ	⊘	⊘	✓	⊘
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ	✓	✓	✓	✗
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ	✓	✓	✓	⊘
МИРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ	⊘	✓	⊘	⊘
САНКЦИИ	✗	✗	✗	✓

✓ Государство поддержало это предложение. ✗ Государство выступило против этого предложения. ⊘ Государство не упомянуло это предложение.

Рис. 4. Сравнение позиций КНР, КНДР, РФ и США по основным условиям ЗВС, касающимся ядерной проблемы Корейского полуострова, в 2023 г.

Источник: составлено авторами.

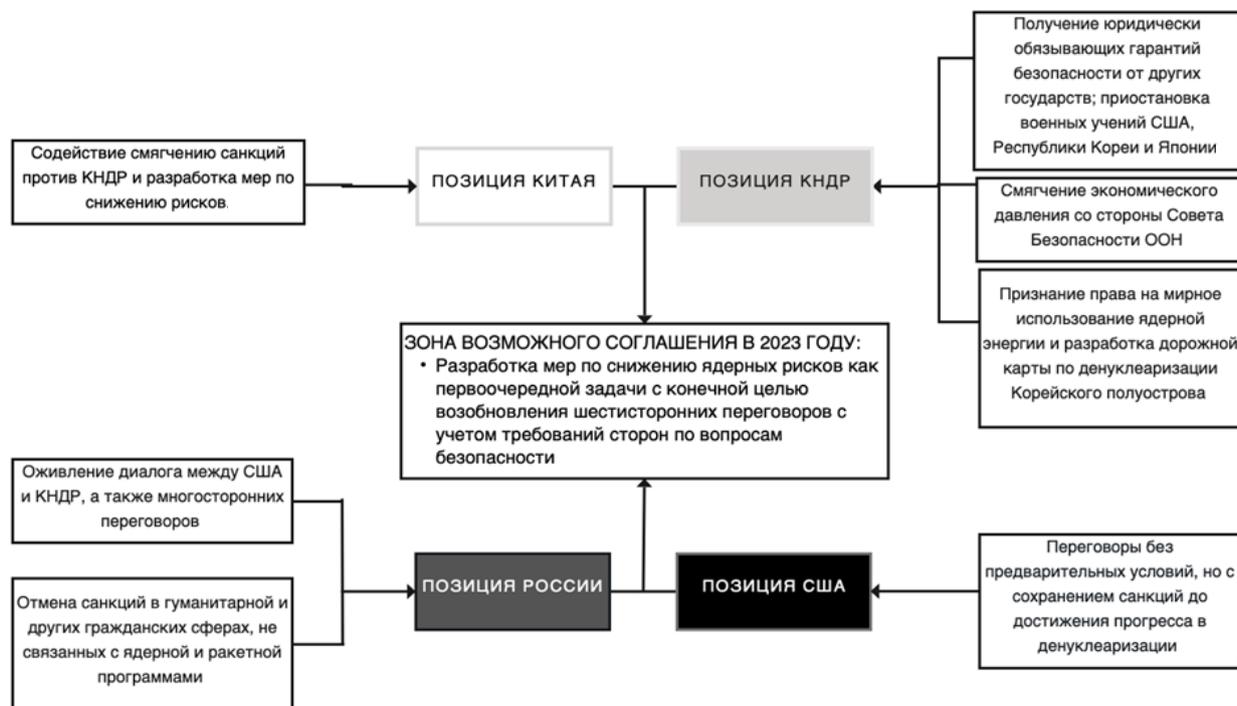

Рис. 5. Синописис позиций КНР, КНДР, РФ и США и потенциальная ЗВС

Источник: составлено авторами.

По оценкам авторов исследования, в 2023 г. ЗВС между США, КНДР, КНР и РФ сузилась по сравнению с 2005 г. в связи с ухудшением геополитической ситуации. В то время как четыре стороны сходятся в необходимости достижения безъядерного статуса Корейского полуострова, по крайней мере на словах, взаимопонимание относительно средств достижения этой цели остается неуловимым. Позиция каждого игрока имеет свои нюансы, обусловленные национальными интересами.

Тем не менее, как показало достигнутое в 2005 г. Соглашение между участниками шестисторонних переговоров, даже самые глубокие разногласия могут быть преодолены, если на высшем уровне у всех сторон присутствует политическая воля к компромиссу и видение общей конечной цели. В качестве краткосрочного приоритета авторы рекомендуют:

1) обновить российско-китайский План действий по Корейскому полуострову 2019 г., включив в него меры кризисного реагирования;

2) вернуться к принципу «двойного замораживания» учений США и союзников в обмен на мораторий на ракетные и ядерные испытания КНДР;

3) создать «горячую линию» между США и КНДР для реагирования на инциденты;

4) возобновить неформальные контакты, назначив специального представителя США в КНДР с целью установления официальных связей.

Последующим шагом станет восстановление многосторонних платформ для создания дорожной карты конкретных действий, направленных на достижение ЗВС.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 29.04.2023
Принята к публикации / Accepted: 27.12.2023

Библиографический список

- Асмолов К. В., Захарова Л. В. Решительность и аккуратность. Отношения России и государств Корейского полуострова в новую эпоху // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, № 4. С. 203–224. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224>
- Дьячков И. В. Эволюция северокорейской ядерной программы в контексте ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии (2-я половина XX — начало XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. Москва : МГИМО МИД России, 2014.
- Ён С. Х. Политические аспекты сотрудничества России с государствами Корейского полуострова: дис. ... канд. ист. наук. Москва : МГИМО МИД России, 2011.
- Панин А., Альтов В. Северная Корея. Эпоха Ким Чен Ира на закате. Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2004.
- Boasson C. In Search of Peace Research: Essays by Charles Boasson. London : Palgrave Macmillan, 1991. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-11885-4>
- Carnevale P. J., Pruitt D. G. Negotiation and Mediation // *Annual Review of Psychology*. 1992. Vol. 43, no. 1. P. 531–582. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.43.020192.002531>
- Chu Shulong, Lin Xinzhu. The Six Party Talks: A Chinese Perspective // *Asian Perspective*. 2008. Vol. 32, no. 4. P. 29–43. <http://doi.org/10.1353/apr.2008.0003>
- Guiguzi. Jilin University Press, 2014. (На китайском языке).
- Hecker S. S. Hinge Points: An Inside Look at North Korea's Nuclear Program. Stanford : Stanford University Press, 2023.
- Jehn K. A., Bendersky C. Intragroup Conflict in Organizations: A Contingency Perspective on the Conflict-Outcome Relationship // *Research in Organizational Behavior*. 2003. Vol. 25. P. 187–242. [https://doi.org/10.1016/S0191-3085\(03\)25005-X](https://doi.org/10.1016/S0191-3085(03)25005-X)
- Kristensen H. M., Korda M. SIPRI Yearbook 2021: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford : Oxford University Press, 2021.
- Lax D. A., Sebenius J. K. 3-D Negotiation. Playing the Whole Game // *Harvard Business Review*. 2003. Vol. 81, no. 11. P. 64–74.
- Mnookin R. H. Strategic Barriers to Dispute Resolution: A Comparison of Bilateral and Multilateral Negotiations // *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)*. 2003. Vol. 159, no. 1. P. 199–220.

- Mnookin R. H., Peppet S. R., Tulumello A. S.* Beyond Winning: Negotiating to Create Value in Deals and Disputes. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2000.
- Park J. S.* Inside Multilateralism: The Six-Party Talks // *Washington Quarterly*. 2005. Vol. 28, no. 4. P. 73–91. <https://doi.org/10.1162/0163660054798726>
- Sankaran J., Fearey B. L.* Missile Defense and Strategic Stability: Terminal High Altitude Area Defense (THAAD) in South Korea // *Contemporary Security Policy*. 2017. Vol. 38, no. 3. P. 321–344. <https://doi.org/10.1080/13523260.2017.1280744>
- Toloraya G.* The Six Party Talks: A Russian Perspective // *Asian Perspective*. 2008. Vol. 32, no. 4. P. 45–69. <https://doi.org/10.1353/apr.2008.0004>
- Wallensteen P.* Understanding Conflict Resolution. SAGE Publications Ltd, 2018.
- Zhang Xiaoming.* The Korean Peninsula and China's National Security: Past, Present and Future // *Asian Perspective*. 1998. Vol. 22, no. 3. P. 259–272.
- Zhao Tong.* China and the International Debate on No First Use of Nuclear Weapons // *Asian Security*. 2022. Vol. 18, no. 3. P. 205–213. <https://doi.org/10.1080/14799855.2021.2015654>

Сведения об авторах:

Калинин Роман Ренатович — аспирант, факультет мировой политики, МГУ им. М.В. Ломоносова; eLibrary SPIN-код: 3041-4678; ORCID: 0000-0001-8495-2196; e-mail: kalininrr95@gmail.com

Юань Юэ — доцент, Институт международных отношений, Китайский университет иностранных дел; ORCID: 0000-0002-1784-8521; e-mail: yuey.yuan@outlook.com

Беденко Вероника Максимовна — аналитик, Open Nuclear Network; ORCID: 0000-0002-3187-761X; e-mail: veronika-bedenko@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-80-91

EDN: EWNFQM

Научная статья / Research article

Сотрудничество между СССР и Индией в 1950–1960-е гг.: первые визиты молодежи и студентов

М.Н. Старикова^{1,2} , К.П. Курьлев¹ , Л.А. Черешнева^{1,3} ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация³Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк, Российская Федерация
 m.starikova@inno.mgimo.ru

Аннотация. В XXI в. Российская Федерация и Республика Индия обладают большим научным и образовательным потенциалом. Особо привилегированное стратегическое партнерство двух государств направлено в том числе на развитие и новации научного и образовательного сотрудничества, имеющего устойчивые традиции, заложенные во второй половине прошлого столетия. Именно в этот период устанавливались первые связи между студентами и молодежью двух стран. VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Москве в 1957 г., явился отправной точкой построения молодежного сотрудничества, деятельности Бюро международного молодежного туризма «Спутник», первых туристических поездок советских студентов в Индию. Актуальность темы определяется обращением междууниверситетского авторского коллектива РУДН, МГИМО (У) и ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского к теме, ранее не становившейся предметом комплексных исследований ни в России, ни в Индии. Цель исследования – на основе материалов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), не введенных ранее в научный оборот, проанализировать цели, формы организации и значение советско-индийского молодежного и студенческого партнерства в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Использован конструктивистский подход, демонстрирующий связь социума и политики и раскрывающий влияние международного сотрудничества на институционализацию, развитие научного и образовательного партнерства СССР и Индии на межгосударственном и межинституциональном уровнях. Период хрущевской «оттепели» заложил основы советско-индийского сотрудничества двух государств в сфере высшего образования, молодежного и студенческого академического обмена и туризма. В XXI в. опыт проведения всемирных фестивалей молодежи и студентов, работы бюро «Спутник» является актуальным, поскольку Республика Индия является одним из важных и приоритетных партнеров для Российской Федерации. Перед студентами современной России также стоит задача налаживать и развивать академические и культурные связи с Индией, повышать престиж страны в глазах индийцев и всего мира.

Ключевые слова: Советский Союз, фестиваль, Спутник, туризм, культурная делегация

© Старикова М.Н., Курьлев К.П., Черешнева Л.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00108, <https://rscf.ru/project/23-28-00108/>.

Для цитирования: Старикова М. Н., Курьлев К. П., Черешнева Л. А. Сотрудничество между СССР и Индией в 1950–1960-е гг.: первые визиты молодежи и студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 80–91. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-80-91>

Cooperation Between the USSR and India in the 1950–1960s: The First Youth and Student Visits

Mariia N. Starikova^{1,2} , Konstantin P. Kurylev¹ , Larisa A. Chereshneva^{1,3}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²MGIMO University, Moscow, Russian Federation

³Lipetsk State Pedagogical P. P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation

 m.starikova@inno.mgimo.ru

Abstract. In the 21st century, the Russian Federation and the Republic of India have great scientific and educational potential. The particularly privileged strategic partnership between the two states is aimed, among other things, at the development and innovations of scientific and educational cooperation, which has stable traditions laid down in the second half of the last century. It was during this period that the first connections were established between students and youth of the two countries. The VI World Festival of Youth and Students, held in Moscow in 1957, was the starting point for building youth cooperation, the activities of the International Youth Tourism Bureau “Sputnik,” and the first tourist trips of Soviet students to India. The relevance of the article is determined by the appeal of the interuniversity team of authors of the RUDN University, MGIMO University and Lipetsk State Pedagogical P. P. Semenov-Tyan-Shansky University to the topic that had not previously been the subject of comprehensive research either in Russia or in India. The purpose of this study is to analyze the goals, forms of organization and significance of the Soviet-Indian youth and student partnership in the late 1950s — early 1960s on the basis of materials from the Russian State Archive of Socio-Political History that were not involved in scientific circulation. The authors use a constructivist approach demonstrating the connection between society and politics and revealing the impact of international cooperation on the institutionalization, development of scientific and educational partnership between the USSR and India at the interstate and interinstitutional levels. The Khrushchev “thaw” period laid the foundations for Soviet-Indian cooperation between the two states in the field of higher education, youth and student academic exchange and tourism. In the 21st century, the experience of the world festivals of youth and students, the work of the “Sputnik” bureau is relevant, since the Republic of India is one of the important and priority partners for the Russian Federation. Students of Modern Russia also face the task of establishing and developing academic and cultural ties with India, increasing the prestige of the country in the eyes of Indians and the whole world.

Key words: Soviet Union, festival, Sputnik, tourism, cultural delegation

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00108, <https://rscf.ru/project/23-28-00108/>).

For citation: Starikova, M. N., Kurylev, K. P., & Cheresheva, L. A. (2024). Cooperation between the USSR and India in the 1950–1960s: The first youth and student visits. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 80–91. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-80-91>

Введение

В период хрущевской «оттепели» для СССР повысилась значимость установления контактов с молодежью различных стран. Политика продвижения положительного образа СССР среди молодых поколений обеспечивалась посредством укрепления культурных и научных связей. В это время особую роль начал играть туризм, который был в том числе и частью механизма по распространению советской идеологии (Shkarubo, 2022, p. 19; Orlov, 2014, p. 3; Аманжолова, Машкова, 2016, с. 111). В хрущевский период СССР присоединился к глобальному соперничеству за обеспечение гражданам «хорошей жизни», что привело к превращению туризма в поле битвы холодной войны (Pedersen & Noack, 2019, p. 1). Как отмечает специалист в области туризма П. Бернс, в политическом смысле туризм использовался для продвижения образа Советского Союза за рубежом (Burns, 1998, p. 557). При этом одной из задач стало обеспечение молодежного обмена между странами, в том числе и развитие туризма с развивающимися государствами. Одним из важных партнеров стала Республика Индия.

В 1950–1960-е гг. правительство Советского Союза стремилось вывести на новый уровень экономические, культурные и научные связи с Индией¹. Начиная с 1955 г. стал налаживаться обмен визитами деятелей науки, искусства и литературы, организовывались художественные выставки (Загородникова, Кашин, Шаумян, 2020, с. 301). В тот же период происходил обмен творческими коллективами (Соколова, 2022). Визиты в Советский Союз осуществлялись также в рамках деятельности Всеиндийского общества культурной связи с границей (1925–1958 гг.), а позже — Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зару-

бежными странами (1958–1992 гг.) (Загородникова, Кашин, Шаумян, 2020, с. 296).

Начало молодежному и студенческому туризму было положено во многом благодаря VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве, проходившему в 1957 г., когда «железный занавес» был приоткрыт для делегаций из множества стран (Горлов, 2021, с. 88). Уже через год 24 июня 1958 г. секретариат Центрального комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (ЦК ВЛКСМ) принял постановление «Об организации туристского обмена с зарубежными молодежными организациями» (Путрик, 2018, с. 73). С молодежными организациями стало сотрудничать Бюро международного молодежного туризма «Спутник». Если в 1963 г. «Спутник» взаимодействовал с 70 организациями из 30 стран, то в 1980-е гг. — уже с 500 организациями из 80 стран (Orlov, 2014, p. 22). К 1980-м гг. Бюро стало крупнейшей молодежной туристической организацией не только в Советском Союзе, но и в мире (Путрик, 2018, с. 74).

Одной из главных установок «Спутника» было расширение географии выездного туризма путем развития отношений со странами Азии, Африки и Латинской Америки (Аманжолова, Машкова, 2016, с. 113). Первые визиты советских студентов и молодежи в Индию в рамках туристического и культурного обмена осуществлялись именно через «Спутник». Несмотря на непродолжительный период пребывания в Индии, советские студенты и представители различных групп молодежи смогли пообщаться со многими официальными лицами, политическими и общественными деятелями, обучающимися школ, колледжей и университетов. Эти поездки способствовали улучшению отношений между народами двух стран, позволяли студентам познакомиться с культурой Советского Союза и Индии, посетить многие туристические места и самим рассказать о достижениях СССР.

¹ Подробнее о советско-индийских отношениях см.: (Thakur, 1991; Mastny, 2010).

VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве

Фестиваль молодежи и студентов проходил в Москве с 28 июля по 11 августа 1957 г. и стал одним из крупнейших событий в международном молодежном движении. Он был важным инструментом для продвижения обновленного имиджа СССР и поиска новых сторонников и друзей среди участников из развитых стран и стран «третьего мира» (Koivunen, 2016, p. 224; Цветков, 2017, с. 108). Молодежные фестивали уже в то время стали силой, которая формировала общественное мнение и оказывала влияние на отношение к наиболее важным проблемам международных отношений и их разрешение (Можаяева, 2015, с. 149).

В столице Советского Союза собралось более 34 тыс. представителей молодежи из 131 страны, а в поддержку фестиваля выступили 22 международные организации². В рамках студенческой программы фестиваля проходили многочисленные концерты, экскурсии, спортивные фестивали, семинары, встречи и дискуссии³. В эти недели делегации совершили более 7 тыс. экскурсий на заводы, фабрики, колхозы, в школы, институты, научные и социальные учреждения. По окончании фестиваля делегаты посетили и другие города Советского Союза⁴.

Интересно отметить, что во время фестиваля проходила встреча молодых депутатов парламентов, в которой участвовало 150 человек, включая 100 парламентариев иностранных государств: Франции, Китая, Индии, Бразилии, Греции и т. д.⁵ Также состоялись региональные встречи молодежи стран Европы, Азии, Латинской Америки, Арабского Востока, Африки и стран бассейна

Балтийского моря. Как отмечалось в отчете об итогах VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов за мир и дружбу, эти встречи носили политический характер. Тогда же состоялось около 500 встреч между различными делегациями, которые проходили по инициативе самих делегаций, что дало возможность молодежи установить новые контакты и связи⁶.

В Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова на протяжении всего фестиваля размещался Международный студенческий клуб⁷. Программа клуба предусматривала встречи с видными деятелями советской науки и культуры, новаторами производства, а также дискуссии и концерты. Студенческий совет при Комитете молодежных организаций СССР в своем постановлении от 28 августа 1957 г. отметил успешное проведение большой программы для студентов на фестивале⁸. Около 100 тыс. человек участвовало в мероприятиях Международного студенческого клуба, международных семинарах, встречах студентов⁹.

В индийскую делегацию входило более 400 человек¹⁰, среди которых — не менее 40 студентов¹¹. У индийцев осталось благоприятное впечатление от визита в Советский Союз¹². На советском радио в рубрике «Гово-

⁶ Там же.

⁷ РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 152. Л. 16–19. Материалы по подготовке и работе международного студенческого клуба (решения комиссии, планы, программы, переписка, списки лиц, рекомендуемых для проведения дискуссий в клубе, тексты выступлений, аннотации на фильмы и др.). Июнь-август 1957. Подробнее об участии студентов и преподавателей МГУ им. М.В. Ломоносова в молодежном фестивале см.: (Герасимова, 2005).

⁸ РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 152. Л. 7–8. Материалы по подготовке и работе международного студенческого клуба (решения комиссии, планы, программы, переписка, списки лиц, рекомендуемых для проведения дискуссий в клубе, тексты выступлений, аннотации на фильмы и др.). Июнь-август 1957.

⁹ Там же.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 217. Л. 24–30. Списки участников VI Всемирного фестиваля из стран Азии и Новой Зеландии, ч. XI. 1957.

¹¹ Там же. Л. 63–84.

¹² Несмотря на позитивные результаты фестиваля, исследователи высказывали и иные точки зрения по

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-3. Оп. 15. Д. 83. Л. 2. Отчеты об итогах фестиваля, информационная справка о ходе и итогах фестиваля и библиографическая справка «Зарубежные страны — участницы VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов». Июнь 1957 — октябрь 1957.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 18.

рят делегаты фестиваля» в своем выступлении генеральный секретарь Студенческой федерации Кришна Чандра Дубе говорил следующее: «Я могу совершенно точно заявить, что советский народ — очень хороший и доброжелательный народ. Когда я вернусь на родину для того, чтобы рассказать обо всем увиденном, мне понадобится несколько месяцев»¹³.

Во время вещания по радио на круглом столе с руководителями молодежных организаций и индийскими делегатами руководитель группы Федерация индийской молодежи Шандил отметил: «Я считаю, что фестиваль будет способствовать усилению молодежного движения и укреплению молодежных организаций. В результате фестиваля мир и братство между народами всего мира значительно окрепнут. С такими думами мы едем в Индию. Мы проведем в своей стране митинги, посвященные фестивалю, и так же как и после прошлых фестивалей, мы донесем идеи фестиваля — идеи мира и братства — до каждой деревни, каждого села, каждого города»¹⁴. В беседе на радио Капил Варма, наблюдатель от молодежных организаций Бхарат ювак самадж и Бхарат севак самадж, дал комментарий о том, что «Московский фестиваль очень полезен, так как на нем происходит обмен мнениями»¹⁵.

Московский фестиваль стал важным этапом для активизации сотрудничества между студентами различных стран, в том числе Индии и СССР. Благодаря волне энтузиазма, поднявшегося в связи с усилением комсомольского движения, стали возможны и туристические поездки молодежи в Индию, которые организовывались Бюро «Спутник». Из-за культурной и просветительской

направленности этих путешествий они вышли за рамки определения туристических и сыграли важную роль в налаживании контактов между молодыми поколениями двух стран.

Первая туристическая поездка

Первые поездки в Индию осуществлялись с 1962 г., позволив советским студентам и представителям молодежи познакомиться с далекой Индией. Благодаря сотрудничеству с одной из индийских организаций — Организацией по международному культурному обмену (*International Cultural Exchange Organization*)¹⁶ — советским туристам удалось посетить не только многие достопримечательности, но и пообщаться с политиками, видными общественными деятелями, а также познакомиться с университетским сообществом Индии.

Первая группа советской молодежи прибыла в Индию в феврале 1962 г. Поскольку предполагалось налаживание контактов в первую очередь среди молодого поколения, туристы посещали колледжи и университеты: уже в первые дни группа прибыла в один из

¹⁶ В первом отчете название организации переводилось иначе — Организация по культурным связям с зарубежными странами. В следующих отчетах принимающая организация называется «Организация по международному культурному обмену». В отчете второй туристической группы индийская организация была охарактеризована следующим образом: «Организация по международному культурному обмену — относительно молодая. Возглавляет организацию президент — м-р Реди, член парламента от штата Майсур (с 1973 г. — штат Карнатака. — *Прим. авт.*). В руководящий совет „Организации“ входят помимо м-ра Реди еще несколько членов парламента... Штаб-квартира организации находится в столице штата Майсур — г. Бангалор. В Дели организация не имеет своего отделения, что безусловно усложняет решение некоторых организационных вопросов... Из бесед видно, что объем работы у организации не очень большой. До настоящего времени это были в основном туристические связи с Бирмой, Цейлоном, Индонезией. Контакты и обмен группами со „Спутником“ были первым выходом „Организации“ на европейские страны» (РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 36–37. Отчеты руководителей групп советских туристов о поездке в Бельгию, Голландию, Индию, Марокко, Нидерланды, Швейцарию. 1962–1964 гг.).

вопросу успешности создания положительного образа СССР среди индийских граждан. См. подробнее: (Wishon, 2016).

¹³ РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 264. Л. 122. Сборник Главного управления радиовещания основных материалов, переданных по радио на зарубежные страны, в связи с VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов в Москве, т. VI (страны Азии и Ближнего Востока). 28 июля 1957 — 11 августа 1957.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 264. Л. 133.

¹⁵ Там же. Л. 135.

колледжей Дели, где встретила с учащими-ся и преподавательским составом¹⁷. Советских граждан встречали на очень высоком уровне, в том числе они смогли пообщаться и с ректором. В отчете о поездке довольно подробно описывалось также и устройство колледжа: подчеркивалось, что раньше там обучались только мусульмане, но позже такое ограничение было снято и образование в этом учреждении смогли получать и индусы. Благодаря посещениям подобных учебных учреждений молодые туристы могли познакомиться с будущими специалистами в области школьного образования — именно по этой специальности готовили многих студентов колледжа. Во время поездки по Дели советская молодежь пообщалась также со студентами другого колледжа (в отчете не приводятся названия учебных заведений), где готовили специалистов по естественным и гуманитарным наукам¹⁸.

Действительно интересно, что в отчете о первой поездке, в отличие от последующих, много внимания уделялось именно описанию учреждений, которые посещала делегация. Подчеркивалось, что колледж на окраине Дели на 90 % финансировался правительством. В нем действовал Союз студентов, объединявший всех учащихся по интересам и подчиняющийся организации того Университета, который опекал данный колледж. Благодаря наличию подобной информации в отчете можно предположить, что первой группе советских туристов действительно было интересно познакомиться с университетской жизнью в Индии и особенностями внутреннего управления. Молодежь задавала вопросы о деятельности колледжа и жизни студентов¹⁹. Любопытно, что еще во время первой поездки туристам уже пришлось столкнуться с каверзными вопросами, которые им задавали представители принимающей стороны: «Критикуют ли газеты (особенно молодежные) в

СССР свое правительство?», «Почему Советское правительство заранее не публикует сообщения о проведении испытания ядерного оружия?»²⁰.

Наряду со встречами со студентами советские туристы также общались с представителями различных молодежных организаций, среди которых, например, «Дериган юсли»²¹, которая не являлась политической организацией и занималась лишь культурными вопросами, организовывала концерты, диспуты, устраивала встречи молодежи с послами, министрами и т. д. В целом индийская сторона часто подчеркивала, что молодежное сотрудничество с СССР носит именно культурный, а не политический характер.

Советская молодежь побывала в Бомбее (ныне Мумбаи), а также в Карнатаки, Мадрасе и Агре. В Бангалоре группа смогла посетить один из старейших юридических колледжей города²². Прием был организован Национальным обществом памяти Валлабхай Пателя Бангалора (*Vallabhai Patel Memorial National Society Bangalore*), где с речью выступил бывший мэр города, член данного общества г-н Ханумантхаия (*Hanumanthaiyah*)²³.

В Агре советская группа смогла посетить прием, организованный Обществом по организации переписки с зарубежными друзьями²⁴. Руководитель группы в отчете отметил (орфография и пунктуация автора сохранена): «Я пригласил группу индийской молодежи посетить Советский Союз и высказал наше пожелание побольше организовать иностранным молодежным группам встреч

²⁰ Там же. Л. 53.

²¹ В статье используется название, данное в отчете руководителя первой группы.

²² РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 59. Отчеты руководителей групп советских туристов о поездке в Бельгию, Голландию, Индию, Марокко, Нидерланды, Швейцарию. 1962–1964 гг.

²³ Скорее всего, в отчете речь шла именно об этом мэре. См.: Bengaluru Mayors List // Open City. Urban Data Portal. URL: <https://data.opencity.in/dataset/bengaluru-mayors-list/resource/bengaluru-mayors-list> (accessed: 19.11.2023).

²⁴ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 60. Отчеты руководителей групп советских туристов о поездке в Бельгию, Голландию, Индию, Марокко, Нидерланды, Швейцарию. 1962–1964 гг.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 53. Отчеты руководителей групп советских туристов о поездке в Бельгию, Голландию, Индию, Марокко, Нидерланды, Швейцарию. 1962–1964 гг.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 54.

с молодежными организациями Индии... Я также говорил о том, что КМО СССР (Комитет молодежных организаций. — *Прим. авт.*), Бюро международного молодежного туризма „Спутник“ делает все возможное для расширения обмена туристами с другими странами, особенно с молодежью Индийской Республики. В то же время выражаем свою надежду, что Индийская сторона будет активизировать свои усилия. Для этого, прежде всего, следует поощрять деятельность „Организации по культурным связям с зарубежными странами“, возглавляемой г-ном Рамом»²⁵.

После поездки руководитель группы подчеркнул, что в Индии население все еще было мало знакомо с Советским Союзом, поэтому подобный культурный обмен между государствами очень полезен и необходимо увеличивать количество туристических групп, отправляющихся в страну. Несмотря на дальнейшие попытки реализовать этот замысел, в последующие годы в Индию по-прежнему организовывали лишь одну поездку в год.

Первая встреча ознаменовала новый этап налаживания связей между молодежью и, в первую очередь, студентами. Хотя группа и посещала многие туристические места, организаторы стремились провести встречи с представителями студенчества и преподавательского состава колледжей и университетов, позволить молодым поколениям поговорить на актуальные темы, рассказать о своем опыте обучения и участия в общественной деятельности. Благодаря этой и дальнейшим поездкам советская молодежь смогла принять участие в распространении знаний и информации о СССР, внести вклад в создание благоприятного образа как своих народов, так и страны в целом.

Вторая туристическая поездка

Вторая и третья поездки советских туристических групп пришлось на период интенсификации пограничного конфликта между Индией и Китаем²⁶. Недовольство ситуацией

²⁵ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 61.

²⁶ Подробнее о конфликте см.: (Garver, 2002; The Sino-Indian War of 1962..., 2019; Stein, 1967).

и напряженная атмосфера привели к изменениям в тематике обсуждений во время посещения учебных заведений туристами. В связи с этим на советскую молодежь легла непростая задача компетентно и непредвзято отвечать на вопросы индийской стороны, о чем не раз писали руководители групп.

Вторая поездка состоялась в январе-феврале 1963 г. Группа состояла лишь из 14 человек и двигалась по маршруту, похожему на маршрут первой делегации: Дели — Агра — Мадрас — Бангалор — Майсур — Бомбей — Дели²⁷. Несмотря на малочисленность группы, в ней были представлены молодые люди, относящиеся к различным категориям советской молодежи и проживающие в разных географических зонах СССР. Как и в предыдущем году, вторую группу принимал директор-исполнитель Организации по культурным связям с зарубежными странами г-н Рам. Интересно отметить, что в отчете о второй поездке упоминалось об особенном статусе туристических групп, приезжающих в том числе и из Советского Союза: «Правительство Индии крайне неблагоприятно относится к туристическому обмену. Особенно не поощряется выезд индийских туристических групп в другие страны, поскольку это связано с выводом валюты. В связи с этим „Организация“ (хотя ее взаимоотношения с Бюро международного молодежного туризма „Спутник“ строятся на безвалютной основе) всю свою деятельность (по существу, туристическую) проводят под маркой „культурного обмена“. Это накладывает особый отпечаток на пребывание наших туристических групп в Индии. Наша группа принималась как „культурная делегация“, и работавшие с нами представители „Организации“ везде подчеркивали это, особенно при встречах с правительственными чиновниками и журналистами»²⁸.

Подобное отношение к советским туристам позволило группе в первую очередь познакомиться с внутренней ситуацией в

²⁷ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 35. Отчеты руководителей групп советских туристов о поездке в Бельгию, Голландию, Индию, Марокко, Нидерланды, Швейцарию. 1962–1964 гг.

²⁸ Там же.

стране, встретиться с влиятельными политическими деятелями и представителями различных профессий. Таким образом, молодежный туризм вышел за рамки лишь полезного времяпровождения среди культурных достопримечательностей и предоставил возможность студентам и молодым специалистам узнать больше о жизни в Индии. Руководитель группы отмечал, что в ряде пунктов (особенно в Дели, Бангалоре и Бомбее) большую часть времени они встречались с правительственными чиновниками, различными обществами, журналистами, молодежными организациями, со студентами и учащимися колледжей, в то время как мероприятия чисто туристического характера отходили на второй план²⁹. В отчете подчеркивалось, что «это безусловно увеличивало возможность контактов с населением, возможность пропаганды идей социализма, ознакомления индийской молодежи с жизнью нашей страны, нашего народа»³⁰. Интересно, что по линии «Интуриста» таких возможностей часто не было.

В связи с большим опытом работы с индийцами во время второй поездки руководитель выдвигал вполне обоснованное предложение о необходимости более тщательного подхода к отбору молодежных представителей. Поскольку организовывались многочисленные встречи официального характера, пресс-конференции, беседы с молодежью, сессии ответов на вопросы прямо из президиума перед большой аудиторией, следовало в каждой группе иметь одного-двух опытных журналистов и двух-трех подготовленных студентов³¹. Это было во многом связано с тем, что подавляющее большинство встреч с молодежью — встречи со студентами и учащимися колледжей. В этой связи туристическую группу вполне можно было рассматривать как культурную делегацию. К примеру, благодаря личным связям индийской организации вторую группу также встречали высокопоставленные лица: «Были устроены встречи с членом парламента, экс-министром

обороны — г-ном Кришна Меноном, министром здравоохранения штата Майсур — д-ром Олвером, премьер-министром штата Бомбей — г-ном Канавера³², губернатором штата Бомбей — Виджай Лакшми Пандит (г-жой Неру) и др. правительственными чиновниками, Президентом Всеиндийского общества индо-советской дружбы и вице-президентом того же общества»³³.

Помимо осмотра туристических достопримечательностей и встреч с официальными лицами советская молодежь пообщалась со студентами Делийского и Бомбейского университетов, учащимися технического колледжа в Бангалоре и журналистского колледжа в Бомбее, с группой бангалорской молодежи, изучающей русский язык в обществе им. Патиалы (общество по изучению иностранных языков), а также с журналистами³⁴. Помимо этого организовывались митинги и приемы: в Дели — принимающей организацией, в Бангалоре — местным отделением общества индо-советской дружбы и местным отделением Организации по культурным связям с зарубежными странами, в Бомбее — местным отделением общества индо-советской дружбы, комитетом по организации встречи делегации и советом студенческих организаций г. Бомбея³⁵.

На встречах со студентами советской группе задавали вопросы, касающиеся оценки международного положения и внутривнутриполитической жизни в Советском Союзе. Как и в предыдущую поездку, туристам приходилось давать ответы на непростые вопросы, в том числе связанные и с отношениями Индии и Китая: «Как лично вы оцениваете позицию Китая в индо-китайском конфликте?.. Почему вы не имеете права критиковать свое правительство?.. Почему в СССР запрещен

³² Вероятно, имеется в виду Маротрао Шамбшио Каннамвар, который был главным министром штата Махараштра в 1962–1963 гг.

³³ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 37. Отчеты руководителей групп советских туристов о поездке в Бельгию, Голландию, Индию, Марокко, Нидерланды, Швейцарию. 1962–1964 гг.

³⁴ Там же. Л. 38.

³⁵ Там же.

²⁹ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 35.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

туризм?»³⁶. Подобные вопросы требовали от группы высокого уровня осведомленности и ответственности, поскольку затрагивали трехсторонние отношения между странами. Будучи не просто туристами, а, по сути, культурными представителями своей страны, советские молодые люди и студенты должны были хорошо подготовиться к дискуссиям и провокационным вопросам со стороны индийских студентов и журналистов.

По результатам бесед с индийской стороной руководитель советской группы, так же как и участники первой группы туристов, сделал вывод, что индийцы мало знают о Советском Союзе: в отчете сообщается, что индийцы имеют мало возможностей посмотреть советский фильм или прочитать книги³⁷. При этом в каждом городе туристы видели Информцентры США и Великобритании. Это, в свою очередь, демонстрировало высокий уровень заинтересованности этих стран в продвижении своего позитивного образа в Индии. Это притом, что в годы холодной войны велась активная борьба за умы и сердца людей по всему миру (Pedersen & Noack, 2019, p. 1). Однако тогда Советский Союз только начинал работать в направлении налаживания культурного и научного сотрудничества с Республикой Индия, поэтому неудивительно, что многие представители принимающей стороны не были осведомлены о жизни в СССР.

Следует отметить, что, согласно отчету, в то время советские туристы сталкивались с негативным отношением к себе со стороны правых групп³⁸, но в целом к ним относились «очень тепло и дружелюбно»³⁹, несмотря на сложное внутривосточное положение в Индии, связанное с законом о чрезвычайном

положении. Индийцы также были удовлетворены⁴⁰ позицией СССР в индокитайском конфликте⁴¹. При этом поддержка Индии советским правительством стала одним из факторов эскалации напряженности между Советским Союзом и Китаем в 1960-е гг.

Сложная внутривосточная ситуация, пограничный конфликт и недовольство некоторых правых групп советской стороной хотя и осложняли поездку советской молодежи в Индию, но в то же время позволили лучше познакомиться с текущей ситуацией в стране, а не только насладиться красотой индийской культуры.

Третья туристическая поездка

Следующая поездка состоялась в 1964 г. В ней приняли участие представители молодежи РСФСР (в том числе из Ленинграда), Украинской, Узбекской, Азербайджанской и Грузинской ССР⁴². Группу принимали вице-президент Индии Закир Хусейн, заместитель министра иностранных дел Динеш Сингх, губернаторы штатов Махараштра и Раджастан. Согласно отчету руководителя группы, они высоко отозвались о миролюбивой политике советского правительства, приветствовали позицию СССР по кашмирскому вопросу⁴³. Туристы снова смогли посетить различные учебные заведения страны: Бомбейский

⁴⁰ В отчете в качестве «исключения» приводится краткое содержание выступления министра здравоохранения штата Майсур д-ра Олвера на митинге с Бангалорским отделением общества индо-советской дружбы: «...Посвятил свою речь не столько задачам укрепления индо-советской дружбы, сколько... намекам, что “СССР мог бы не на словах, а на деле доказать свое дружеское отношение к Индии, не задерживая поставку обещанных МИГов”» (РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 39. Отчеты руководителей групп советских туристов о поездке в Бельгию, Голландию, Индию, Марокко, Нидерланды, Швейцарию. 1962–1964 гг.).

⁴¹ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 39. Отчеты руководителей групп советских туристов о поездке в Бельгию, Голландию, Индию, Марокко, Нидерланды, Швейцарию. 1962–1964 гг.

⁴² РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 202. Л. 1. Отчеты руководителей групп о поездке советской молодежи в Индию и на Кипр. 1964 г.

⁴³ Там же.

³⁶ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 38.

³⁷ Там же. Л. 39.

³⁸ Подробнее о политике и идеологии правых организаций в Индии см.: (Andersen & Damle, 1987; Sagar, 2019, pp. 229–253; Лунев, 2017, с. 37).

³⁹ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 160. Л. 39. Отчеты руководителей групп советских туристов о поездке в Бельгию, Голландию, Индию, Марокко, Нидерланды, Швейцарию. 1962–1964 гг.

и Делийский университеты, а также педагогический колледж и женскую среднюю школу в Джайпуре⁴⁴.

Руководитель группы позитивно оценил поездку молодежи в Индию: «Национальный состав, широкое географическое представительство, профессии членов группы неизменно вызывали повышенный интерес у индийцев, способствовали большому количеству вопросов о различных сторонах жизни советских людей. Повсюду задавались вопросы о возможностях развития национальных языков, культуры, Конституционном устройстве союзных республик, перспективах экономического развития в нашей стране. Вот, например, часть вопросов, заданных на встрече в Бомбейском университете: о работе университета им. П. Лумумбы, о свободе религии, развитии современного искусства, как сочетают студенты общественные нагрузки с учебной»⁴⁵. В свою очередь, члены группы активно рассказывали об успехах коммунистического строительства в СССР, о международной политике своей страны, советской помощи в развитии экономики Индии. Также они смогли встретиться с индийцами, работавшими на Бхилайском металлургическом комбинате и других предприятиях, строящихся с помощью Советского Союза⁴⁶. Рабочие делились своими впечатлениями о советских специалистах, совместном отдыхе и труде.

Индийская сторона также интересовалась у членов группы их работой, общественной деятельностью, культурным досугом молодежи, а также спрашивала, с какими трудностями сталкиваются выпускники учебных заведений в СССР. Третья советская группа туристов также не могла избежать вопросов, связанных с китайско-индийским конфликтом. В отчете о поездке приводится наиболее частый вопрос: «Как относятся советские люди к агрессивной позиции Китая в пограничном индо-китайском споре?»⁴⁷. В ходе

визита советские туристы смогли ознакомиться с многочисленными плакатами, брошюрами, журналами, которые вели пропаганду по укреплению обороноспособности страны.

При этом, как и в отчете предыдущей туристической группы, отмечалось, что в стране имеется много информационных центров Великобритании и США, в больших объемах печатается и продается западная литература⁴⁸. Отдельно обращалось внимание на усиление пропаганды по вопросам достижений в освоении космоса. В качестве примера ограниченности информированности о Советском Союзе даже среди студентов Индии приводится информация о том, что в библиотеке сельскохозяйственного колледжа в Аари (предместье Бомбея) единственной книгой о СССР была изданная в Соединенных Штатах книга «Россия», при этом доминируют американские специальные и общественно-политические журналы⁴⁹.

В отличие от Советского Союза западные страны имели больше возможностей продвигать свои идеи и устанавливать более прочные культурные и научные связи с Индией. Благодаря отчетам руководителей групп можно сделать следующий вывод: советская сторона признавала тот факт, что культурное влияние страны на Индию было еще слишком малым, что приводило к неосведомленности общей массы индийского населения о жизни в СССР и его политике.

У советской молодежи вызвала интерес также тематика диссертационных работ аспирантов Бомбейского университета, которые работали в области общественных наук. Так, в качестве примеров приводятся следующие темы: изучение различия конституций СССР и США, история развития политики от Ж.-Ж. Руссо до К. Маркса, механизм государственного управления, пути быстрого построения социализма в Индии без революции, ликвидация каст, влияние промышленного развития на развитие индийского общества и др.⁵⁰ Тематики диссертаций позволяют понять, что в индийской академической среде

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 202. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 2.

⁴⁶ Подробнее о помощи Советского Союза см.: (Pradhan, 2019; Engerman, 2018).

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 202. Л. 3. Отчеты руководителей групп о поездке советской молодежи в Индию и на Кипр. 1964 г.

⁴⁸ Там же. Л. 6.

⁴⁹ Там же. Л. 7.

⁵⁰ Там же. Л. 8.

уделялось внимание не только внутренним проблемам Индии, но и вопросам, так или иначе связанным с социализмом и Советским Союзом.

Руководитель третьей группы, как и его предшественники, также подчеркнул важность подбора участников делегации, необходимость их политической подготовки и постановки задач перед группой⁵¹. Благодаря информации о дискуссиях в учебных заведениях и на различных встречах становится очевидно, что делегации действительно столкнулись с непростой задачей придерживаться дипломатической линии СССР в своих ответах на вопросы, обдумывать свои слова и с пониманием относиться ко многим культурным особенностям посещаемой страны. Поскольку молодежные группы воспринимались не как туристы, а как культурные делегации, это накладывало на них дополнительные обязательства и требовало осведомленности об общей ситуации мире, о посещаемой стране и внешней политике собственного государства. В рассматриваемых отчетах также подчеркивалась важность знания английского языка для советской молодежи,

отправляющейся в Индию, а также всегда положительно отмечались члены группы, которые знали хинди и урду.

Заключение

Период хрущевской «оттепели» заложил основы отношений между СССР и Индией. Тогда же стало уделяться внимание и налаживанию контактов между студентами и молодежью различных стран. Сегодня, в XXI в., первый опыт работы «Спутника» также может пригодиться, поскольку Республика Индия становится одним из важных и приоритетных партнеров для Российской Федерации. Как когда-то перед первыми советскими молодежными делегациями, сейчас перед студентами нашей страны также стоит важная задача налаживать академические и культурные связи с Индией. В последние годы растет внимание к студенческим стажировкам и поездкам на конференции, а это, в свою очередь, требует от молодежи современной России дополнительной подготовки. Именно благодаря дискуссиям с индийскими студентами, встречам со своими коллегами они могут внести вклад в налаживание отношений между двумя странами, а также повысить престиж России в глазах индийцев.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 202. Л. 9.

Поступила в редакцию / Received: 28.08.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 09.12.2023
Принята к публикации / Accepted: 27.12.2023

Библиографический список

- Аманжолова Д. А., Машкова А. М. Молодежный туризм в СССР в годы «холодной войны»: исторический опыт «мягкой силы» // Человеческий капитал. 2016. № 4 (88). С. 111–113. EDN: VUYUOV
- Герасимова О. Г. К вопросу об участии Московского университета в подготовке и проведении Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2005. № 1. С. 35–64. EDN: QILHJD
- Горлов В. Н. Фестиваль молодежи в 1957 г. изменил СССР: первый прорыв «железного занавеса» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 87–97. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2021-1-87-97>
- Загородникова Т. Н., Кашин В. П., Шаумян Т. Л. Россия — Индия: от диалога к сотрудничеству и партнерству. Очерки российско-индийских отношений в XX — начале XXI в. Москва : ИВ РАН, 2020.
- Лунев С. И. Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2 (53). С. 24–51. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51>
- Можяева Л. А. Всемирные фестивали молодежи и студентов как фактор общественной дипломатии в борьбе за укрепление мира // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 13. С. 145–159. EDN: WMPENJ
- Путрик Ю. С. Туристическое бюро «Спутник»: роль в развитии международных молодежных обменов // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 6. С. 72–79. <http://dx.doi.org/10.17805/trudy.2018.6.7>

- Соколова Ю. И. Советско-индийский культурный обмен в 1954–1960 гг. на примере эстрады // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2 (52). С. 132–139. <http://doi.org/10.22281/2413-9912-2022-06-02-132-139>
- Цветков Э. Г. К 60-летию VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 г.: подготовка к фестивалю и новые сведения о делегатах из Африки // Африканский сборник–2017 / отв. ред. А. Ю. Желтов. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2017. С. 108–119.
- Andersen W. K., Damle Sh. D. The Brotherhood in Saffron: The Rashtriya Swayamsevak Sangh and Hindu Revivalism. New York : Avalon Publishing, 1987.
- Burns P. Tourism in Russia: Background and Structure // *Tourism Management*. 1998. Vol. 19, iss. 6. P. 555–565. [https://doi.org/10.1016/S0261-5177\(98\)00060-0](https://doi.org/10.1016/S0261-5177(98)00060-0)
- Engerman D. C. The Price of Aid: The Economic Cold War in India. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2018. <https://doi.org/10.2307/j.ctv24w64d1>
- Garver J. W. Protracted Contest: Sino-Indian Rivalry in the Twentieth Century. Seattle : University of Washington Press, 2002.
- Koivunen P. Friends, “Potential Friends,” and Enemies: Reimagining Soviet Relations to the First, Second, and Third Worlds at the Moscow 1957 Youth Festival // *Socialist Internationalism in the Cold War: Exploring the Second World* / ed. by P. Babiracki, A. Jersild. Cham : Palgrave Macmillan, 2016. P. 219–247. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32570-5_9
- Mastny V. The Soviet Union’s Partnership with India // *Journal of Cold War Studies*. 2010. Vol. 12, iss. 3. P. 50–90. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00006
- Orlov I. The Soviet Union Outgoing Tourism in 1955–1985: Volume, Geography, Organizational Forms // *National Research University Higher School of Economics. Basic Research Program. Working Papers. Series: Humanities*. 2014. P. 1–31. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/tgd3ph816q/121743403.pdf> (accessed: 15.11.2023).
- Pedersen S. B., Noack C. Crossing the Iron Curtain: An Introduction // *Tourism and Travel during the Cold War. Negotiating Tourist Experiences Across the Iron Curtain* / ed. by S. B. Pedersen, C. Noack. London : Routledge, 2019. P. 1–21. <https://doi.org/10.4324/9780429201127>
- Pradhan M. Role of Soviet Union in India’s Industrialization: A Comparative Assessment with the West // *International Journal of Research and Analytical Reviews*. 2019. Vol. 6, iss. 1. P. 243–248.
- Sagar R. Hindu Nationalists and the Cold War // *India and the Cold War* / ed. by M. Bhagavan. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2019. P. 229–254. <https://doi.org/10.5149/northcarolina/9781469651163.003.0011>
- Shkarubo S. N. The Development of Tourism in the USSR in 1960–1990 // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2022. No. 16 (18). P. 18–25. https://doi.org/10.52270/26585561_2022_16_18_18
- Stein A. India and the USSR: The Post-Nehru Period // *Asian Survey*. 1967. Vol. 7, no. 3. P. 165–175. <https://doi.org/10.2307/2642235>
- Thakur R. India and the Soviet Union: Conjunctions and Disjunctions of Interests // *Asian Survey*. 1991. Vol. 31, no. 9. P. 826–846. <https://doi.org/10.2307/2645298>
- The Sino-Indian War of 1962. *New Perspectives* / ed. by A. R. D. Gupta, L. M. Lüthi. London : Routledge India, 2019.
- Wishon J. Peace and Progress: Building Indo-Soviet Friendship // *Socialist Internationalism in the Cold War: Exploring the Second World* / ed. by P. Babiracki, A. Jersild. Cham Palgrave Macmillan, 2016. P. 251–272. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32570-5_10

Сведения об авторах:

Старикова Мария Николаевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 7438-0960; ORCID: 0000-0002-2704-2425; e-mail: m.starikova@inno.mgimo.ru

Курьев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3131-8642; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Черешнева Лариса Александровна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института истории, права и общественных наук, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского; ведущий научный сотрудник кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 6101-7447; ORCID: 0000-0002-1491-4968; e-mail: chara.62@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-92-106

EDN: FCHIMW

Научная статья / Research article

Особенности политики правительства Индии в сфере экспорта вооружений в контексте реформирования военно-промышленного комплекса

К.А. Лихачев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 likhachevkirill@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются основные направления и особенности политики правительства «Бхаратия джаната парти» (БДП) по стимулированию экспорта вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ) в контексте общей стратегии по реформированию индийского военно-промышленного комплекса (ВПК). В долгосрочной перспективе политика индийского правительства направлена на достижение «стратегической независимости» в оборонном секторе. В краткосрочной перспективе индийский экспорт вооружений выступает локомотивом программ «Сделай в Индии» и «Самодостаточная Индия», которые играют центральную роль в политической стратегии премьер-министра Нарендры Моди. Значительное увеличение экспортных планов индийского правительства частично обусловлено обострением пограничных противоречий с КНР с 2017 г. Экспорт ВВСТ становится важным инструментом по укреплению двусторонних связей Индии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в противовес Китаю. Тем не менее вхождение Индии в группу мировых лидеров по экспорту вооружений, как и полная «стратегическая независимость», труднодостижимы даже в долгосрочной перспективе. Несмотря на целый ряд системных реформ в ВПК, привлечение частного бизнеса и иностранного финансирования, развитию оборонной промышленности и экспорту индийских ВВСТ препятствует ряд факторов. Среди них недостаточное развитие производственного сектора, зависимость от иностранных технологий и слабое финансирование военно-технических разработок. В то же время политика поддержки оружейного экспорта и реформирования ВПК является устойчивой тенденцией в стратегии правительства БДП и в целом играет важную роль в реализации его краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных целей.

Ключевые слова: Бхаратия джаната парти, БДП, реформирование, внутренняя политика, внешняя политика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лихачев К.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Лихачев К. А. Особенности политики правительства Индии в сфере экспорта вооружений в контексте реформирования военно-промышленного комплекса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 92–106. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-92-106>

Key Aspects of India's Arms Export Policy amid Military-Industrial Complex Reform

Kirill A. Likhachev

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
likhachevkirill@gmail.com

Abstract. The study examines the key features and areas of the Bharatiya Janata Party (BJP) government's policy aimed at boosting the export of weapons, military and special equipment (WMSE) within the broader strategy of reforming the Indian military-industrial complex (MIC). The long-term goal of the Indian government is to achieve “strategic autonomy” in the defence sector. In the short term, Indian arms exports serve as the driving force behind the “Make in India” and “Self-reliant India” programmes — pivotal components of Prime Minister Modi's political agenda. The significant amplification factor for India's export ambitions has been conditioned in part by the escalating border tensions with China since 2017. The export of WMSE is emerging as a crucial tool to strengthen India's bilateral relations with countries in the Asia-Pacific region to counterbalance China. Nonetheless, to propel India into the group of the world's leading arms exporters, as well as to gain full “strategic independence,” may be hard to achieve even in the long run. Despite systemic reforms in the military-industrial complex, efforts to engage private businesses and attract foreign capital, a number of challenges impede the growth of the defence industry and the export potential of the Indian military-industrial complex. These include the inadequate development of India's manufacturing sector, dependency on foreign technologies, and insufficient funding for military-technical advancements. At the same time, the policy of supporting defence exports and reforming the MIC has been a stable trend in the strategy of the BJP government, playing a crucial role in the fulfillment of its short, medium and long term goals.

Key words: Bharatiya Janata Party, BJP, reforming, domestic policy, foreign policy

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Likhachev, K. A. (2024). Key aspects of India's arms export policy amid military-industrial complex reform. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 92–106. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-92-106>

Введение

Глобальная геополитическая турбулентность и обострение ряда региональных военных конфликтов в последние годы вывели «прохладную войну» в отношениях между США и Россией на уровень настоящей конфронтации (Khudoley, 2022). Это актуализирует вопрос о путях обеспечения национальной обороноспособности и стратегии развития военно-промышленного комплекса (ВПК) для многих стран. Индия, как один из ключевых игроков современной системы международных отношений, является ярким примером государства, уделяющего этому аспекту большое внимание. Политика реформирования индийского военно-промышленного

комплекса выступает важной частью общей парадигмы политики премьер-министра Нарендры Моди после прихода «Бхаратия джаната парти» (БДП) к власти в 2014 г. Особый акцент в этой политике сделан на снижении стратегической зависимости Индии от импорта иностранных вооружений и техники и скорейшем переходе к производству собственных вооружений и техники широкого спектра. Кроме того, военно-промышленный вектор развития коррелирует с общей стратегией Н. Моди по выводу Индии в авангард мировых держав и встраиванию в глобальные производственно-сбытовые цепочки. Открытость военно-промышленного сектора Индии для иностранных технологий и инвестиций

вкупе с активным привлечением представителей частного индийского бизнеса к участию в оборонно-промышленном производстве являются одними из главных составляющих этой политики.

Хотя стратегические цели каждого индийского правительства в 2000-х гг. также предусматривали снижение зависимости от импорта вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ), тогда Индия не проводила акцентированной экспортной политики. Открытие ВПК для частных фирм-производителей в 2001 г. стало важным шагом в реформировании отрасли. Принятый в 2002 г. основополагающий документ «Порядок оборонных закупок» наделял особым приоритетом в государственных закупках произведенную в Индии военную продукцию, обеспечивая государственную поддержку ряду военных производств¹. Тем не менее продукция индийских оборонных предприятий зачастую не могла на равных конкурировать с аналогичными видами вооружений и техники других стран и во многом не соответствовала требованиям индийских вооруженных сил. Показательно, что в 2001 г. Индия находилась на 40-м месте в списке 86 стран — экспортеров вооружений, а в 2011 г. оставалась 37-й в списке из 74 стран².

Стратегия пришедшего к власти в 2014 г. правительства БДП оказалась гораздо более последовательной и подстегнула развитие ВПК Индии и экспорта индийских вооружений и техники. Принятые меры привели к тому, что Индия продемонстрировала устойчивую тенденцию по снижению импорта ВВСТ: по сравнению с 2011–2015 гг. закупки иностранных вооружений Индией в 2016–2020 гг. сократились на 33 %³. В 2018 г.

правительство БДП обнародовало амбициозный план, согласно которому к 2025 г. Индия должна будет войти в пятерку мировых лидеров в сфере военной промышленности и в авиакосмической отрасли⁴.

Реализация этого плана сопровождалась активной государственной политикой по стимулированию экспорта индийских вооружений и техники. В 2020 г. Индия впервые попала в список 25 крупнейших экспортеров ВВСТ в мире (23-е место). По данным министра обороны Индии Р. Сингха, в 2016–2021 гг. рост индийского оборонного экспорта составил 334 %, а покупателями индийских вооружений и техники стали 75 стран мира⁵. Амбициозные планы индийского правительства заключались в увеличении общего производства ВВСТ на сумму в 25 млрд долл. США к 2025 г., в том числе получении экспортной выручки в 5 млрд долл. США⁶.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть основные направления и особенности политики правительства Индии по стимулированию и расширению национального экспорта ВВСТ, а также оценить промежуточные результаты и возможные перспективы данной политики. Следует оговориться, что рассмотрение политики по развитию экспорта ВВСТ невозможно в отрыве от ключевых изменений, происходящих в системе оборонного планирования и проводимых реформ военно-промышленного ком-

Says SIPRI // SIPRI. March 15, 2021. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2021/international-arms-transfers-level-after-years-sharp-growth-middle-eastern-arms-imports-grow-most> (accessed: 24.03.2023).

⁴ Defence Production Policy 2018 // Make in India. P. 4. URL: https://www.makeinindia.defence.gov.in/admin/writereaddata/upload/Draft_Defence_Production_Policy_2018.pdf (accessed: 24.03.2023).

⁵ Defence Exports Have Grown by 334% in Last Five Years, Says Rajnath // The Hindu. October 25, 2021. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/defence-exports-have-grown-by-334-in-last-five-years-says-rajnath/article37167195.ece> (accessed: 24.03.2023).

⁶ Aim to Achieve \$25 Billion in Defence Production and 5 Billion Exports by 2025: Rajnath Singh // The Times of India. February 5, 2021. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/80705233.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 24.03.2023).

¹ Defence Procurement Procedure. Capital Procurement // Ministry of Defence of India. 2008. P. 1. URL: <https://mod.gov.in/sites/default/files/DPP2008.pdf> (accessed: 05.04.2023).

² Chander S. India's Defence Exports. Status, Strategy and Solution // Manekshaw Paper. 2019. No. 83. P. 10. URL: <https://www.claws.in/static/India%E2%80%99s-Defence-Exports.pdf> (accessed: 05.04.2023).

³ International Arms Transfers Level Off After Years of Sharp Growth; Middle Eastern Arms Imports Grow Most,

плекса Индии в целом. Для достижения данной цели наиболее подходящим представляется структурно-функциональный метод, а также прикладной политический анализ в его теоретико-фундаментальном и инструментально-эмпирическом измерениях, в том числе ивент- и ретроспективный анализ.

Гипотеза исследования заключается в том, что политика поощрения экспорта ВВСТ в рамках общего реформирования индийского ВПК не только снижает зависимость Индии от импорта вооружений, но и укрепляет стратегические отношения со странами-покупателями в противовес растущему влиянию КНР в Южной и Юго-Восточной Азии (ЮВА). Кроме того, данная политика в значительной степени направлена на получение политических дивидендов, являясь одной из «витрин» политико-экономического курса реформ премьер-министра Н. Моди. Однако достижение «стратегической автономии», а тем более вывод Индии в авангард мировых стран — экспортеров вооружений с учетом фактических возможностей ВПК и производственной отрасли вызывает сомнения даже в долгосрочной перспективе.

Первый этап реформ и программа «Сделай в Индии»

После прихода БДП к власти в мае 2014 г. масштабная национальная программа «Сделай в Индии» стала своеобразным знаменем национального правительства и ассоциировалась лично с премьер-министром Н. Моди. Поощрение государством совместных проектов с иностранными производителями ставило основной целью перенос развитого промышленного производства на индийскую территорию. Одним из главных условий такой модели сотрудничества стало получение индийской стороной технологий производства, что, в свою очередь, повышало как инвестиционную привлекательность промышленного сектора Индии, так и уровень производства в оборонной промышленности (Behera, 2016; Desouza, 2016, pp. 34–35). Программа «Сделай в Индии» была направлена и на военно-промышленный комплекс страны как на одну из важнейших составляющих

ее производственного сектора (Cowshish, 2016, pp. 8–9).

Приступая к реформированию ВПК, новые власти Индии сделали особый акцент на стимулировании экспорта ВВСТ. В сентябре 2014 г. был создан *Координационный комитет оборонного экспорта* (ККОЭ), который объединил основные профильные организации Индии, в том числе национальные вооруженные силы и *Организацию оборонных исследований и разработок* (ООИР). ККОЭ был создан для координации государственных органов и предприятий с целью скорейшего решения возникающих сложностей, связанных с экспортом индийских вооружений и военной техники⁷. Кроме того, типовой порядок действий для получения лицензии на экспорт ВВСТ из Индии был значительно упрощен как для государственных, так и частных производителей с целью их большего привлечения.

В 2015 г. индийские власти впервые рекомендовали индийским оборонным предприятиям государственного сектора нарастить экспорт своей продукции до 10 % от общего ежегодного объема производства⁸. Подобное вовлечение индийских производителей в высококонкурентную среду на международной арене было призвано повысить качество индийских вооружений и технологический уровень производственных линий. Это считалось необходимой ступенью на пути к созданию более широкой производственной базы и подготовке ВПК к полному циклу производства ВВСТ конкурентного уровня: от разработки до непосредственной реализации на международном рынке.

В 2016 г. Министерство обороны опубликовало обновленную версию «Порядка оборонных закупок», определяющих государственную

⁷ Chander S. India's Defence Exports. Status, Strategy and Solution // Manekshaw Paper. 2019. No. 83. P. 17, 22. URL: <https://www.claws.in/static/India%E2%80%99s-Defence-Exports.pdf> (accessed: 05.04.2023).

⁸ Kaura P. MSMEs Can Boost India's Defence Exports with Policy Support // The Economic Times. February 4, 2017. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/small-biz/sme-sector/msmes-can-boost-indias-defence-exports-with-policy-support/articleshow/56967358.cms> (accessed: 05.04.2023).

стратегию планирования и развития военно-промышленного сектора Индии в предыдущие годы (Ganapathi, 2016, pp. 7–9). В рамках этого документа предусматривалось значительно более широкое участие индийских частных малых и микропроизводителей в развитии оборонной индустрии⁹. Этот аспект индийские эксперты часто называют одним из важнейших для реформирования всей отрасли ВПК (Kaushik, 2017, pp. 41–44). Особая роль отводилась возможности совместных проектов с иностранными производителями, готовыми инвестировать в развитие производства на территории Индии с получением технологий производства в рамках «офсетной политики» по трансферу технологий (Chhibber, 2018, p. 39).

Фактор индийско-китайских противоречий

Следует отметить, что государственная стратегия модернизации Вооруженных Сил (ВС) и ВПК в Индии не могла не испытывать влияния внешних факторов. Очевидным для Нью-Дели становился растущий антагонизм с Пекином. На фоне усиливающейся конкуренции за влияние в государствах акватории Индийского океана обострялись замороженные территориальные противоречия (Cowshish, 2014a, p. 5; Pakanati, 2019). Вытесняя Индию с традиционных рынков сбыта в Южной Азии, Китай цементировал отношения со стратегическим противником Индии — Пакистаном (Chakravorty, 2022, pp. 19–22).

Геоэкономическая экспансия Китая в Южной, Центральной и Юго-Восточной Азии сопровождалась ужесточением внешнеполитической риторики китайских властей. На фоне сохранения модели «партнерство — соперничество» в отношениях с Индией масштабная реформа китайских вооруженных сил в 2015 г. оценивалась как угроза национальным интересам Индии и ее суверенитету в спорных районах Линии фактического кон-

троля (ЛФК). При этом общий уровень трат на модернизацию индийской армии был традиционно мал по сравнению с Национально-освободительной армией Китая (НОАК) (Cowshish, 2014b, p. 9). Противостояние индийских и китайских войск на плато Доклам летом 2017 г., по всей видимости, было воспринято в Нью-Дели как проверка Пекином индийской реакции на попытку изменения статус-кво в спорных участках ЛФК. В связи с этим стратегическая важность скорейшего реформирования ВПК и усиления ВС Индии становилась все более очевидной.

Второй этап реформ и рост экспортных амбиций

С 2018 г. правительство БДП перешло к более активной политике по развитию ВПК и провело целый ряд реформ, усиливающих слаженность видов вооруженных сил и их командования (Choudhary, 2022, p. 34; The Routledge Handbook..., 2020, pp. 6–7). Одним из главных нововведений стало создание *Комитета оборонного планирования* (КОП), который является очень важным институциональным звеном в структуре Министерства обороны, определяющим характер развития индийского ВПК. КОП объединил в одной организации руководителей ключевых учреждений, ответственных за оборонное планирование в Индии (Behera, 2021a, pp. 23–24).

Знаковой инициативой стало также создание военно-промышленных коридоров в штатах Уттар-Прадеш и Тамил-Наду. Коридоры были призваны способствовать улучшению производственных возможностей, логистики и взаимодействия между государственными и частными предприятиями, задействованными в сфере военного производства. Кроме того, значительно повысились требования к экспортным показателям: экспортный план 2017 г. повышался более чем в два раза (Suman, 2021, pp. 89–95, 135–139). В 2018 г. в «Проекте политики в сфере оборонного производства» впервые была обозначена сумма в 350 млрд рупий (на тот момент эквивалентно приблизительно 5 млрд долл. США) как

⁹ The Defence Procurement Procedure 2016. Capital Procurement // Ministry of Defence of India. 2016. URL: https://www.mod.gov.in/sites/default/files/dppm.pdf_0.pdf (accessed: 05.04.2023).

целевой показатель для экспорта индийских ВВСТ к 2025 г.¹⁰

Для реализации этих очень амбициозных планов правительство БДП предприняло ряд важных шагов.

Во-первых, значительно упростились правила лицензирования для привлечения частных фирм-производителей, ранее не занимавшихся производством ВВСТ. Около 60 % наименований продукции различного типа (в основном компонентов), производимой для военных нужд, теперь было разрешено выпускать без лицензии¹¹. В экспорте вооружений частные компании в Индии вышли на передний план: в 2019–2020 гг. более 85 % всех экспортных лицензий получили именно частные индийские производители¹².

Во-вторых, правительство в соответствии с рекомендациями ключевых аналитических центров и профильных организаций Индии разрешило ООИР передавать полученные иностранные военные технологии частным индийским фирмам, непосредственно задействованным в производстве ВВСТ¹³. Предусматривалось, что в перспективе это позволит ООИР сосредоточиться на развитии новых технологий и создании прототипов, в то время как реальный производственный сектор сможет получать готовые решения для скорейшего развертывания производства качественной продукции для внутреннего и внешнего потребителя (Behera, 2021b).

В-третьих, интенсификация экспорта обусловила создание в 2019 г. нового структурного Подразделения по продвижению

экспорта в составе Управления оборонного производства Индии¹⁴.

После безоговорочной победы на всеобщих парламентских выборах 2019 г. новое правительство Н. Моди приступило к перебалансировке управленческих структур в Министерстве обороны. В 2020 г. была введена должность Начальника штаба обороны (НШО), а также в структуре Министерства обороны Индии было создано Управление по военным вопросам. Эти шаги способствовали значительному усилению роли военных кругов в принятии стратегических решений, связанных с укреплением межведомственного взаимодействия и реформированием системы оборонного планирования. Военные элиты получили решающий голос в рекомендациях правительству при формулировании военной дипломатии в отношениях со странами, развивающими военно-техническое сотрудничество с Индией. Проведенные радикально меняли устоявшуюся в предыдущие десятилетия практику. С 1950-х гг. органы управления Министерства обороны возглавляли только гражданские лица, чтобы у правительства сохранялась возможность предотвратить возможный военный переворот. Обратной стороной как раз становилась сложность при проведении структурных реформ в управлении вооруженными силами и военно-промышленным комплексом (Singh, 2016, pp. 30–31).

«Самодостаточная Индия» и «Порядок оборонного заказа»

В своем ежегодном послании нации 12 мая 2020 г. премьер-министр Н. Моди объявил о старте программы государственной поддержки ключевых секторов национальной экономики в рамках политики «Самодостаточной Индии»¹⁵. В рамках этой общендийской

¹⁰ Draft Defence Production Policy 2018 // Ministry of Defence of India. 2018. P. 4. URL: <https://www.ddpmod.gov.in/sites/default/files/Draft%20Defence%20Production%20Policy%202018%20-%20for%20website.pdf> (accessed: 05.04.2023).

¹¹ Chander S. India's Defence Exports. Status, Strategy and Solution // Manekshaw Paper. 2019. No. 83. P. 17. URL: <https://www.claws.in/static/India%E2%80%99s-Defence-Exports.pdf> (accessed: 05.04.2023).

¹² Rajiv S. S. C. Promoting Defence Exports // IDSA. March 31, 2021. URL: <https://idsa.in/idsacomments/promoting-defence-exports-sscrajiv-310321> (accessed: 05.04.2023).

¹³ Chander S. India's Defence Exports. Status, Strategy and Solution // Manekshaw Paper. 2019. No. 83. P. 18. URL: <https://www.claws.in/static/India%E2%80%99s-Defence-Exports.pdf> (accessed: 05.04.2023).

¹⁴ Rajiv S. S. C. Promoting Defence Exports // IDSA. March 31, 2021. URL: <https://idsa.in/idsacomments/promoting-defence-exports-sscrajiv-310321> (accessed: 05.04.2023).

¹⁵ PM's Address to the Nation on 12.5.2020 // PM India. May 15, 2020. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pms-address-to-the-nation-on-12-5-2020/ (accessed: 05.04.2023).

программы развития экономики и промышленности была также расширена стратегия по развитию военного производства: предусматривалось, что в ближайшие годы индийские предприятия будут обязаны производить не менее 75 % от всех закупаемых для нужд ВС Индии вооружений, военной и специальной техники. Политику достижения «самодостаточности» подстегнул новый виток индийско-китайских пограничных противоречий, когда в июне 2020 г. в ходе пограничного инцидента в долине реки Гальван в Ладакхе погибло 20 индийских военнослужащих. Охлаждение индийско-китайских отношений сопровождалось наращиванием численности индийского воинского контингента в западном секторе ЛФК. Ужесточение китайской позиции в вопросе спорных границ на ЛФК рассматривалось в индийских политических и экспертных кругах как одно из проявлений стратегии КНР по сдерживанию растущих амбиций Индии в рамках региона Южной Азии (Singh, 2020, pp. 4–5; Kalyani, 2021, pp. 149–155; Sharma, 2021, pp. 14–16).

На этом фоне в сентябре 2020 г. Министерство обороны Индии опубликовало «Порядок оборонного заказа» (ПОЗ), пришедший на смену «Порядку оборонных закупок». Оба документа объединяет усиленный акцент на «принудительную индигенизацию» оборонного производства и совершенствование системы планирования государственных военных закупок. Однако последняя версия закона содержит существенные нововведения. В первую очередь, были увеличены предельные нормы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в индийские фирмы военно-промышленного комплекса. Получение лицензии на производство ВВСТ стало автоматическим, если иностранные инвестиции в капитале компании-производителя составляют менее 74 %. Разрешение индийского правительства потребуется, только если этот лимит превышен. При этом в случае передачи индийской стороне полной технологии производства или по другим аналогичным причинам уровень ПИИ может достигать

100 %¹⁶. Очевидно, что такая открытость индийского ВПК для иностранных инвестиций направлена не только на активное привлечение иностранного капитала, но и на адаптацию иностранных технологий для индийской военной промышленности с целью ее качественного развития.

Реформирование государственных оборонных предприятий и протекционистские меры

Следующим знаковым документом Министерства обороны Индии стал «Предварительный план развития оборонного производства и содействия экспорту», в рамках которого особое внимание уделяется стимуляции экспорта девяти крупнейших государственных оборонных предприятий, имеющих особый статус «оборонных предприятий государственного сектора» (ОПГС)¹⁷. В 2021 г. в рамках этого плана произошла реструктуризация одной из старейших государственных организаций ВПК, давно критикуемой экспертами за низкую эффективность производства и высокую бюрократизацию. На основе объединявшего 41 завод Совета заводов по производству боеприпасов было создано семь новых ОПГС¹⁸. Главной целью стало снижение высоких издержек производства, повышение уровня качества продукции и сокращение задержек поставок готовой продукции в ВС Индии.

С целью реализации политики «самодостаточности» Министерство обороны Индии с 2021 г. начало последовательно вводить «негативные списки» ВВСТ, которые

¹⁶ Defence Acquisition Procedure 2020 // Ministry of Defence of India. 2020. URL: https://www.mod.gov.in/sites/default/files/DAP2030new_0.pdf (accessed: 05.04.2023).

¹⁷ Government Formulates Draft Defence Production and Export Promotion Policy 2020 // IAS Google. August 4, 2020. URL: https://iasgoogle.com/current_affair/news-information-bureau-4th-august-2020 (accessed: 05.04.2023).

¹⁸ Seven New Defence Companies, Carved Out of OFB, Dedicated to the Nation on the Occasion of Vijayadashami // Press Information Bureau of Government of India. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1764148> (accessed: 05.04.2023).

подразумевали эмбарго на импорт иностранных составных частей и деталей, применяемых для производства оружия и военной техники. В 2021–2022 гг. было опубликовано несколько списков «позитивной индигенизации», содержащих на сегодняшний день более 2 500 наименований военной продукции, предметов, материалов и 351 наименование «импортируемой продукции большой ценности», доступных для закупки только у индийских производителей¹⁹.

Введение подобного эмбарго очевидно направлено на поддержку индийских производителей, выпускающих полные или близкие аналоги запрещенной к импорту военной продукции. Предполагается, что необходимость закупать только индийские версии многих типов вооружений для ВС Индии позволит отечественным фирмам-производителям не только нарастить объемы продаж своей продукции внутри страны, но и будет способствовать выходу на международные рынки в перспективе. Вместе с тем А. Коушиш считает, что большинство наименований в этих списках, особенно в уточняющем дополнительном списке деталей и расходных материалов, опубликованном в августе 2022 г., являются «низкотехнологичными и легко индигенизируемыми»²⁰. В то же время такой подход к формированию списков облегчает задачу индийского Министерства обороны отчитываться о растущем проценте индигенизации закупок ВВСТ.

Значение совместных проектов в сфере военно-технического сотрудничества

На этом фоне следует кратко охарактеризовать степень кооперации индийских производителей с компаниями из стран, имеющих развитые отношения с Индией в сфере

военно-технического сотрудничества (ВТС). В 2021 г. в Индии насчитывалось 44 совместных производства в сфере оборонной промышленности²¹. Наиболее тесные взаимосвязи в этой сфере Индия поддерживает с Россией, которая остается единственным партнером, готовым к трансферу технологий и предлагающим новейшие типы вооружений и техники по приемлемым ценам (Likhachev, 2018, pp. 67–71).

Наиболее известной совместной военно-технической разработкой является индийско-российский проект сверхзвуковой противокорабельной крылатой ракеты (ПКР) *BrahMos*, которая считается сбалансированной и универсальной системой, привлекающей внимание различных мировых стран — импортеров вооружений. В 2020 г. Россия согласилась на вывод Индией *BrahMos* на международный рынок для продажи третьим странам. Безусловно, экспортные перспективы данной ПКР могут быть затруднены риском применения американских санкций (*Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, CAATSA*), направленных против экспорта российских вооружений. Однако возможные санкции в отношении третьих стран, заинтересованных в приобретении *BrahMos*, не мешают индийской компании *BrahMos Aerospace* нацелиться на получение заказов на сумму в 5 млрд долл. США к 2025 г. Помимо Филиппин, подписавших в 2022 г. контракт на 375 млн долл. США, приоритетными покупателями ПКР производитель называет Индонезию, Малайзию и Вьетнам²².

При этом традиционное стремление Индии избегать излишней зависимости в стратегически важных для себя сферах предусматривает разнонаправленное расширение ВТС. В последние годы стремительно

¹⁹ Lok Sabha Unstarred Question No. 3821 to be Answered on 25th March 2022 // Parliament of India. URL: <https://sansad.in/getFile/loksabhaquestions/annex/178/AU3821.pdf?source=pqals> (accessed: 05.04.2023).

²⁰ Cowshish A. Positive Indigenisation Lists and the Truth About India's Self-Reliance in Defence Equipment // *The Wire*. August 31, 2022. URL: <https://thewire.in/government/positive-indigenisation-lists-india-self-reliance-defence-equipment-truth> (accessed: 05.04.2023).

²¹ Grevatt J. India Confirms 44 Defence Joint Ventures // *Janes*. March 11, 2021. URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/india-confirms-44-defence-joint-ventures> (accessed: 05.04.2023).

²² India — Russia Joint Venture Hopes for \$5 Bln in Supersonic Missile Exports by 2025 // *Reuters*. October 18, 2022. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/india-russia-joint-venture-hopes-5-bln-supersonic-missile-exports-by-2025-2022-10-18/> (accessed: 05.04.2023).

развивается индийско-американское и индийско-французское взаимодействие. Знаковыми стали результаты официального визита Н. Моды в США и Францию летом 2023 г. И Вашингтон, и Париж демонстрируют повышенный интерес к совместным разработкам в сфере ВТС, передаче ряда новейших технологий и переносу производства ВВСТ на территорию Индии²³. Следует также отметить усиление в 2021–2023 гг. индийско-израильского сотрудничества по совместной разработке и производству беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

Кроме того, Индия рассматривает перспективы совместной разработки вооружений с Южной Кореей, Сингапуром и рядом других стран. Хотя результаты развития совместных проектов и станут понятны только в среднесрочной перспективе, в 2023 г. стал очевиден крен Нью-Дели в сторону более тесного сотрудничества с производителями вооружений из стран Запада.

Экономические инструменты содействия экспорту

Немаловажным фактором в политике поддержки экспорта является кредитование контрактов на закупку индийских ВВСТ. Подобная схема позволяет привлекать к сотрудничеству с индийскими производителями целый ряд стран, имеющих относительно слабые финансовые возможности, но стремящихся перевооружить национальные ВС относительно современными вооружениями. Кредитованием подобных сделок занимается Экспортно-импортный банк Индии (*EXIM Bank*), который является главной государственной структурой, отвечающей за сопровождение операций экспорта и импорта в Индии. Например, в 2019 г. *EXIM Bank* открыл кредитную линию в 500 млн долл. США, предназначенную для экспорта

²³ Another Jet Engine Powers PM Narendra Modi's France Visit After GE Deal in the US // The Economic Times. July 13, 2023. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/another-jet-engine-powers-pm-narendra-modis-france-visit-after-ge-deal-in-the-us/articleshow/101726966.cms?from=mdr> (accessed: 20.07.2023).

различных индийских ВВСТ в Республику Бангладеш²⁴. К 2021 г. *EXIM Bank* выдал кредиты на сумму более 900 млн долл. США²⁵.

Открытие кредитных линий для продажи индийских ВВСТ странам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) является одним из важных элементов стратегии Нью-Дели по расширению экспорта своей продукции на международных рынках. Кредитование сделок особенно заметно в военнотехническом сотрудничестве Индии со странами Юго-Восточной Азии. Такой подход следует рассматривать как очевидное проявление военно-дипломатической стратегии Индии, которая за счет продажи своих ВВСТ укрепляет свое стратегическое присутствие в этом регионе (Ram, 2018, pp. 59–62, 64–67).

Экспорт ВВСТ как внешнеполитический механизм

Продажа вооружений и военной техники является действенным способом укрепления отношений Нью-Дели с региональными государствами Южной и Юго-Восточной Азии. На фоне усиления индийско-китайского антагонизма этот аспект будет играть все более важную роль в конфигурации отношений Индии со странами АТР, включая Вьетнам, Бангладеш, Шри-Ланку, Индонезию, Малайзию, а также страны Ближнего Востока. Примечательно, что в октябре 2020 г. Индия в качестве жеста по укреплению стратегического характера отношений подарила Мьянме дизель-электрическую подводную лодку *INS Sindhuvir* (модернизированная советская подводная лодка проекта 877 «Палтус»). Целью данного шага во многом была демонстрация преимуществ индийской подводной лодки по

²⁴ Bangladesh to Import Defence Items from India under \$500-Million LoC // The Economic Times. December 16, 2021. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/bangladesh-to-import-defence-items-from-india-under-500-million-loc/articleshow/88318484.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 05.04.2023).

²⁵ Rajiv S. S. C. Promoting Defence Exports // IDSA. March 31, 2021. URL: <https://idsa.in/idsacomments/promoting-defence-exports-sscrajiv-310321> (accessed: 05.04.2023).

сравнению с аналогами, предлагаемыми для продажи Китаем²⁶.

Усиление дипломатической составляющей посредством продажи вооружений, совместных учений и укрепления двусторонних отношений в регионе Индийского океана активизировалось после столкновений с КНР в Ладакхе в 2020 г. (Thomas, 2020, pp. 10, 23). Индийские эксперты отмечают, что с 2021 г. Нью-Дели целенаправленно наращивает экспорт ВВСТ в страны ЮВА, позиционируя себя в качестве «альтернативы Китаю» и более «надежного партнера в сфере обеспечения безопасности»²⁷ в рамках внешнеполитических стратегий Нью-Дели «Соседи в приоритете» и «Действуй на Востоке» (Ranade, 2022, pp. 63–64).

Актуальное состояние и основные рынки сбыта

Рассмотренные инициативы правительства «Бхаратия джаната парти», безусловно, создают впечатление эффективной и последовательной стратегии на пути к достижению высоких позиций в мировом производстве и экспорте вооружений и техники. Рост экспорта ВВСТ становится прямым следствием общего реформирования ВПК и государственного регулирования в этой сфере. Стратегия «стратегической автономии» нацелена на то, чтобы индийские предприятия в ближайшие годы поставляли не менее 75 % всех закупаемых для нужд ВС Индии вооружений, военной и специальной техники.

С одной стороны, показатели уровня закупок вооружений и техники у индийских производителей выросли с 58 % в 2021–2022 фин. году²⁸ до 68 % в 2022–2023 фин.

году²⁹. Однако при этом большинство самых технологически сложных и передовых видов вооружений и техники, включая самолеты, танки, подводные лодки, новейшие ракетные комплексы противовоздушной обороны (ПВО) и т. д., Индия импортирует. Хотя страна методично повышает уровень локализации и стремится переносить лицензионное производство или сборку на свою территорию, тем не менее она не может радикально сократить импорт новейших ВВСТ без того, чтобы не ослабить этим свою национальную безопасность.

С другой стороны, уровень собственного производства в Индии растет. Важным индикатором является подписание в 2021 г. контракта на поставку 83 индийских истребителей *Tejas Mk.1A* для нужд ВВС Индии³⁰, которые традиционно выдвигают высокие требования для закупок подобных вооружений. Ожидаемые в 2024 г. серийные поставки данной модернизированной модели смогут придать новый импульс продвижению на международных рынках этого легкого индийского истребителя. Кроме того, следует отметить международный интерес к ПКР *BrahMos* и зенитно-ракетному комплексу (ЗРК) *Akash*, переговоры о поставках которых в ряд стран находятся на финальной стадии.

Приведенные примеры показывают, что Индия переходит на новый уровень своих возможностей и предлагает все больше высококонкурентных типов вооружений и техники. Особым направлением индийского экспорта является создание собственных учебно-тренировочных компьютерных программ и боевых симуляций для развитых в военно-техническом плане держав (в особенности США). В списке наиболее крупных

²⁶ Chander S. India's Defence Exports. Status, Strategy and Solution // Manekshaw Paper. 2019. No. 83. P. 12–13. URL: <https://www.claws.in/static/India%E2%80%99s-Defence-Exports.pdf> (accessed: 05.04.2023).

²⁷ Basu N., Philip Sh. A. Buy Weapons from Us, India Says as It Pushes Exports to Compete with China in Neighborhood // The Print. March 16, 2021. URL: <https://theprint.in/defence/buy-weapons-from-us-india-says-as-it-pushes-exports-to-compete-with-china-in-neighborhood/622216/> (accessed: 05.04.2023).

²⁸ Финансовый год в Индии начинается 1 апреля.

²⁹ Record 75 Per Cent of Defence Capital Procurement Budget Earmarked for Domestic Industry in FY 2023–24, Announces Raksha Mantri at 14th Aero India // Press Information Bureau of Government of India. February 15, 2023. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1899388> (accessed: 05.04.2023).

³⁰ Make-in-India Mega Deal: 83 Tejas Fighters Cleared for Air Force // The Indian Express. January 14, 2021. URL: <https://indianexpress.com/article/india/make-in-india-mega-deal-83-tejas-fighters-cleared-for-air-force-7145472/> (accessed: 05.04.2023).

импортеров находятся страны Ближнего Востока и Северной Африки (Египет, Саудовская Аравия, Израиль, Ирак и Алжир), а также несколько крупнейших стран Запада (США, Австралия и Южная Корея). Стратегически важными рынками сбыта индийских ВВСТ являются такие страны АТР, как Вьетнам, Индонезия и Бангладеш, куда Индия продает различные типы военно-морских вооружений. При этом крупнейшими покупателями индийской военной продукции в последние годы остаются Мьянма (50 %), Шри-Ланка (25 %) и Армения (11 %) ³¹.

Зависимость от иностранных технологий и недостаточная поддержка НИОКР

Несмотря на очевидные успехи индийского экспорта ВВСТ, следует подчеркнуть, что в основе своей он включает устаревшие модели иностранных вооружений, технологии по производству которых были переданы Индии. В этом ряду можно перечислить всевозможные наименования, начиная от авиатехники или артиллерии и заканчивая стрелковым вооружением или предметами амуниции. Такие модели модернизируются индийской стороной в соответствии с современными потребностями. После этого «индифицированные» виды вооружений и техники выводятся на международный рынок уже в качестве индийской разработки. Однако решающих конкурентных преимуществ помимо цены у таких моделей вооружений обычно меньше, чем у передовых западных или российских разработок.

На этом фоне следует выделить очевидный системный фактор, который затрудняет развитие индийского ВПК — общую зависимость от иностранных технологий и компонентов в производстве ВВСТ. Например, в первой половине 2010-х гг. у двух ведущих

ОПГС *Hindustan Aeronautics Limited (HAL)* и *Mazagon Dock Shipbuilders Limited* ежегодная зависимость от импортируемых узловых частей, компонентов и материалов составляла в среднем 90 и 67 % соответственно (Behara, 2016, p. 44). Даже с учетом «позитивной индигенизации» вывести отдельные наименования наиболее приоритетных типов вооружений на высокую степень импортозамещения очень сложно.

В этом же ключе можно рассматривать общий характер сферы совместных разработок вооружений, где сохраняется большая зависимость от иностранных партнеров. В частности, следует выделить контрактные ограничения по передаче технологий и компонентов для производства, запреты на копирование лицензионных технологий и особые условия предоставления инвестиций для подобных совместных проектов (Desouza, 2017, pp. 74–78). Все это значительно затрудняет достижение «стратегической автономии» Индии и экспортные перспективы совместных проектов по производству ВВСТ.

Реализация амбициозных экспортных целей напрямую зависит от успехов реформирования ВПК и затрудняется недостатком собственных научно-технических и опытно-конструкторских разработок в военной сфере. Одной из очевидных причин является слабое государственное финансирование данного направления в оборонной промышленности Индии. Учитывая гораздо больший объем китайского и американского оборонных бюджетов, важно понимать, что на новые разработки в КНР в среднем выделяется 20 % от общих трат на военно-промышленный комплекс, а в США — 12 % ³². В 2018–2022 гг. на НИОКР Индия тратила в среднем 4,3 %, что совершенно недостаточно, особенно

³¹ Bikhchandani R. India 3rd Largest Military Spender, 50% Defence Exports Go to Myanmar, Shows Data from SIPRI // The Print. April 26, 2022. URL: <https://theprint.in/defence/india-3rd-largest-military-spender-50-defence-exports-go-to-myanmar-shows-data-from-sipri/930570/> (accessed: 05.04.2023).

³² Bhalla A. India Spending Less than 1% of Defence Budget on Research: Parliament Panel Raises Alarm // India Today. March 16, 2022. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/india-spending-less-than-one-per-cent-of-defence-budget-on-research-parliament-panel-raises-alarm-1926233-2022-03-16> (accessed: 05.04.2023).

в контексте повышения расходов Индии на ВС и ВМФ в 2022–2023 фин. году³³.

Очевидно, что индийское правительство решило изменить свое отношение к этой застарелой проблеме. В оборонном бюджете на 2023–2024 фин. год предусмотрено повышение общих трат на модернизацию ВС и разработку ВВСТ до 29 % от общего бюджета, а финансирование НИОКР таким образом увеличивается до 7,2 %³⁴. Вместе с тем следует учитывать относительно невысокие показатели оригинальных и перспективных проектов ООИР в предшествующие годы (The Routledge Handbook..., 2020, p. 221). Критика этой организации традиционно связана со скоростью новых разработок, итовыми характеристиками новой продукции и значительным перерасходом средств.

Во многом поэтому Индия нацелена на привлечение частного бизнеса в сферу военно-технических разработок. Примечательной инициативой индийского правительства в 2022 г. стало поощрение военно-технологических «стартапов» частного сектора. В рамках программы «Иноваций для оборонного превосходства» (*iDEX*) правительство Индии намерено выделить в 2022–2026 гг. около 70 млн долл. США для поощрения 300 заявок на военно-технические разработки, проводимые малыми частными предприятиями, гражданскими изобретателями, научно-исследовательскими центрами и вузами³⁵. Содействовать реализации данной инициативы призвана Организация оборонных инноваций (ООИ), которая была создана

в 2018 г. с целью повышения взаимосвязи государственных и частных производителей и вовлеченности малых частных оборонных предприятий (Murti, 2020, p. 51). Министерство обороны Индии планирует выделять 25 % от всех трат на опытно-конструкторские и военно-технические исследования в пользу подобных стартапов³⁶. Тем не менее упомянутые меры смогут показать ощутимые результаты не ранее чем через 5–7 лет, а скорее в перспективе, превышающей ближайшее десятилетие.

Дисбаланс доли экспорта ОПГС и частных производителей

В 2021 г. после реструктуризации индийские ОПГС получили задание правительства нарастить к 2025 г. выручку от экспорта ВВСТ до 25 % от продаж³⁷. Чтобы лучше понимать сложность задачи, стоящей перед ОПГС, можно привести итоги за 2019–2020 фин. год, когда доля их экспортных продаж совокупно составляла лишь 2 % от полученных доходов. Столь слабые экспортные показатели усугубляются очевидным дисбалансом: за указанный период индийские ОПГС совокупно экспортировали менее 10 % от общего объема индийских ВВСТ, а больше 90 % экспорта пришлось на продукцию индийских частных предприятий. При этом более 95 % от всего экспорта вооружений и специальной техники, произведенной ОПГС Индии, пришлось на продукцию лидеров отрасли — компаний *Hindustan Aeronautics Limited* и *Bharat Electronics Limited (BEL)*³⁸.

³³ Bali P. Parliament Body Seeks More Funds for DRDO // Deccan Chronicle. April 9, 2023. URL: <https://www.deccanchronicle.com/nation/in-other-news/100423/parliament-body-seeks-more-funds-for-drdo.html> (accessed: 20.04.2023).

³⁴ Defence Gets Rs 5.94 Lakh Crore in Budget 2023–24, a Jump of 13% Over Previous Year // Press Information Bureau of Government of India. February 1, 2023. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1895472> (accessed: 20.04.2023).

³⁵ Roy R. In Push to Reduce Imports, India Embraces Private Defense Startups // The Wall Street Journal. January 5, 2023. URL: <https://www.wsj.com/articles/in-push-to-reduce-imports-india-embraces-private-defense-startups-11672928368> (accessed: 05.04.2023).

³⁶ Budget 2022 Gives Boost to Domestic Defence Industry, 25% R&D Budget Earmarked for Indian Companies // India Today. February 1, 2022. URL: <https://www.indiatoday.in/business/budget-2022/story/boost-domestic-defence-industry-research-development-indian-companies-1907277-2022-02-01> (accessed: 05.04.2023).

³⁷ Draft of Defence Production and Export Promotion Policy // Department of Defence Production, Ministry of Defence of India. 2020. P. 17. URL: <https://www.ddpmod.gov.in/sites/default/files/pdfupload/DraftDPEPP.pdf> (accessed: 05.04.2023).

³⁸ Defence Exports: Untapped Potential // KPMG. June 2020. P. 11. URL: <https://aidat.in/wp-content/uploads/>

Учитывая крайне малую долю экспортной выручки от всех остальных ОПГС, даже при выполнении поставленных задач к 2025 г. их совокупный вклад в общий индийский экспорт ВВСТ останется совсем незначительным.

«Ловушка малой продуктивности» и политическая конъюнктура

Другой немаловажной особенностью является влияние политической конъюнктуры на политику правительства БДП в военно-промышленном секторе. Дело в том, что на фоне стабильно высокого роста ВВП (более 7 % ежегодно) доля производства в ВВП Индии за последние 14 лет имеет общую тенденцию к снижению и находится на более низком уровне, чем в начале 2000-х гг.³⁹ В целом невысокий вклад производства в ВВП сохраняется с 1960-х гг. и связан с «ловушкой малой продуктивности» в производстве. Используемые же правительством БДП методы по стимулированию производства посредством усиления внутренних частных инвестиций пока не дают желаемых результатов⁴⁰.

Подобное отсутствие прогресса в общем промышленном развитии Индии является серьезным вызовом всему курсу экономических реформ Н. Моди. Можно предположить, что во многом по этой причине именно показатели растущего экспорта ВВСТ преподносятся в качестве примера проводимых правительством БДП реформ: рост экспорта индийских вооружений и техники символизирует успехи программ «Сделай в Индии» и «Самодостаточная Индия».

Представляется, что акцент правительства БДП на развитии индийского экспорта

2020/08/Point-of-View-on-Defence-Exports.pdf (accessed: 05.04.2023).

³⁹ Manufacturing, Value Added (% of GDP) — India // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS?locations=IN> (accessed: 05.04.2023).

⁴⁰ Mohan D. India's Manufacturing Growth Slowdown a Decadal Problem // The Wire. December 7, 2022. URL: <https://thewire.in/economy/indias-manufacturing-growth-slowdown-a-decadal-problem> (accessed: 05.04.2023).

ВВСТ в значительной степени обусловлен стратегией политического маркетинга. Динамичный рост индийского экспорта вооружений обеспечивает имиджевые успехи правительства БДП во главе с Н. Моди. За 2022–2023 фин. год Индия увеличила экспорт ВВСТ на 24 % до 159,2 млрд рупий (приблизительно 1,9 млрд долл. США), а с 2016 г. индийский экспорт вооружений увеличился десятикратно⁴¹. С этого ракурса лучше заметна политизация рассматриваемого вопроса на фоне подготовки БДП к всеобщим парламентским выборам 2024 г.

Вместе с тем впечатляющая динамика последних лет компенсируется относительно малой долей рынка. В общем объеме мирового экспорта вооружений Индия за последние годы увеличила свою долю всего с 0,1 до 0,2 % и при этом не смогла удержаться списке 25 ведущих стран — экспортеров ВВСТ по итогам 2022 г.⁴² Поэтому присутствие Индии на мировом рынке вооружений и техники в среднесрочной перспективе все равно останется незначительным. В этой связи можно обозначить определенный риск использования правительством экспортных показателей в качестве ресурса во внутриполитической борьбе. Подобная стратегия может негативно отразиться на популярности правительства БДП в случае, если намеченные экспортные показатели в 350 млрд рупий (приблизительно 4,2 млрд долл. США) к 2025 г.⁴³ не будут достигнуты. Это непростая задача с учетом того, что к апрелю 2025 г. совокупные показатели экспорта необходимо увеличить приблизительно на 54 % от текущих показателей.

⁴¹ 'Clear Manifestation of India's Talent': PM Modi On Defence Exports Reaching All-Time High // ETV Bharat. April 1, 2023. URL: <https://www.etvbharat.com/english/bharat/india-defence-exports-reach-all-time-high/na20230401204932435435025> (accessed: 05.04.2023).

⁴² India Is No Longer in the List of Top 25 Arms Exporters: SIPRI // The Wire. April 10, 2023. URL: <https://thewire.in/government/india-defence-top-25-arms-exporter-sipri> (accessed: 05.04.2023).

⁴³ Draft Defence Production Policy 2018 // Ministry of Defence of India. 2018. P. 4. URL: <https://www.ddpmod.gov.in/sites/default/files/Draft%20Defence%20Production%20Policy%202018%20-%20for%20website.pdf> (accessed: 05.04.2023).

Заключение

Приведенные выше критические замечания не означают, что в политике индийского правительства БДП конъюнктурные соображения превалируют над стратегическими. Польза от реформирования индийского ВПК и стимуляции экспорта ВВСТ несомненна:

1) в краткосрочной перспективе проводимая политика полезна правящей партии из конъюнктурных соображений;

2) в среднесрочной — ставка на экспорт ВВСТ позволяет Индии усилить свое присутствие на международных рынках вооружений и укрепить стратегические связи с региональными государствами в противовес Китаю;

3) в долгосрочной — будет способствовать выводу индийского ВПК на новый производственно-технологический уровень, радикальному сокращению импорта вооружений в пользу индийских производителей и приближению к «стратегической самодостаточности».

Безусловно, на этом пути существует целый ряд факторов, мешающих Индии достигнуть заявленных целей. Реальный качественный скачок возможен только при долговременном и системном подходе к

реформированию и финансированию всей отрасли военного производства и разработок в Индии. Это же, в свою очередь, связано и с общими проблемами производственного сектора Индии, включая его недостаточную модернизацию и финансирование. Во многом поэтому Индия очень заинтересована в привлечении иностранных инвестиций и технологий как в ВПК, так и в целом в национальный сектор промышленности.

Таким образом, можно сделать вывод, что даже в долгосрочной перспективе выход Индии в группу стран — лидеров по экспорту вооружений и техники маловероятен, а достижение полной стратегической самодостаточности в военно-промышленном комплексе следует рассматривать скорее как вектор развития Индии под управлением БДП, чем стратегическую задачу с определенными сроками выполнения. Тем не менее очевидно, что развитие экспорта ВВСТ является устойчивой тенденцией и в перспективе ближайшего десятилетия будет значительно влиять на характер внешней политики индийского правительства, нацеленного на укрепление национальной обороноспособности и становление Индии в качестве «великой державы».

Поступила в редакцию / Received: 20.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 04.08.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.12.2023

Библиографический список

- Behera L. K.* India's Defence Economy. Planning, Budgeting, Industry and Procurement. New York : Routledge, 2021a.
- Behera L. K.* Indian Defence Industry: An Agenda for Making in India. New Delhi : Pentagon Press, 2016.
- Behera L. K.* Institutions that Shaped India: DRDO. New Delhi : Rupa Publications, 2021b.
- Chakravorty P. K.* Future Technologies for the Indian Army. New Delhi : KW Publishers Pvt Ltd, 2022.
- Chhibber A.* India's Defence Procurement Procedure. Challenges and Way Forward with Special Reference to Offsets. New Delhi : KW Publishers Pvt Ltd, 2018.
- Choudhary L. R.* Evaluating Jointness in the Indian Military: A Conceptual and Methodological Approach // *Journal of Defence Studies*. 2022. Vol. 16, no. 1. P. 19–45.
- Cowshish A.* Assessing Modernization of the Indian Armed Forces Through Budgetary Allocations // *Journal of Defence Studies*. 2014a. Vol. 8, no. 1. P. 5–19.
- Cowshish A.* Distortions in the Discourse on Modernization of Armed Forces // *Journal of Defence Studies*. 2014b. Vol. 8, no. 3. P. 7–20.
- Cowshish A.* Galvanizing 'Make in India' in Defence: The Experts' Committee Chips In // *Journal of Defence Studies*. 2016. Vol. 10, no. 1. P. 5–16.
- Desouza K. A.* Transfer of Defence Technology to India: Prevalence, Significance and Insights // *Journal of Defence Studies*. 2016. Vol. 10, no. 4. P. 31–52.
- Desouza K. A.* Transfer of Defence Technology: Exploring the Avenues for India // *Journal of Defence Studies*. 2017. Vol. 11, no. 3. P. 69–98.

- Ganapathi V.* Increasing Efficiency in Defence Acquisitions in the Army. New Delhi : KW Publishers Pvt Ltd, 2016.
- Kalyani V.* Vision Sagar. Indian Air Force in the Indian Ocean. New Delhi : Pentagon Press LLP, 2021.
- Kaushik C.* Public-Private Partnership for MRO in Defence: Application to Aerospace and Land Systems // *Journal of Defence Studies*. 2017. Vol. 11, no. 3. P. 41–67.
- Khudoley K.* New Russia — West Confrontation: War of Attrition or Escalation? // *Strategic Analysis*. 2022. Vol. 46, no. 6. P. 571–584. <https://doi.org/10.1080/09700161.2022.2149980>
- Likhachev K.* The Key Features of Relations Between Russia and India in the Context of a Shifting Balance of Power in Asia // *Stosunki Międzynarodowe — International Relations*. 2018. Vol. 54, no. 2. P. 51–78. URL: <http://www.irjournal.pl/pdf-124128-52128?filename=The%20Key%20Features%20of.pdf> (accessed: 01.04.2023).
- Murti M.* A Comparison of Defence Sector Innovation Ecosystems in China and India // *Strategic Analysis*. 2020. Vol. 44, no. 1. P. 45–53. <https://doi.org/10.1080/09700161.2020.1700001>
- Pakanati R.* India's Domestic Debate over China's Growing Strategic Presence in the Indian Ocean // *Journal of Defence Studies*. 2019. Vol. 13, no. 1. P. 5–31.
- Ram V.* India's Defence Diplomacy with Southeast Asia: An Impetus to Act East // *Journal of Defence Studies*. 2018. Vol. 12, no. 3. P. 55–78.
- Ranade V. S.* Bridge on the Bay // *Journal of Defence Studies*. 2022. Vol. 16, no. 1. P. 63–71.
- Sharma R.* The Determinants of India's National Military Strategy. New Delhi : Vij Books India Pvt Ltd, 2021.
- Singh R.* Equilibrium in Higher Defence Organization and the Need for Restructuring // *Journal of Defence Studies*. 2016. Vol. 10, no. 2. P. 19–37.
- Singh S. K.* A Game Theoretic Analysis for Ladakh Standoff, 2020 // *Journal of Defence Studies*. 2020. Vol. 16, no. 1. P. 3–18.
- Suman M.* Of Matters Military: Defence Production and Mission 'Make in India'. New Delhi : Vij Books India Pvt Ltd, 2021.
- The Routledge Handbook of Indian Defence Policy. Themes, Structures and Doctrines / ed. by H. V. Pant. London, New York : Routledge, 2020.
- Thomas R.* Leveraging India's Maritime Diplomacy // *Journal of Defence Studies*. 2020. Vol. 14, no. 3. P. 1–27.

Сведения об авторе:

Лихачев Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 7962-9650; ORCID: 0000-0003-3017-4194; e-mail: likhachevkirill@gmail.com

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ APPLIED ANALYSIS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-107-125

EDN: DVSVAO

Научная статья / Research article

Отношение трудовых мигрантов из Центральной Азии к международным интеграционным объединениям на постсоветском пространстве

А.А. Гребенюк , В.А. Протасова , А.А. Аверьянов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 gaa-mma@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования, которое проводилось с мая по август 2023 г. с целью изучения отношения трудовых мигрантов, находящихся в России, к различным международным интеграционным процессам на постсоветском пространстве. В качестве объекта изучения выступили работники из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, осуществляющие трудовую деятельность в Москве и Московской области. Выбор этих стран неслучаен, поскольку именно они являются основными миграционными донорами Российской Федерации в Центральной Азии. Уникальность результатов исследования состоит в том, что, несмотря на определенную «популярность» такого эмпирического объекта, как «трудовые мигранты», анализируемый предмет еще недостаточно разработан как теоретически, так и эмпирически. Особое внимание в работе уделяется политическим предпочтениям и миграционным установкам трудовых мигрантов. Подробно рассматривается вопрос осведомленности иностранных работников о деятельности международных интеграционных и военно-политических объединений, таких как СНГ, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Европейский союз (ЕС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также Организация Североатлантического договора (НАТО). Также представлена оценка респондентами роли данных объединений в развитии международных процессов. Отдельно исследуется вопрос отношений между Россией и посылающими мигрантов странами. Авторы приходят к выводу, что респонденты относятся положительно к интеграционным объединениям, в которых Россия играет ключевую роль. Социально-политические установки иностранных работников характеризуются высокой лояльностью к внешнеполитическому курсу Российской Федерации. Мигранты в подавляющем большинстве поддерживают международное сотрудничество своих стран и России, разделяют внешнеполитическую позицию РФ. Трудовые мигранты из Центральной Азии могут рассматриваться как ресурс и капитал влияния российской «мягкой силы».

Ключевые слова: СНГ, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, Европейский союз, ЕС, Организация Договора о коллективной безопасности, ОДКБ, военно-политические блоки, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан

© Гребенюк А.А., Протасова В.А., Аверьянов А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Гребенюк А. А., Протасова В. А., Аверьянов А. А. Отношение трудовых мигрантов из Центральной Азии к международным интеграционным объединениям на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 107–125. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-107-125>

Attitudes of Labor Migrants from Central Asia to International Integration Organizations in the Post-Soviet Space

Aleksandr A. Grebenyuk , Vera A. Protasova , Albert A. Averyanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 gaa-mma@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological empirical study that was conducted from May to August in 2023. Its purpose was to study the attitudes of labor migrants in Russia towards various international integration processes in the post-Soviet space. The objects of the study were workers from Uzbekistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan, working in Moscow and the Moscow region. The choice of these countries is not accidental, as they are the main migration donors to the Russian Federation in Central Asia. The uniqueness of the research results lies in the fact that despite the certain “popularity” of such an empirical object as “labor migrants.” The analyzed subject has not yet been sufficiently developed theoretically and empirically. Particular attention is paid to the political preferences and migration attitudes of labor migrants. The issue of awareness of foreign workers of the activities of international integration and military-political associations, such as the Commonwealth of Independent States (CIS), the Eurasian Economic Union (EAEU), the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), European Union (EU), the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and also the North Atlantic Treaty Organization (NATO) is examined. The paper also presents the respondents’ assessment of the role of these associations in the development of international processes. Separately, the article examines the relationship between Russia and migrant-sending countries. Based on the results of the study, the authors conclude that respondents have a positive attitude towards integration associations in which Russia plays a key role. Moreover, the socio-political attitudes of foreign workers are characterized by a high degree of loyalty to the foreign policy of the Russian Federation. Migrants overwhelmingly support international cooperation between their countries and Russia and share the foreign policy position of the Russian Federation. In conclusion, labor migrants from Central Asia can be considered as a resource and capital of the influence of Russian “soft power.”

Key words: the Commonwealth of Independent States, CIS, the Eurasian Economic Union, EAEU, the Shanghai Cooperation Organisation, SCO, European Union, the Collective Security Treaty Organization, CSTO, North Atlantic Treaty Organization, NATO, military-political blocs, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

For citation: Grebenyuk, A. A., Protasova, V. A., & Averyanov, A. A. (2024). Attitudes of labor migrants from Central Asia to international integration organizations in the post-Soviet space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 107–125. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-107-125>

Введение

Иностранные трудовые ресурсы стали значимым фактором развития российского рынка труда. По различным оценкам, на территории России осуществляют трудовую

деятельность от 7 до 9 млн¹ иностранных граждан (Алешковский и др., 2019, с. 197). Развитие таких отраслей отечественной

¹ В МВД назвали количество мигрантов в России // РБК. 29.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/615481a49a7947237a4aa621> (дата обращения: 11.05.2023).

экономики, как строительство, транспорт, торговля и т. д., напрямую зависит от использования рабочей силы из-за рубежа. Вместе с тем международная трудовая миграция является не только экономической категорией. Она оказывает значительное воздействие и на социально-политические процессы. Например, при некорректном государственном управлении миграционными процессами могут проявляться негативные эффекты, ведущие к росту межэтнической напряженности, межконфессиональных противоречий, обострению политического противоборства внутри страны.

Миграция рабочей силы также влияет на международные отношения, детерминированные взаимозависимостью национальных экономик внутри миграционных систем, которая может выступать как фундаментом интенсификации сотрудничества между странами, так и инструментом давления на политические элиты за рубежом (угрозы закрытия границ, введение особых визовых режимов и т. д.).

Иностранцы работники могут рассматриваться как инструмент политики «мягкой силы» и фактор роста международного влияния принимающих и отдающих мигрантов стран. Так, в контексте Российской Федерации успешная интеграция мигрантов может служить примером открытости и высокого уровня жизни в России, что будет содействовать укреплению имиджа страны, привлечению дополнительных инвестиций и специалистов с высоким уровнем человеческого капитала, а также позитивным образом скажется на туристической отрасли. Кроме того, мигранты могут транслировать на родину посредством своих социальных сетей сформированные в России социально-политические установки. В случае возвращения в страну мигранты потенциально способны стать «проводниками» интересов и позиции Российской Федерации за рубежом.

В этой связи изучение отношения трудовых мигрантов из Центральной Азии к интеграционным процессам, экономическим и военно-политическим отношениям их родины

с Россией позволит получить большой массив информации о широком спектре вопросов, напрямую касающихся проблем международных отношений.

Научная разработанность

Проблемы миграции иностранной рабочей силы являются объектом изучения различных социальных наук: социологии, экономики, социальной антропологии, социальной психологии, политологии, истории, науки о международных отношениях. Однако чаще всего в поле научного интереса ученых находятся вопросы, связанные с адаптацией и интеграцией мигрантов в принимающем сообществе, феноменом формирования диаспор и этнических анклавов, влиянием миграционных потоков на экономическую ситуацию в России (прежде всего на рынок труда), эффективностью миграционной политики в целом и конкретных инструментов управления миграционным движением и др. При этом современное отражение такой актуальной проблемы, как влияние миграционных потоков на международные отношения (в том числе отношение трудовых мигрантов к интеграционным объединениям на постсоветском пространстве), в российском научном дискурсе представлено незначительно.

Проблемы влияния миграции на центробежные и интеграционные процессы в странах постсоветского пространства, формирование евразийской миграционной системы и роли России в ней рассматриваются в работе С.С. Туржановой (Туржанова, 2016). Статья И.В. Василевской концептуализирует особенности трудовой миграции в условиях развития интеграционной политики Союзного государства (Василевская, 2019). Также следует остановиться на работе А.Б. Ярошук, касающейся вопросов важности формирования широкой зоны интеграции и стабильности в Содружестве Независимых Государств (СНГ) (Ярошук, 2011), и статье А.А. Ткаченко, в которой автор подробно рассматривает факторы, влияющие на миграционные потоки между странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Также в рамках

статьи был рассмотрен общий потенциал миграции стран-участниц и проанализированы инструменты регулирования миграционных потоков в странах ШОС и ЕАЭС (Ткаченко, 2016).

Отдельно остановимся на имеющихся исследованиях миграции населения как ресурсе «мягкой силы». Анализируя миграцию в подобном ключе, большинство авторов делают упор на образовательной миграции (Nye, 2004; Yang, 2007; Altbach & McGill Peterson, 2008; Франц, 2017; Юров, 2018; Суворова, Бронников, 2019), при этом российские ученые игнорируют изучение в этом контексте трудовой миграции на постсоветском пространстве.

Миграция в разрезе политических аспектов национальной безопасности рассмотрена в работе А.А. Гребенюка, в которой идет речь о внешних и внутренних вызовах, связанных с влиянием миграции на социально-экономическое и политическое развитие стран — доноров трудовых ресурсов и устойчивое экономическое развитие РФ в контексте национальной безопасности (Гребенюк, 2016, с. 259). Вопросам незаконной миграции как угрозы национальной безопасности, ее аспектам и проблемам посвящены работы ряда специалистов (Adamson, 2006; Джафаров, 2007; Донская, 2020).

Вместе с тем, несмотря на наличие и других научных работ по проблемам взаимосвязи миграционных потоков и внешнеполитической ситуации, обзор публикаций, размещенных в Российской научной электронной библиотеке², свидетельствует, что данный предмет исследования нуждается в более глубоком эмпирическом анализе.

Методология исследования и социально-демографический портрет трудового мигранта

Первичная информация была получена авторами посредством проведения социологического исследования отношения трудовых

мигрантов из Центральной Азии к политическим взаимоотношениям России и страны выезда, а также к интеграционным объединениям на постсоветском пространстве. Полевая часть исследования была реализована Исследовательским холдингом «Ромир» в июле 2023 г. Метод исследования — *SAPI* (уличный опрос с использованием планшетов). В ходе социологического анкетирования были опрошены 600 респондентов (по 200 респондентов из каждой страны), отобранные на основе случайной (вероятностной) выборки. При указанном объеме выборки и генеральной совокупности 2,5 млн человек (согласно данным МВД за период январь-июнь 2023 г.³) ошибка выборки составила 4 % при доверительном интервале в 95 %. Данное значение ошибки выборки в классификации надежности результатов выборочного обследования оценивается как «обыкновенная надежность», что полностью удовлетворяет требованиям исследования.

Анкета содержала 63 вопроса, разбитых по пяти смысловым блокам. В статье представлены только те результаты анкетирования, которые непосредственно касаются указанного выше предмета исследования.

Кратко опишем социально-демографические характеристики респондентов.

Распределение по полу у мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии примерно похожее — подавляющее большинство иностранных рабочих — мужского пола (63, 64 и 68 % соответственно). Также большинство мигрантов из всех стран находятся в трудоспособном возрасте: 30–49 лет. Однако мигранты из Киргизии обладают более «молодым демографическим портретом»: 41 % опрошенных — в возрасте от 18 до 29 лет.

Следует охарактеризовать также и уровень образования опрошенных в целом по всем странам. Так, примерно каждый второй мигрант имеет среднее специальное образование, примерно треть респондентов —

² См.: Научная электронная библиотека ELibrary. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (accessed: 11.06.2023).

³ Миграция в России по итогам первого полугодия 2023 года // Демоскоп Weekly. 2023. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01003/barom01.php#_ftnref12 (дата обращения: 31.11.2023).

среднее общее образование (школа) — 32 %, не закончили школу 5 % опрошенных. Высшее образование или незаконченное высшее имеют около 14 % (9 и 5 % соответственно). Треть мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана находятся в России с семьями (33, 31 и 36 % соответственно).

Что касается сферы занятости трудовых мигрантов, в целом не наблюдается существенной профессиональной сегментации занятых по странам выезда. Наиболее сильный перекос выявлен лишь в сфере жилищно-коммунального хозяйства, на долю которой приходится наибольшее число занятых из Таджикистана и Узбекистана (по 21 %), в то время как среди занятых из Киргизии эта доля не превышает 13 %. Респонденты из Киргизии в большей степени, чем граждане Таджикистана и Узбекистана, заняты в сфере услуг (31 против 27 и 24 % соответственно).

Говоря о финансовом положении респондентов, можно сказать, что мигранты имеют относительно высокий достаток. Так, почти каждый третий респондент имеет ежемесячный доход более 61 тыс. руб., то есть уровень доходов мигрантов приближается к уровню средней заработной платы российских граждан, которая в 2022 г. составляла, согласно данным Росстата, 61 794 рубля⁴.

Лидеры мирового развития

Рассмотрим первые два показателя: «страна — лидер мирового развития» и «наиболее влиятельный политический лидер в мире». Ответы на эти вопросы косвенно свидетельствуют о политических предпочтениях респондентов (развитие какой страны является своеобразным «примером» или с какой страной следует налаживать тесные социально-экономические связи и глубокие политические контакты) и миграционных установках (страны — мировые лидеры определено притягивают наибольшие миграционные потоки). Большая доля поддержки тех

или иных мировых политических деятелей свидетельствует о схожести позиции мигранта и риторики лидера.

Перейдем к анализу распределения ответов респондентов на вопрос о стране — лидере мирового развития (рис. 1).

Страны Центральной Азии (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) можно объединить в одну группу и рассмотреть вместе, так как коэффициент вариации в процентах у этих стран не превышает 6 %. Так, каждый третий мигрант из этих стран указал Россию в качестве лидера мирового развития (34–36 %). Почти каждый четвертый мигрант из этих стран выбрал Китай (22–28 %), примерно такая же доля респондентов выбрала США в качестве лидера развития (21–26 %). Такие страны, как Турция, Великобритания, Германия и Франция, получили незначительное число ответов респондентов (набрали не более 5 %).

Данные на рис. 2 демонстрируют, что большинство респондентов выбрали В.В. Путина как самого влиятельного человека на мировой политической арене (от 49 до 52 %). Далее по популярности идет государственный и политический лидер Китайской Народной Республики — Си Цзиньпин (18–19 %). Президента США Дж. Байдена указали 14 % респондентов из Кыргызстана, 17 % — из Узбекистана, 12 % — из Таджикистана.

В ходе анкетирования респондентам был задан вопрос о том, какое государство или политический блок должны выступать гарантами безопасности на пространстве бывшего СССР. Данный вопрос способен выявить ту страну или объединение стран, которое, по мнению мигранта, обладает легитимным правом (признанным и справедливым в глазах большинства) на «вмешательство» в дела другого государства с целью установления мира и стабильности.

Обратимся к табл. 1. Опрашиваемым было доступно не более трех вариантов ответа. Подавляющее большинство респондентов из Киргизии (77 %), Таджикистана (81 %) и Узбекистана (76 %) выбрали Россию в качестве гаранта мира и стабильности. Каждый третий мигрант из Центральной Азии указал Китай и СНГ.

⁴ Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 20.11.2023).

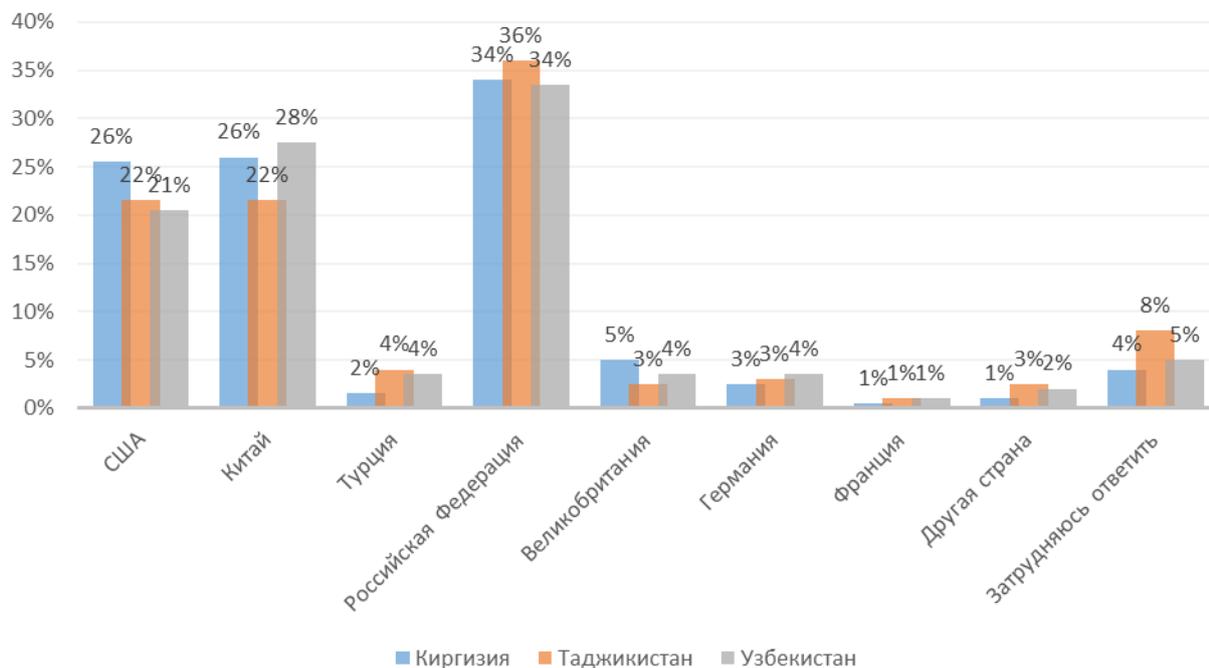

Рис. 1. «Какую страну Вы считаете лидером мирового развития?» Выберите один вариант ответа, %
 Источник: составлено авторами.

Рис. 2. «Кого из мировых лидеров вы считаете наиболее влиятельным в мире?» Выберите один вариант ответа, %
 Источник: составлено авторами.

Также можно заметить, что доля респондентов из всех трех стран, выбравших в качестве гаранта мира и стабильности США, ЕС и Организацию Североатлантического договора (НАТО), незначительна (около 6, 3 и 1 % соответственно).

Международные интеграционные объединения

Перейдем к анализу осведомленности респондентов о деятельности международных интеграционных объединений. Под осведомленностью мигранта мы будем понимать его

знание о целях/задачах/миссии объединения. Также данный показатель является вопросом-«фильтром», так как далее последует ряд вопросов о роли объединения в мире.

Если обратиться к общему распределению ответов (без деления на страны), то можно выделить ряд объединений, с деятельностью которых мигранты относительно хорошо знакомы (то есть хорошо знают их цели, задачи, миссию). Так, больше половины респондентов хорошо осведомлены о деятельности НАТО (60 %) и ЕС (50 %). Почти каждый второй трудовой мигрант хорошо знает о СНГ. Доля тех, кто впервые слышит о СНГ, незначительна (менее 5 %). На результаты естественным образом влияет длительность существования СНГ. На постсоветском пространстве Содружество имеет самую долгую историю.

При этом результаты исследования показали высокую степень осведомленности о военно-политическом блоке НАТО: наибольшая доля хорошо осведомленных о деятельности Североатлантического альянса среди мигрантов из Кыргызстана (62 %), а наименьшая — из Таджикистана (58 %). Необходимо особо

отметить, что все страны выезда опрашиваемых мигрантов являются членами СНГ, однако респонденты лучше осведомлены о целях и задачах НАТО, чем целях и задачах СНГ. Можно предположить, что это связано с потреблением мигрантами определенного новостного контента. Национальные и российские СМИ сегодня в большем объеме упоминают о деятельности НАТО, его руководства, о влиянии этого военно-политического блока на международные процессы, в том числе в контексте событий, происходящих в настоящее время в зоне специальной военной операции.

Такие международные объединения, как ЕАЭС (10 %), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (8 %) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) (10 %), хорошо известны лишь каждому десятому респонденту (доли тех респондентов, кто выбрал ответ «Знаю хорошо о данной организации»). На рис. 3 представлено распределение ответов респондентов, ответивших, что «хорошо знакомы» с деятельностью той или иной организации.

Таблица 1

«Какие страны и политические блоки должны выступать в качестве гаранта мира и стабильности на территории бывшего СССР (на постсоветском пространстве)?» Не более трех вариантов ответа, %

Страна/Организация	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан
Россия	77	81	76
Турция	19	21	15
США	8	6	4
Китай	26	26	26
Великобритания	0	2	2
Германия	1	3	4
Франция	0	1	1
ЕС	2	2	4
СНГ	29	32	34
ЕАЭС	11	7	6
ОДКБ	12	8	10
НАТО	1	1	0
ШОС	8	5	10
Другое	1	0	0
Затрудняюсь ответить	11	5	9

Источник: составлено авторами.

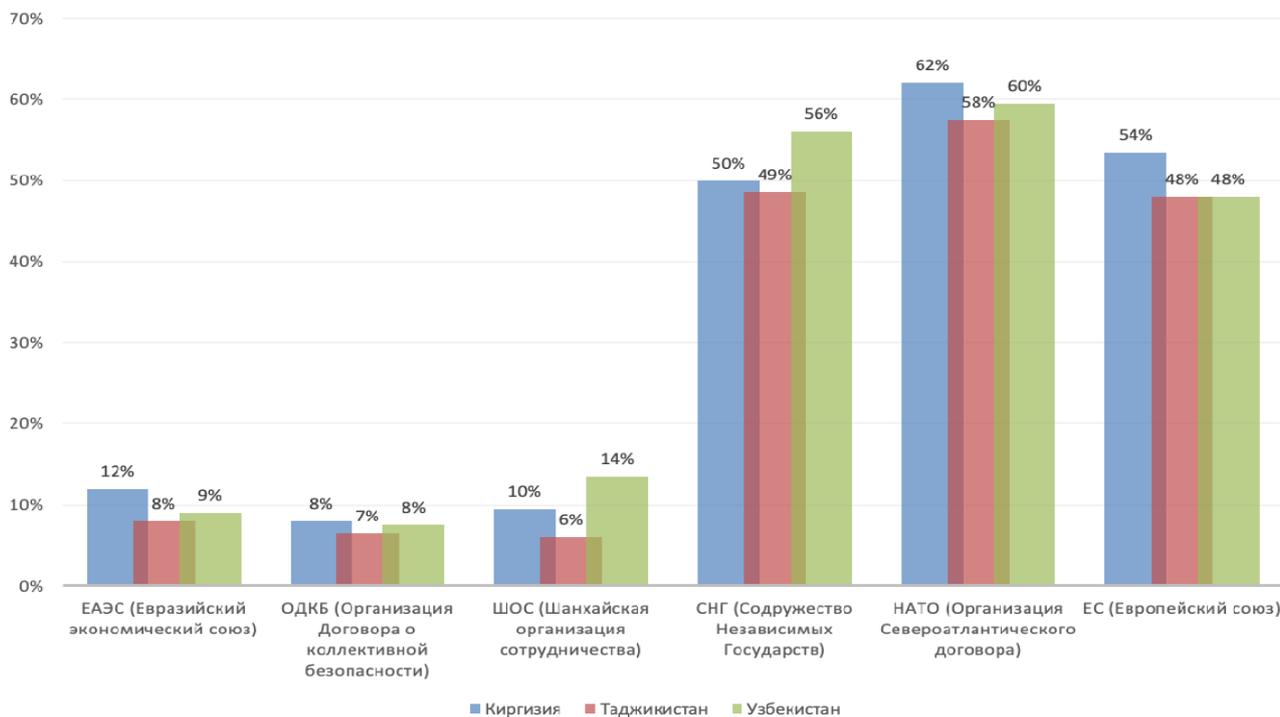

Рис. 3. Доли респондентов, которые хорошо осведомлены о деятельности того или иного международных объединений (респондент ответил, что знает цели и задачи / миссию / входящие в объединение страны), %

Источник: составлено авторами.

Осведомленность респондентов о деятельности международных объединений измерялась в градации от «впервые слышу название организации», «знаю только название», «что-то слышал» до «знаю хорошо цели/задачи/миссию». Респонденты из Таджикистана показали наименьшую осведомленность о существовании и деятельности всех международных организаций, среди них — самая значительная доля респондентов всех стран, кто отвечал «впервые слышу» о каждом объединении. Среди всех опрашиваемых граждане Киргизии, наоборот, показали самую лучшую осведомленность. В целом распределение ответов мигрантов из всех стран достаточно схожее, так как коэффициент вариации у этих стран не превышает 7 %.

В ходе опроса респондентам предлагалось охарактеризовать роль рассмотренных выше интеграционных объединений в политических процессах на постсоветском пространстве. Данные вопросы задавались лишь тем респондентам, кто в предыдущем вопросе об осведомленности о деятельности

международных объединений выбрал вариант ответа «Знаю хорошо».

Рассмотрим ответы респондентов на вопросы о роли военно-политических блоков: Организации Североатлантического договора и Организации договора о коллективной безопасности. Варианты ответов в данных вопросах практически идентичны у респондентов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, в этой связи мы приведем данные без разбивки по странам выезда мигрантов.

В ОДКБ входят только Таджикистан и Киргизия. Вопрос задавался лишь тем, кто ответил, что хорошо знаком с деятельностью данного международного объединения (42 респондента из 600). Выборка, включающая менее 50 человек по трем странам, достаточно мала, чтобы распространять выводы на всю генеральную совокупность. Согласно имеющемуся распределению, роль ОДКБ оценивается респондентами достаточно позитивно: доля тех, кто выбрал вариант «выступает провокатором», достаточно мала и колеблется от 6 до 13 % (рис. 4).

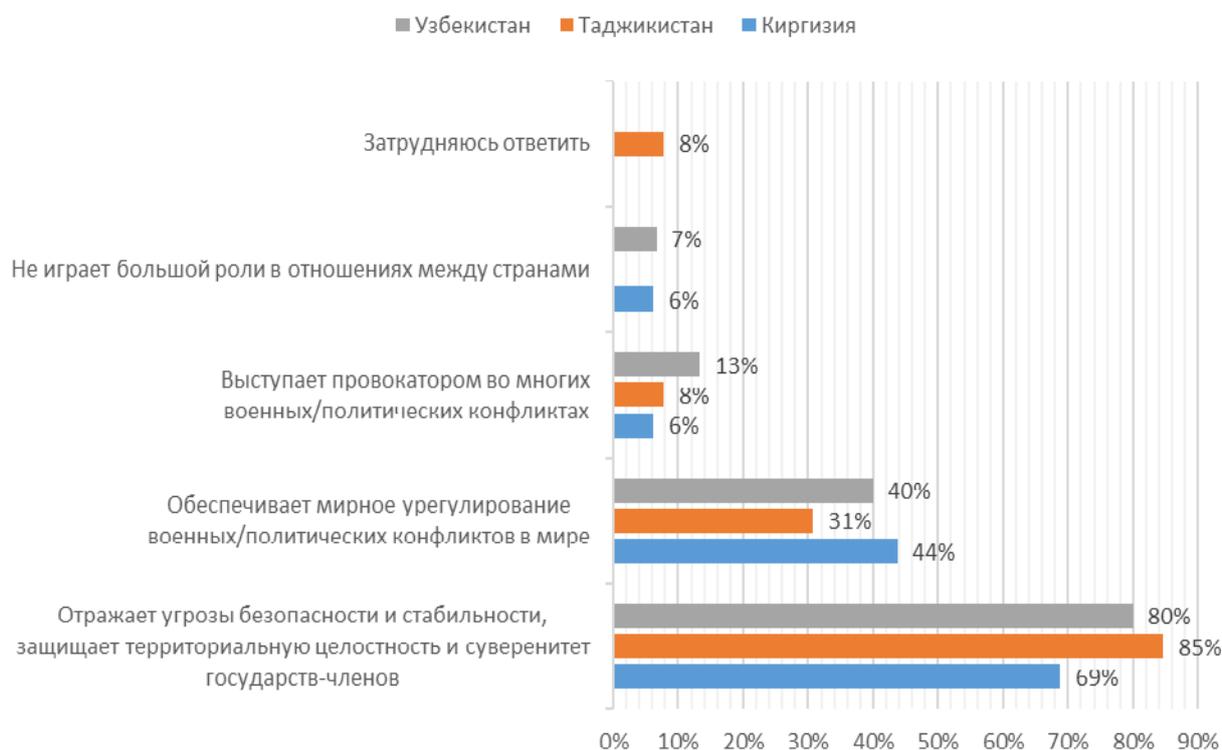

Рис. 4. «Как вы считаете, какую роль играет Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)?» Выберите один или несколько вариантов ответа, %

Источник: составлено авторами.

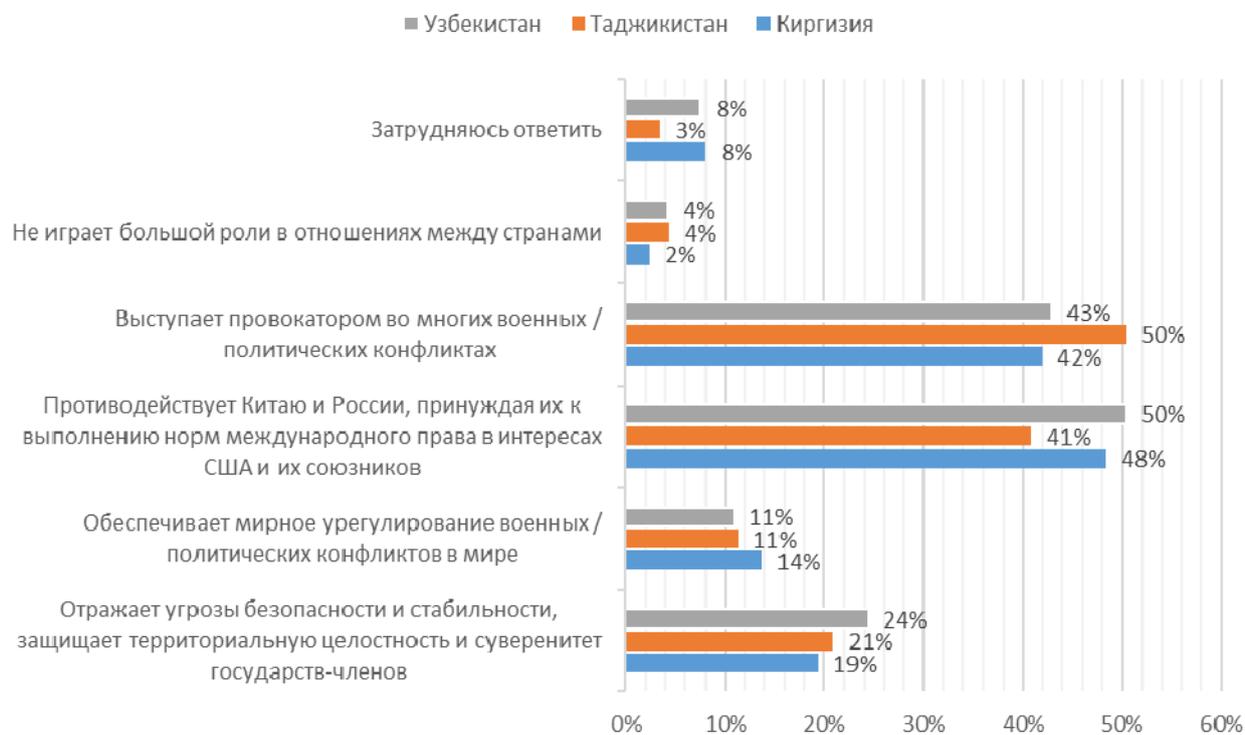

Рис. 5. «Как вы считаете, какую роль играет НАТО?» Выберите один или несколько вариантов ответа, %

Источник: составлено авторами.

Следует обратить внимание на низкие показатели осведомленности об Организации договора о коллективной безопасности, которые значительно ниже подобных показателей для НАТО (примерно в 8 раз). Можно сделать вывод, что страны — члены ОДКБ уделяют незначительное внимание информированию населения о ее деятельности, необходимости существования и позитивных аспектах членства в ней.

Вопрос о НАТО задавался лишь тем, кто ответил, что хорошо знаком с деятельностью данного международного объединения (360 респондентов из 600). Согласно распределению ответов респондентов (рис. 5), большинство мигрантов вне зависимости от страны негативно высказываются о роли альянса, выбрав ответы «Противодействует Китаю и России, принуждая их к выполнению норм международного права в интересах США и их союзников» (от 41 до 50 %) и «Выступает провокатором во многих военных / политических конфликтах» (от 42 до 50 %). Примерно пятая часть мигрантов из Кыргызстана (19 %), Таджикистана (21 %) и Узбекистана (24 %) оценивают роль НАТО в положительном ключе, считая, что альянс отражает угрозы безопасности и стабильности, защищает территориальную целостность и суверенитет государств-членов.

В целом можно сделать вывод, что респонденты оценивают роль НАТО негативно, в отличие от ОДКБ, однако считают, что Североатлантический альянс оказывает большее влияние (неважно какой тональности: позитивное или негативное) на международные отношения.

Следующий показатель разделен по странам в зависимости от членства в ОДКБ: «необходимость Родине мигранта ОДКБ в ее нынешнем виде» (для мигрантов из стран — членов ОДКБ: Таджикистана и Кыргызстана) и «необходимость Родине мигранта стать членом ОДКБ» (для мигрантов из Узбекистана, не входящего в ОДКБ). Этот вопрос нацелен на выявление мнения мигранта о возможной интеграции в военно-политические блоки совместно с Россией (ОДКБ) (или сохранение членства в объединении) или со странами

Запада, блоком НАТО, Китаем или Турцией. Респонденту был доступен выбор только одного варианта ответа.

Начнем с ответов респондентов из стран — членов ОДКБ (Таджикистана и Киргизии) (рис. 6). Подавляющее большинство мигрантов из обеих стран высказалась о необходимости данной организации: «как противовес НАТО» (46 % — Таджикистан, 44 % — Кыргызстан) и «для повышения обороноспособности страны» (38 % — Таджикистан, 25 % — Кыргызстан). Следует отметить, что данный вопрос задавался лишь тем респондентам, кто хорошо осведомлен о деятельности ОДКБ (29 респондентов из выборки в 400 человек), поэтому выводы не могут распространяться на всю генеральную совокупность.

Далее перейдем к анализу ответов на вопрос о необходимости стране выезда мигранта стать членом ОДКБ (для респондентов из Узбекистана). Важно также отметить, что данный вопрос задавался лишь тем респондентам, кто хорошо осведомлен о деятельности ОДКБ (это 16 респондентов из выборки в 200 человек). Подобная выборка также достаточно мала, чтобы делать какие-то заключения с распространением на всю генеральную совокупность. Однако можно сделать определенные выводы по выборочной совокупности: респонденты из Узбекистана обладают похожими взглядами, как и мигранты из Таджикистана и Киргизии: почти каждый второй (47 %) считает, что ОДКБ нужно как «противовес НАТО» (рис. 7).

Перейдем к рассмотрению показателей международных экономических и политических интеграционных объединений. Начнем с анализа СНГ. Обратимся к рис. 8. Респонденты из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана — стран, входящих в СНГ, — в подавляющем большинстве (76, 74 и 74 % соответственно) отметили, что организация помогает сохранить дружественные отношения между странами. Пятая часть респондентов из каждой страны высказала, что Содружество не играет большой роли в отношениях между странами.

Рис. 6. «Как вы считаете нужна ли вашей Родине Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в ее нынешнем виде?» Выберите один вариант ответа, %

Источник: составлено авторами.

Рис. 7. «Как вы считаете, стоит ли Узбекистану стать членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)?» Выберите один вариант ответа, %

Источник: составлено авторами.

Роль Европейского союза оценивается респондентами иначе (рис. 9). Доля респондентов, считающих, что ЕС обостряет противоречия между странами, примерно в 10 раз выше по сравнению с оценкой роли СНГ. Около 40 % опрошенных из Центральной Азии положительно оценили роль ЕС (Узбекистан — 41 %, Таджикистан — 38 %, Кыргызстан — 42 %). Значительная доля мигрантов из каждой страны (от 21 до 30 %)

отметила, что Европейский союз не играет значимой роли в отношениях между странами.

Обратимся к анализу ответов о роли Евразийского экономического союза. В ЕАЭС из трех стран исследования входит только Кыргызстан. Данный вопрос задавался лишь тем, кто ответил, что хорошо знаком с деятельностью данного международного объединения (58 респондентов из 600). Подавляющее большинство опрошенных мигрантов

из Узбекистана (89 %), Таджикистана (75 %) и Киргизии (83 %) положительно оценили роль союза, выбрав ответ «Создает условия для стабильного развития национальных экономик стран-участниц» (рис. 10).

В Шанхайскую организацию сотрудничества входят все страны исследования: Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Данный вопрос задавался лишь тем, кто ответил, что хорошо знаком с деятельностью данного международного объединения (60 респондентов из 600). Было доступно к выбору

несколько вариантов ответа. На рис. 11 представлено распределение ответов респондентов в разрезе стран. Большинство мигрантов достаточно позитивно оценивают роль ШОС в международных процессах. Доля тех, кто считает, что организация бесполезна («Не играет большой роли в отношениях между странами») или деструктивна («Создает дополнительные барьеры и трудности в развитии для стран-участниц») в сумме по каждой стране не превышает 10 %.

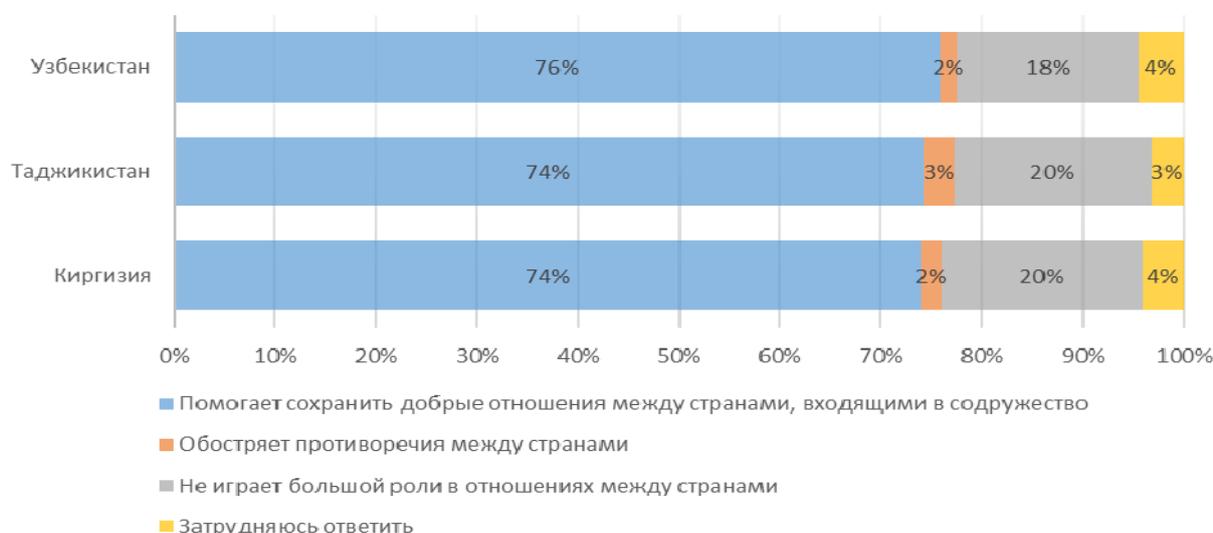

Рис. 8. «Как вы считаете, какую роль играет Содружество Независимых Государств (СНГ)?» Выберите один вариант ответа, %

Источник: составлено авторами.

Рис. 9. «Как вы считаете, какую роль играет Европейский союз (ЕС)?» Выберите один вариант ответа, %

Источник: составлено авторами.

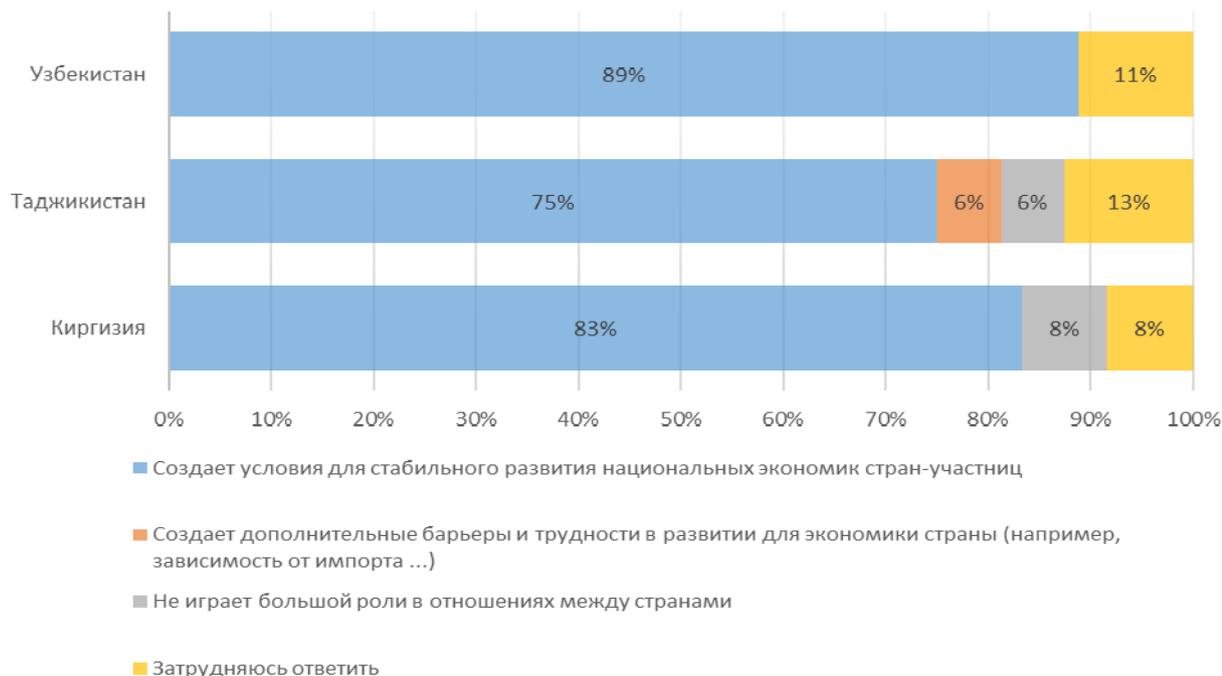

Рис. 10. «Как вы считаете, какую роль играет Евразийский экономический союз (ЕАЭС)?»
Выберите один вариант ответа, %
 Источник: составлено авторами.

Рис. 11. «Как вы считаете, какую роль играет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)?»
Выберите один или несколько вариантов ответа, %
 Источник: составлено авторами.

Полученные данные отчетливо показывают, что среди респондентов присутствует значительная доля тех, кто негативно оценивает роль «западных» объединений в развитии международных политических процессов. Обратная ситуация наблюдается в отношении интеграционных организаций, образованных на постсоветском пространстве.

Отношения стран происхождения мигрантов с Россией

Показатель «главные партнеры — государства/союзы родины мигранта» отражают мнение респондента о наличии наиболее тесных социально-экономических и социально-политических межгосударственных отношений. Распределение ответов у мигрантов из стран Центральной Азии примерно идентичное. Подавляющее большинство выбрали Россию главным партнером своей страны (86–89 %) (табл. 2). Второе место занимает Китай, его выбрал почти каждый второй респондент (43–55 %). Каждый третий выбрал в качестве государства — партнера страны «исхода» Турцию (27–36 %).

Показатель «оценка отношений между Родиной мигранта и Россией» отражает восприятие мигрантом степени дружественности или враждебности внешнеполитических взаимоотношений его родины и России (рис. 12). Подавляющее большинство мигрантов из

Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана оценивают взаимоотношения своей родины и России как дружественные (44, 37 и 39 % соответственно) или спокойные (46, 51 и 52 % соответственно).

Перейдем к анализу оценки мигрантами роли, которую играет Россия на постсоветском пространстве (рис. 13). Согласие респондентов с определенной позицией, представленной в вариантах ответа, может быть основано на различных факторах: доминирующем мнении социального окружения, позиции, которая транслируется в СМИ, риторике правящей политической партии и т. д.

Среди стран Центральной Азии наибольшая доля респондентов, считающих, что Россия заботится о поддержании порядка на постсоветском пространстве, — мигранты из Таджикистана (65 %). Подавляющее большинство мигрантов из Узбекистана (56 %) и Кыргызстана (60 %) занимает аналогичную позицию и выбирает ответ «Россия заботится о поддержании порядка на постсоветском пространстве». Примерно каждый десятый респондент из Узбекистана (10 %), Таджикистана (11 %) и Киргизии (9 %) считает, что Россия ведет имперскую политику, вмешиваясь в дела других государств региона, или представляет угрозу суверенитету центральноазиатских государств.

Таблица 2

«Как вы считаете, какие государства (союзы государств, политические блоки) являются главными партнерами вашей страны?» Не более трех вариантов ответа, %

Страна / организация	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан
Россия	86	89	86
Турция	28	27	36
США	12	8	9
Китай	47	43	55
Великобритания	1	2	2
Германия	1	1	2
Франция	1	1	1
ЕС	7	2	4
СНГ	32	30	31
ЕАЭС	9	5	5
НАТО	1	2	2
ОДКБ	7	5	4
Другое	4	5	4
Затрудняюсь ответить	2	2	4

Источник: составлено авторами.

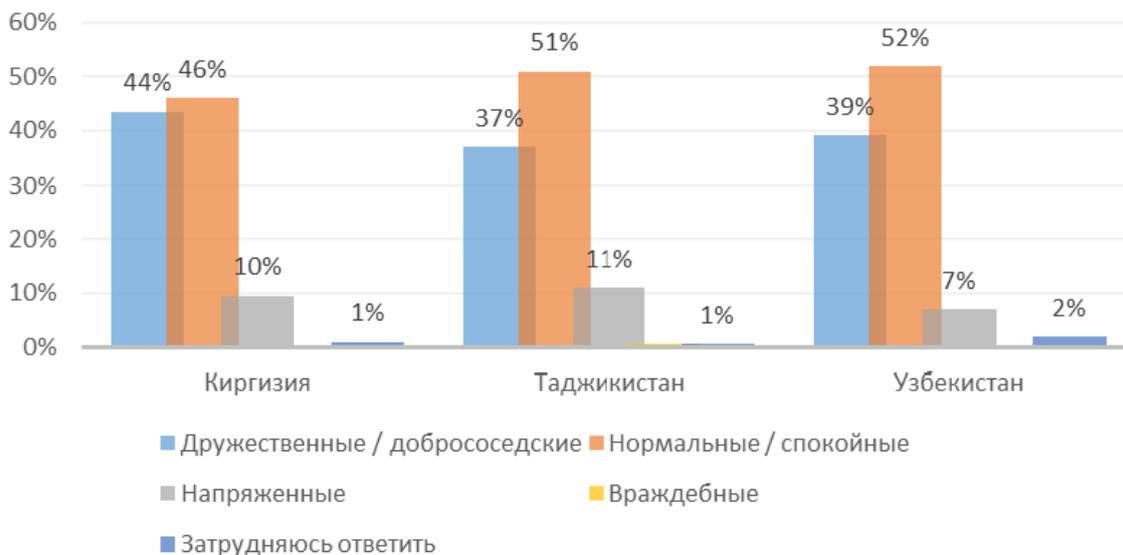

Рис. 12. «Как бы вы оценили в целом нынешние отношения между вашей Родиной и Россией?»
Выберите один вариант ответа, %

Источник: составлено авторами.

Рис. 13. «Как бы вы оценили нынешнюю роль России на постсоветском пространстве?»

Выберите один вариант ответа, %

Источник: составлено авторами.

Обратимся к показателю «необходимость оказания Россией какой-либо помощи Родине», который позволяет узнать у мигранта его мнение о том, «должна ли Россия оказывать помощь Родине мигранта». Если мигрант считает, что Россия «Нет, не должна» (вариант ответа) оказывать помощь, то в глазах мигранта родина сепарирована от какого-либо влияния России (что практически

тождественно мнению, что Россия «не отвечает за положение на родине респондента», «не должна помогать», «не должна вмешиваться» в дела бывших республик СССР). Если мигрант считает, что Россия «Да, должна» (вариант ответа) оказывать какую-либо помощь его родине, то это, возможно, свидетельствует о том, что в глазах мигранта Российская Федерация (как правопреемница

СССР) выступает «старшим братом» страны выезда и должна помогать бывшим республикам СССР.

Согласно распределению, представленному на рис. 14, подавляющее большинство респондентов всех стран считает, что Россия должна оказывать помощь их родине.

Тем респондентам, кто ответил, что Россия должна помогать их родине, было предложено выбрать, «какую именно помощь должна оказывать Россия» (на данный вопрос

отвечали 368 человека из 600). Большинство опрошенных считает, что Россия должна оказывать экономическую (около 80 % респондентов из трех стран) и финансовую помощь (табл. 3), а также способствовать дальнейшему развитию экономических отношений. Наименьший процент респондентов из каждой страны считает, что Россия должна оказывать какую-либо военную помощь (наименьшая доля — у мигрантов из Кыргызстана (33 %)).

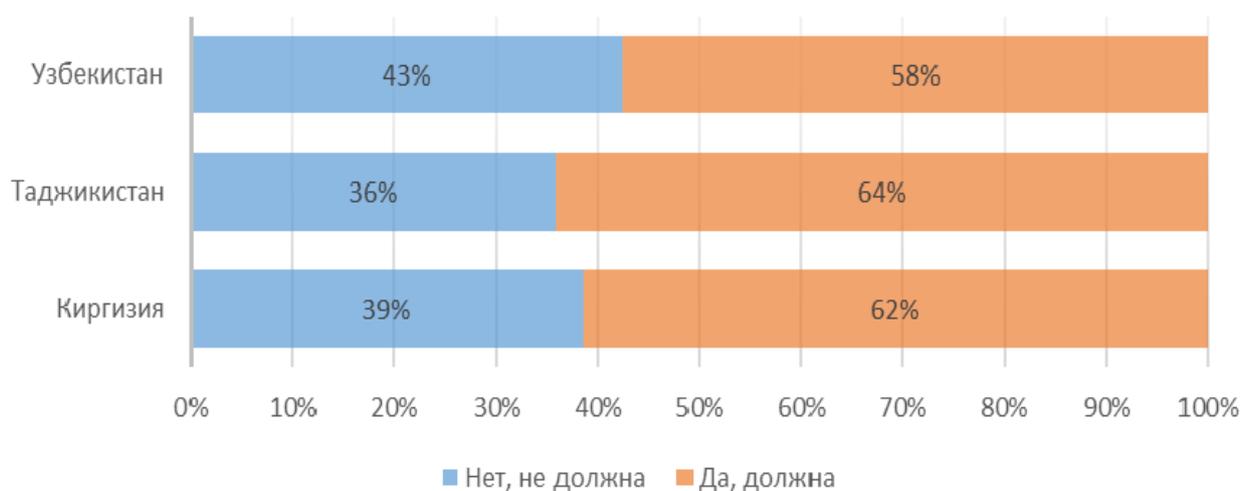

Рис. 14. «Как вы считаете, должна ли Россия оказывать Вашей стране помощь?», %

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

«Уточните, какую помощь должна оказывать Россия вашей стране?» Несколько вариантов ответа, %

Страна	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан
Финансовую (предоставлять кредиты/целевые займы и т.д.)	56	60	62
Экономическую (увеличить товарооборот, обеспечить бизнесу... более широкий доступ на российский рынок и т.д.)	80	89	84
Военную (поставлять оружие и военную технику, оказывать содействие в обеспечении безопасности страны и т.д.)	33	47	43
Медицинскую (предоставить вакцины от коронавируса, отправлять мобильные госпитали... и т.д.)	47	59	57
Другое	0	2	1
Затрудняюсь ответить	2	0	3

Источник: составлено авторами.

Рис. 15. «Как вы считаете, какой внешнеполитический курс должна выбрать ваша Родина?»
Выберите один вариант ответа, %

Источник: составлено авторами.

Перейдем к освещению мнений респондентов о наиболее выгодном в политическом и экономическом плане внешнеполитическом курсе, который следовало бы выбрать странам выезда мигрантов (рис. 15). Согласно распределению ответов, большая часть мигрантов из Кыргызстана (59%), Таджикистана (64%), Узбекистана (65%) считают, что их родине следует углублять сотрудничество и социально-экономические связи с Россией. За сближение со странами Запада высказались менее 5% трудовых мигрантов из Центральной Азии, около 16% респондентов указали, что их стране нужно соблюдать нейтралитет.

Заключение

Исходя из данных, полученных в результате исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Трудовые мигранты из Центральной Азии единодушны в вопросе субъектов глобального лидерства. В их представлении Россия — лидер мирового развития (от 34 до 36% в зависимости от страны выезда), опережающий такие страны, как США, Китай,

Турция, Великобритания и др. По мнению респондентов, именно Российская Федерация должна выступать в качестве гаранта мира и стабильности на постсоветском пространстве. Президент России в сознании иностранных работников — самый влиятельный человек на мировой политической арене. Следует также отметить высокие показатели лидерства Китая, который занимает второе место, опережая США.

2. Трудовые мигранты в целом слабо осведомлены о деятельности таких международных организаций, как ШОС, ЕАЭС и ОДКБ. Мигранты в подавляющем большинстве не понимают, в чем состоит роль и миссия этих организаций. Можно сделать вывод, что руководство, исполнительные органы организаций уделяют незначительное внимание медийному продвижению, информированию населения о своей работе и достигнутых результатах, необходимости существования и позитивных аспектов членства.

3. Следует обратить внимание на низкие показатели осведомленности о деятельности Организации Договора о коллективной безопасности среди респондентов из

Киргизии и Таджикистана, являющихся членами ОДКБ.

4. Все страны выезда респондентов являются членами Содружества Независимых Государств. Однако мигранты в большей степени осведомлены о деятельности блока НАТО (знают цели и задачи, миссию, входящие в организацию страны), чем о деятельности СНГ. Вероятно, это связано со структурой потребляемого мигрантами новостного контента: СМИ России и стран выезда более активно транслируют действия НАТО, освещая влияние военно-политического блока на международные события.

5. Роль НАТО оценивается мигрантами резко негативно по сравнению с другими организациями (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СНГ). Популярная точка зрения состоит в том, что НАТО выступает провокатором во многих военных / политических конфликтах и противодействует Китаю и России, принуждая их

к выполнению норм международного права в интересах США и их союзников. Также исследование выявило достаточно большую долю респондентов, высказывающихся подобным образом о роли Европейского союза.

6. Респонденты относятся положительно к интеграционным объединениям, в которых Россия играет ключевую роль. Также социально-политические установки иностранных работников характеризуются высокой лояльностью к внешнеполитическому курсу Российской Федерации. Мигранты в подавляющем большинстве поддерживают международное сотрудничество своих стран и России, разделяют внешнеполитическую позицию РФ. Можно сделать вывод, что трудовые мигранты из Центральной Азии могут рассматриваться как ресурс и капитал влияния российской «мягкой силы».

Поступила в редакцию / Received: 21.08.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 21.12.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.12.2023

Библиографический список

- Алешковский И. А., Гребенюк А. А., Кравец В. А., Максимова А. С. Иностранцы мигранты на российском рынке труда: оценка общей численности и вклада в ВВП России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 197–208. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.11>
- Василевская И. В. Трудовая миграция из Беларуси в Россию в условиях развития межгосударственных интеграционных отношений // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 1. С. 141–152. EDN: HDIFRQ
- Гребенюк А. А. Трудовая иммиграция в Россию в контексте национальной безопасности // Национальная безопасность / Nota Bene. 2016. № 2. С. 259–265. <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2016.2.15912>
- Джафаров С. А. Национальная безопасность России (аспекты: гражданство, иностранцы, трансграничная незаконная миграция). Москва : ЦТМ-Пресс, 2007.
- Донская М. В. Внешняя трудовая миграция — необходимость или угроза национальной безопасности России? // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 2. С. 27–31. EDN: QHPYIR
- Суворова В. А., Бронников И. А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. 2019. Т. 7, № 4. С. 131–139. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-4-131-139>
- Ткаченко А. А. Проблемы экономической интеграции и миграционной политики России в ЕАЭС и ШОС // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т. 9, № 1. С. 24–31. EDN: VQGYUH
- Туржанова С. С. Евразийская миграционная система: от экономического прагматизма к возрождению цивилизационного единства // Великие евразийские миграции : материалы Международной научной конференции 11–14 октября 2016 г. / отв. ред. В. И. Колесник. Элиста : Издательство Калмыцкого университета (КалмГУ), 2016. С. 424–430.
- Франц В. А. Миграционная привлекательность как фактор российской «мягкой силы»: реалии и перспективы // Дискурс-Пи. 2017. № 2. С. 128–135. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.128135>

- Юров О. В.* Образовательная миграция из Казахстана в Россию и перспективы развития взаимоотношений двух стран // *Современные евразийские исследования*. 2018. № 2. С. 37–51. EDN: VSECVI
- Ярошук А. Б.* Экономические и предпринимательские возможности и средства укрепления позиций России в СНГ // *Гуманизация образования*. 2011. № 4. С. 78–86. EDN: OGMOSZ
- Adamson F. B.* Crossing Borders: International Migration and National Security // *International Security*. 2006. Vol. 31, no. 1. P. 165–199. <http://dx.doi.org/10.1162/isec.2006.31.1.165>
- Altbach P. G., McGill Peterson P.* Higher Education as a Project of America's Soft Power // *Soft Power Superpowers* / ed. by W. Yasushi, D. L. McConnell. London, New York : Routledge, 2008. P. 37–53.
- Nye J. S.* *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004.
- Yang R.* China's Soft Power Projection in Higher Education // *International Higher Education*. 2007. No. 46. P. 24–25. <https://doi.org/10.6017/ihe.2007.46.7938>

Сведения об авторах:

Гребенюк Александр Александрович — доктор экономических наук, профессор кафедры социологии знания, заместитель директора по научной работе, Высшая школа современных социальных наук, МГУ им. М.В. Ломоносова; eLibrary SPIN-код: 4007-9651; ORCID: 0000-0001-9003-4551; e-mail: gaa-mma@mail.ru

Протасова Вера Алексеевна — магистрант, Высшая школа современных социальных наук, МГУ им. М.В. Ломоносова; ORCID: 0000-0001-6391-7359; e-mail: protasovaveraa@yandex.ru

Аверьянов Альберт Андреевич — аспирант, факультет глобальных процессов, МГУ им. М.В. Ломоносова; ORCID: 0009-0008-3039-1985; e-mail: averyanov.alia@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-126-141

EDN: DVXPCJ

Научная статья / Research article

Трансформация региональных торговых соглашений в условиях перехода к полицентризму

В.В. Перская¹, Д.Е. Морковкин¹, А.Л. Чупин²✉,
Т.Н. Мамедов¹, А.Д. Зверева¹

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉chupin-al@rudn.ru

Аннотация. Региональные торговые соглашения (РТС) представляют собой важный инструмент мировой торговой системы. Они получают все большее развитие в последние десятилетия, поскольку дополняют действующие договоренности Всемирной торговой организации (ВТО) и ВТО+ и позволяют учесть специфические черты, свойственные отдельным регионам. Принцип обеспечения недискриминационной торговли является основным принципом многосторонней торговли ВТО, позволяя не отдавать предпочтение одному торговому партнеру перед другим. РТС являются по факту исключением из такого подхода в силу того, что именно подписанты пользуются более благоприятными условиями доступа на рынок. При этом ВТО признает законную роль РТС, которые направлены на содействие торговле между его сторонами, однако требует отсутствия создания в них торговых барьеров для третьих сторон. РТС охватывают более половины мировой торговли, и в последние годы были заключены новые трансконтинентальные соглашения — Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и Африканская континентальная зона свободной торговли. Международному сотрудничеству известны разнообразные виды РТС: от соглашений о свободной торговле до общего рынка, в том числе между странами, территориально граничащими друг с другом, или трансконтинентального характера, базирующиеся на договоренностях ВТО и ВТО+ или носящие протекционистский характер. Отражены последствия РТС для национальных экономик развивающихся стран, выявлено, что в РТС Евросоюз усиленно продвигает свои ценности в качестве абсолютной истины для всех народов и наций, и неприятие их рассматривается в качестве фактора, обуславливающего возможные рестрикции. Другие развитые экономики также накладывали обязательства на подписантов в части обеспечения трансформирования национальных экономик развивающихся стран, но в последние годы этот тренд несколько ослаб. Китай, иницируя РТС, преследует реализацию своих национальных интересов, не навязывая никаких политических, ментальных или социальных аспектов, и при этом готов к выработке взаимоприемлемых компромиссов. Трансформирование РТС в современных условиях реализуется по трем базовым направлениям: предпочтение сохранения полного суверенитета странами-подписантами; включение статей

© Перская В.В., Морковкин Д.Е., Чупин А.Л., Мамедов Т.Н., Зверева А.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

о содействии устойчивому развитию; контроль и мониторинг над обеспечением соблюдения техники безопасности труда, нанесения ущерба экологической среде, а также использования инструментов ответственного корпоративного ведения бизнеса.

Ключевые слова: государственное регулирование, либерализация, международные отношения, ответственное корпоративное управление, соглашения о свободной торговле, устойчивое развитие

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Перская В. В., Морковкин Д. Е., Чупин А. Л., Мамедов Т. Н., Зверева А. Д. Трансформация региональных торговых соглашений в условиях перехода к полицентризму // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 126–141. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-126-141>

Transition to Polycentrism and the Transformation of Regional Trade Agreements

Victoria V. Perskaya¹ , Dmitry E. Morkovkin¹ , Alexander L. Chupin² ,
Tural N. Mamedov¹ , Alexandra D. Zvereva¹

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

chupin-al@rudn.ru

Abstract. Regional trade agreements (RTAs) are important instruments of the world trade system, which have been increasingly developed in recent decades, since they complement the existing World Trade Organization (WTO) and WTO+ agreements and allow taking into account the specificities of regions. The principle of ensuring non-discriminatory trade is the main principle of multilateral trade of the WTO, or in other words, observes the rule of not favoring one trading partner over another. RTAs are, in fact, an exception to this approach, as it is the signatories that enjoy more favorable market access conditions. At the same time, the WTO recognizes the legitimate role of RTAs in facilitating trade between their parties, but requires that they not create barriers to trade with third parties. RTAs cover more than half of world trade, and new transcontinental agreements have been concluded in recent years: the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, the Comprehensive Regional Economic Partnership, and the African Continental Free Trade Area. There are different types of RTAs in international cooperation, ranging from free trade agreements to common markets, including between countries of a territorially contiguous or transcontinental nature, based on WTO and WTO+ agreements or protectionist in nature. The article reflects the consequences for the national economies of developing countries, it is revealed that the European Union in the RTAs is actively promoting its values as the absolute truth for all peoples and nations, and their non-acceptance is considered as a factor causing possible restrictions. Other developed economies have also imposed obligations on signatories in terms of ensuring the transformation of the national economies of developing countries, but in recent years this trend has weakened somewhat. China, initiating the RTA, pursues the realization of its national interests, without imposing any political, mental or social aspects, and at the same time is ready to develop mutually acceptable compromises. The transformation of RTAs in modern conditions is carried out in three basic directions: preference for the preservation of full sovereignty by the signatory countries; the inclusion of articles that condition the promotion of sustainable development; control and monitoring to ensure compliance with labor safety regulations, non-damage to the ecological environment, as well as the use of tools of responsible corporate business conduct.

Key words: government regulation, liberalization, international relations, responsible corporate governance, free trade agreements, sustainable development

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Perskaya, V. V., Morkovkin, D. E., Chupin, A. L., Mamedov, T. N., & Zvereva, A. D. (2024). Transition to polycentrism and the transformation of regional trade agreements. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 126–141. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-126-141>

Введение

Региональные торговые соглашения (РТС) являются ключевым элементом международных торговых отношений. За прошедшие годы количество РТС увеличилось не только по количеству, но и по широте охвата вопросов и их сложности. РТС по факту представляют собой развитие многосторонней торговой системы, поскольку могут являться как двусторонними, так и многосторонними (Lee, Mulabdic & Ruta, 2023).

Под РТС в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) понимается любое взаимное торговое соглашение между двумя или более партнерами, необязательно принадлежащими к одному и тому же региону. По данным на 12 февраля 2023 г., с 1948 г. в рамках ВТО были нотифицированы 583 РТС, в том числе в 2019 г. — 19 соглашений о торговле услугами и 8 — по товарам, в 2020 г. — 8 соглашений о торговле услугами и 7 — в сфере торговли товарами, в 2021 г. — 22 соглашения о торговле услугами и 42 — по торговле товарами, в 2022 г. — 2 соглашения по торговле услугами и 1 — по торговле товарами. Для сравнения: наиболее продуктивным в части нотификации РТС был 2009 г., когда было нотифицировано 17 соглашений по торговле услугами и 21 — по торговле товарами¹.

РТС в виде преференциальных торговых соглашений (ПТС) относятся к односторонним торговым привилегиям, таким как схемы Общей системы преференций и невзаимные преференциальные программы, которые ряд членов ВТО реализуют для товаров из развивающихся и наименее развитых стран. В настоящее время число учитываемых в рамках ВТО преференциальных торговых соглашений составляет более 40².

¹ Regional Trade Agreements Database // WTO. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (accessed: 12.02.2023).

² Preferential Trade Arrangements // WTO. URL: <http://ptadb.wto.org/ptaList.aspx> (accessed: 12.02.2023).

Согласно положениям ВТО, недискриминация является основным принципом многосторонней торговли, то есть члены ВТО обязаны, как правило, не отдавать предпочтение одному торговому партнеру перед другим.

Региональные торговые соглашения становятся все более важной частью международной торговой системы, охватывая более половины мировой торговли. В последние годы были заключены новые трансконтинентальные соглашения (или мегасоглашения) — Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПСТТП) (11 стран), Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) (16 стран) и Африканская континентальная зона свободной торговли (АКФТА) (54 страны)³.

В мировой практике известны различные региональные торговые соглашения: от соглашений о свободной торговле (ССТ) до общего рынка, в том числе между странами, территориально граничащими друг с другом, или трансконтинентального характера, базирующиеся на договоренностях ВТО и ВТО+ или носящие протекционистский характер.

Цель статьи — исследование трансформирования РТС/ССТ для обеспечения Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН до 2030 г., минимизации негативных последствий для экономик развивающихся стран, сохранения экологической среды и обеспечения корпоративной социальной ответственности в условиях перехода мирового сообщества к полицентричной конфигурации.

Обзор литературы

РТС/ССТ в развитии мировой торговли, которая выступала драйвером роста в рамках неолиберальной концепции, стали рассматриваться в качестве одного из инструментов

³ 2023 Multilateral and Regional Trade Agreements // International Law Institute. URL: <https://www.ili.org/training/1443-2023-multilateral-and-regional-trade-agreements/> (accessed: 12.02.2023).

содействия либерализации мировой торговли, снятия барьеров на пути движения товаров, услуг, капитала, а также снижения уровня государственного регулирования и протекционизма. Многообразие региональных торговых соглашений — соглашений о свободной торговле и таможенных союзов, включая общий рынок, — постоянно диверсифицируется, становясь важной частью права ВТО (Fratianni & Pattison, 2001, p. 340). Вместе с тем РТС/ССТ, заключаемые экономически развитыми государствами с развивающимися странами, имеют негативные последствия для последних⁴.

Ряд исследователей отмечают, что в современных условиях РТС призваны выполнять роль своеобразного «демпфера» негативных последствий для национальных хозяйств, в том числе выступая в качестве инструмента регулирования торговли в условиях кризиса многосторонней торговой системы (Зуев, Островская, Скрыбина, 2023, с. 85). В условиях кризиса торговля в рамках РТС или снижалась не так сильно, или быстрее восстанавливала докризисные объемы в сравнении с объемами торговли между странами, не имеющими региональных торговых соглашений. В.А. Мальцева и Д.А. Чупина доказывают, что подписание в последние годы мегарегиональных торговых соглашений (МРТС) стало ответом на затянувшуюся стагнацию системы многостороннего регулирования торговли в рамках ВТО. При этом авторы пытаются обосновать идею, что РТС — это степень развития международных интеграционных процессов или даже новая форма интеграции, выражающаяся в виде трансрегиональных соглашений (Мальцева, Чупина, 2017, с. 50).

Заключение трансграничных мегарегиональных соглашений (в частности ВРЭП) рассматривается как фактор усиления торгового оборота между странами Азиатско-

Тихоокеанского региона (АТР). Такие соглашения позволяют преодолеть санкционную стратегию западных стран в отношении геополитически чувствительных товарных групп в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). В целях повышения устойчивости национальных экономик стран АТР и России предлагается развивать систему РТС, которая не будет подвержена санкционному давлению и будет в наибольшей степени отвечать национальным интересам стран-участниц (Ткаченко, 2023, с. 33).

Появление мегарегиональных торговых объединений и усиление многополярности в международных отношениях, по мнению А.А. Семеновой, представляет собой свидетельство возрастания роли развивающихся экономик Глобального Юга (Семенова, 2023, с. 15).

Рассмотрению мегарегиональных торговых соглашений как новой формы торгово-экономической кооперации посвящены работы многих зарубежных и отечественных авторов, в том числе А.Н. Спартака (Спартак, 2017, с. 25), Д.А. Кузнецова (Кузнецов, 2016, с. 20), Г.М. Костюниной и В.И. Баронова (Костюнина, Баронов, 2016, с. 100), а также С.П. Бауна (Bown, 2017, p. 107) и Р. Болдуина⁵.

Вместе с тем вопросы влияния РТС на реализацию целей устойчивого развития до 2030 г., их соответствия ответственному управлению бизнесом, включая социальный аспект и «зеленое» инвестирование в современных условиях, практически оставлены без должного внимания.

Дискуссия

Трансформирование РТС в современных условиях реализуется по трем базовым направлениям:

- 1) предпочтение странами-подписантами сохранения полного суверенитета;
- 2) включение статей, обуславливающих содействие устойчивому развитию;

⁴ 3. FTAs — Advantages and Disadvantages. An Australia — United States Free Trade Agreement — Issues and Implications // Department of Foreign Affairs and Trade. Australian Government. 2001. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/Chapter3-2.pdf> (accessed: 12.02.2023).

⁵ Baldwin R. What Are Mega-Regional Trade Agreements? // World Economic Forum. July 9, 2014. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2014/07/trade-what-are-megaregionals/> (accessed: 12.02.2023).

Позитивное воздействие	Недостатки реализации
 <p>Содействие росту ВВП, либерализация торговли, снятие торговых барьеров, снижение уровня государственного вмешательства в хозяйственную деятельность</p>	 <p>Рост аутсорсинга рабочих мест, банкротство местных малых и средних предприятий</p>
 <p>Попытка компенсировать объемами торговли снижение уровня государственных доходов</p>	 <p>Слабый контроль за техникой безопасности, загрязнение окружающей среды</p>
 <p>Трансфер технологий, рост технологических инноваций, технологической конкурентоспособности национальной экономики стран-реципиентов</p>	 <p>Деградация природных ресурсов развивающихся экономик</p>

Рис. 1. Сравнительный анализ положительных и негативных эффектов РТС/ССТ

Источник: составлено авторами.

3) контроль и мониторинг за обеспечением соблюдения техники безопасности труда и ненанесения ущерба экологической среде, а также использованием инструментов ответственного корпоративного ведения бизнеса или принципов экологического, социального и корпоративного управления (*environmental, social, and corporate governance, ESG*).

Соглашения о свободной торговле должны способствовать устранению протекционизма, который также имеет свои недостатки. Торговый протекционизм приводит к высоким тарифам и лишь на короткое время защищает отечественную промышленность. В долгосрочной перспективе глобальные корпорации будут нанимать самых дешевых работников, где бы они ни находились, чтобы получать более высокую прибыль. Поэтому для обеспечения оптимального баланса предполагается включение в соглашение соответствующих статей, позволяющих минимизировать негативные последствия⁶ (рис. 1).

⁶ Amadeo K. Pros and Cons of Free Trade Agreements Free Trade Grows Economies, but It Increases Job Outsourcing // The Balance. April 23, 2022. URL: <https://www.thebalancemoney.com/free-trade-agreement-pros-and-cons-3305845> (accessed: 12.02.2023).

Таким образом, государства — подписанты РТС/ССТ в условиях полицентризма должны заботиться об обеспечении баланса положительных и негативных последствий для национальных хозяйств.

В устоявшемся представлении, отвечающем неолиберальной концепции экономики, процесс интеграции должен ориентироваться на достижение так называемой полной интеграции. Наиболее показательным примером подобной эволюции является Евросоюз, прошедший путь от Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали 1951 г. до Договора о Европейском союзе (Маастрихтский договор) 1992 г. Последний в качестве трех базовых составляющих (*pillars*) Евросоюза определил экономический и валютный союз, общую внешнюю политику и политику безопасности, а также единую политику в области внутренних дел и юстиции. При этом государства-члены осуществляют позитивную уступку национального суверенитета в пользу наднациональных органов.

В отличие от Европейского союза общий рынок стран Южной Америки (*Mercado Común del Sur*, Меркосур), являясь межправительственной организацией, ориентирован на экономическое сотрудничество. Меркосур

объединяет Аргентину, Уругвай, Парагвай, Бразилию и ряд ассоциированных стран. При этом страны — участницы МЕРКОСУР, устраняя нетарифные барьеры и разрабатывая общую политику в области конкуренции, чтобы заполнить свой внутренний рынок, не преследуют цели превратить Меркосур в наднациональный политический орган, способствующий дальнейшей экономической и политической интеграции. Несмотря на наличие парламента Меркосур, все страны-члены предпочитают небольшую политическую интеграцию с минимальной региональной бюрократией и ограниченной общей политикой.

Примером континентального объединения, также созданного в современных условиях, является Африканский союз (АС), который наметил горизонт планирования до 2063 г. Ожидается, что к указанному году в Африке будет достигнуто повышение уровня жизни, начнутся преобразования и получит развитие инклюзивная и устойчивая экономика (Волков, Дейч, 2020, с. 75), будет реализовываться стратегия повышения уровня региональной и континентальной интеграции. Кроме того, согласно программе АС, развитие африканских обществ пойдет по пути защиты женщин и детей и их равноправия, на континенте будут созданы условия для мирного сосуществования, развития демократических ценностей и практической реализации принципов управления, нацеленных на общее благо, сохранение и укрепление культурной самобытности Африки⁷.

По данным опросов, проводимых Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), к середине 2022 г. РТС стали фокусироваться на следующих вопросах, относящихся к ЦУР: устойчивое развитие в концептуальном понимании преследуемых целей, права занятых и соблюдение трудовых стандартов, права граждан в целом, защита окружающей среды, содействие развитию малых и средних предприятий, развитие систем здравоохранения,

⁷ Key Transformational Outcomes of Agenda 2063 // African Union. URL: <https://au.int/agenda2063/outcomes> (accessed: 12.02.2023).

достижение гендерного разнообразия и равенства. На рис. 2 отражена динамика роста количества РТС, связанных с ЦУР ООН до 2030 г.

Спецификой РТС в части обеспечения устойчивого развития стали разделы, которые обозначают взаимозависимость развития партнерских отношений, что должно содействовать как региональной устойчивости, так и благополучию каждой из сторон РТС.

Одновременно в РТС в рамках повестки устойчивого развития включаются разделы о трудовых правах граждан в соответствии с рекомендациями Международной организации труда, разрешении споров по трудовым отношениям, распространении традиционных знаний, которые, как правило, соответствуют ментальности и обычаям развивающихся стран. РТС также содержат положения о важности сохранения права участников РТС на регулирование его положений в условиях необходимости реализации общественных интересов.

Симптоматично, что РТС, заключаемые развитыми странами, как правило, содержат положения, которые повторяют критериальные ценности Евросоюза⁸, поскольку в развитых странах ЕС воспринимается как эталон полной интеграции. В этой связи в РТС приоритет отдается развитию здравоохранения, малого и среднего бизнеса. Для развитых стран, таких как Канада, Япония и Австралия, характерно желание создать институциональную структуру, которая бы регулировала и контролировала процесс обеспечения реализации целей РТС.

В частности, согласно ст. 23.1–23.3 ВПСТП⁹, стороны исходят из того, что экономический рост должен быть нацелен на сокращение бедности при обеспечении устойчивого предоставления основных услуг

⁸ Making Trade Policy // European Commission. 2022. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/policymaking/sustainable-development/> (accessed: 12.02.2023).

⁹ Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership // Department of Foreign Affairs and Trade. Australian Government. 2018. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/tpp-11-treaty-text.pdf> (accessed: 12.02.2023).

и рост возможности людей для ведения здорового образа жизни. Одновременно стороны исходят из того, что экономический рост на широкой основе будет способствовать миру, стабильности, демократическим институтам, привлекательным инвестиционным возможностям и эффективности в решении региональных и глобальных проблем.

РТС должны способствовать укреплению торговых отношений и сотрудничества между сторонами, содействуя тем самым устойчивому развитию, но не гармонизации экологических или трудовых норм участников РТС. Подобный подход доминирует в восприятии роли РТС в истекшем периоде практически всех развивающихся стран.

Представляется важным исследование (2023 г.), посвященное роли статей РТС, связанных с устойчивостью, в создании глобальных цепочек стоимости (ГЦС). Британский исследователь Дж. Харрисон отмечает, что социальные и экологические обязательства в рамках РТС по факту налагаются на хозяйствующие субъекты, создающие ГЦС, а сами

правительства играют роль контролера и наблюдателя (Harrison, 2023). В исследовании отмечается, что навязываемые развитыми странами экологические или социальные нормативы могут позитивно воздействовать на ГЦС только в том случае, если правительства создадут систему функционирования этих стандартов внутри страны, особенно в экспортно ориентированных отраслях. Таким образом, очевидна важность развития государственного регулирования хозяйственной деятельности, что не представляется возможным в контексте неолиберализма, обуславливающего снижение роли государства в национальной экономике в рамках заключенных РТС или соглашений о зонах свободной торговли (ЗСТ). В этой связи пожелания по устойчивости развития, содержащиеся в РТС, могут получить практическую реализацию на уровне ГЦС только при создании в отдельных государствах эффективной правовой бизнес-среды и повышения роли государства в регулировании хозяйственной деятельности.

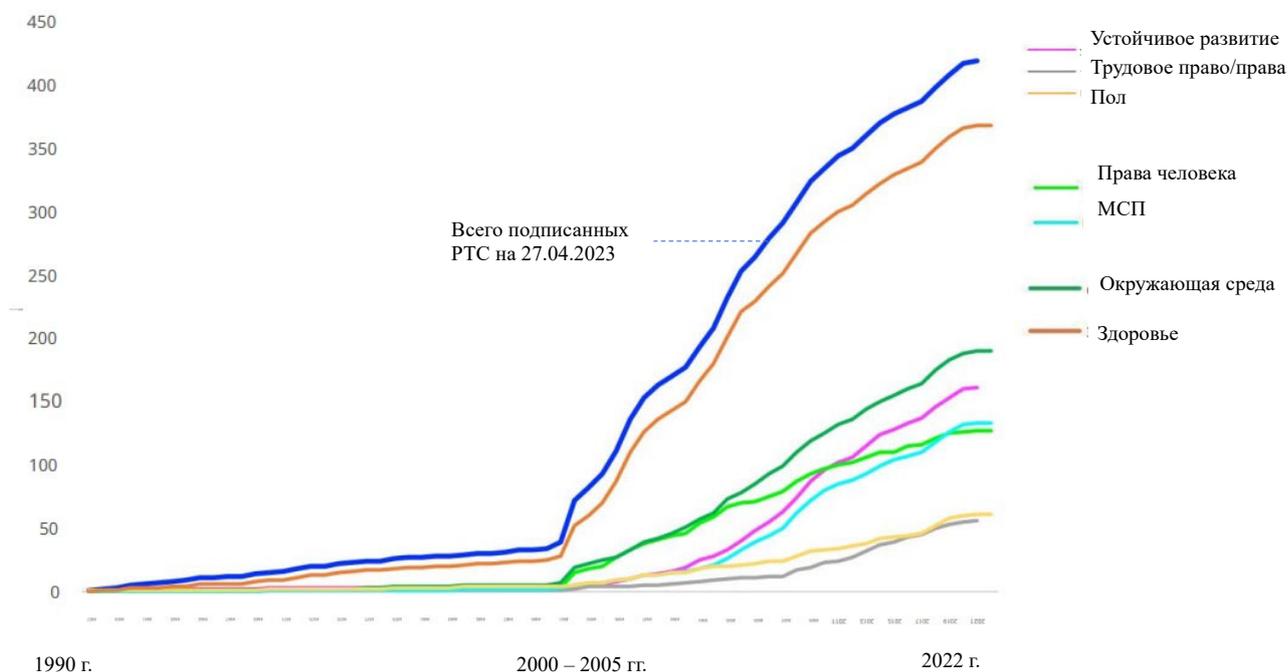

Рис. 2. Схематичное отражение содержания РТС, связанных с ЦУР ООН до 2030 г.

Источник: Malingrey L., Duval Y. Mainstreaming Sustainable Development in Regional Trade Agreements: Comparative Analysis and Way Forward for RCEP // ARTNeT Working Paper Series. July 2022. No. 213. P. 5. URL: <https://www.unescap.org/kp/2022/mainstreaming-sustainable-development-regional-trade-agreements-comparative-analysis-and> (accessed: 12.02.2023).

Участники РТС также сталкиваются с проблемами в ходе реализации статей, касающихся охраны экологической среды и ответственного социального управления. Например, исследование соглашений о свободной торговле, затрагивающих 189 стран в период с 2001 по 2012 г., выявило «большой и статистически значимый рост вырубки лесов в течение 3 лет с момента вступления в силу РТС, что отвечает цели преобразования сельскохозяйственных земель» (Abman & Lundberg, 2020, p. 35).

Влияние соглашений о свободной торговле на положение занятых в реальном секторе показало, что благодаря торговому соглашению с ЕС в Молдове при снижении тарифов и упрощении процедур вывоза продукции швейной промышленности экспорт существенно вырос, особенно в Великобританию и Италию. Это стабилизировало ситуацию с занятостью женщин, но конкурентное давление со стороны ведущих фирм Великобритании и Италии при слабости системы охраны труда в Молдове привело к закреплению низкой заработной платы и сильной зависимости от сдельной оплаты труда, использованию неоплачиваемого или низкооплачиваемого сверхурочного труда. В связи с этим трудовые, правовые и экологические вопросы в рамках РТС, включающих развивающиеся страны, сталкиваются с проблемами правоприменения, что негативно отражается на социально-общественном климате в стране (Smith et al., 2020).

Нам представляется несколько радикальной данная Дж. Харрисоном оценка имплементации связанных с устойчивым развитием статей региональных торговых соглашений. Его оценка сводится к обвинению развитых стран, навязывающих развивающимся странам такие статьи посредством РТС, в замаскированном протекционизме и/или неоколониализме. Замаскированный протекционизм выражается в том, что государства стремятся ограничить международную торговлю в интересах отечественных производителей, используя при этом оправдание социальных и экологических проблем, чтобы придать этим действиям видимость морального

доверия. «Неоколониализм означает контроль над менее развитыми странами со стороны развитых стран не посредством прямого завоевания и правления, а, скорее, косвенными средствами, например, путем использования своих экономических рычагов. Требование от правительств развивающихся стран подчиняться экологическим и социальным условиям, диктуемым развитыми странами, чревато обвинениями как в скрытом протекционизме, так и в неоколониализме. Это подрывает легитимность программы торговых связей на протяжении многих лет: от дебатов о социальной оговорке и экологических условиях в ВТО до опасений по поводу неоколониализма в отношении экологических условий, которых добивается ЕС в своей торговой сделке, переговоры по которой в настоящее время ведутся со странами Меркосур» (Harrison, 2023).

В последние годы в ССТ или РТС стали включаться положения об устойчивом развитии, выходящие за рамки добровольного внедрения. Речь идет, в частности, о продвижении правил корпоративной социальной ответственности (принципы *ESG*), которые налагают конкретные обязательства на непосредственные хозяйствующие субъекты.

Например, вступившее в силу в 2021 г. соглашение между странами Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и Индонезией (*EFTA — Indonesia CEPA*) предусматривает, что производство пальмового масла не должно быть связано с социальными и экологическими последствиями, такими как вырубка лесов, перемещение населения, загрязнение воздуха и воды, широко распространенные нарушения трудовых прав и уничтожение торфяных земель. При этом раздел «Торговля и устойчивое развитие» документа обязывает продавать все растительные масла и их производные в соответствии с «законами, политикой и практикой, направленными на защиту первичных лесов, торфяников и связанных с ними экосистем, прекращение вырубки лесов, осушения торфа и пожаров, а также сокращение расчистки территории для подготовки земель, сокращение загрязнения воздуха и воды

и уважение прав местных и коренных общин и работников»¹⁰.

Ряд исследований (Yao et al., 2019), посвященных влиянию РТС и ССТ на экологическую обстановку, подтвердили, что рост объемов торговли способствует выбросам в атмосферу и требует совершенствования системы утилизации отходов. Более того, было доказано, что для стран с высоким уровнем доходов выгодно подписывать соглашения о свободной торговле со странами, близкими по уровню доходов и интересам, поскольку стандарты производства продукции уже соблюдаются национальными игроками. Следовательно, выбросы в атмосферу идентичны. Соглашения о свободной торговле между странами с доходом выше среднего и ниже среднего не приносят пользы окружающей среде, причем для стран с низким уровнем доходов уровень выбросов существенен, даже если ССТ или РТС оговаривают мягкие экологические стандарты. Страны с низким уровнем доходов стремятся повысить свою долю в мировой торговле, поэтому их нормы выбросов CO₂, как правило, существенно ниже, чем в развитых странах, имеющих доступ к передовым технологиям. Характерно, что ССТ/РТС легитимизируют для стран с высоким уровнем дохода фактический перенос отраслей производства, интенсивно загрязняющих окружающую среду, в слабо регулируемые районы развивающихся стран.

В ходе исследования авторы приходят к выводу, что богатые страны несут ответственность за формирование «районов загрязнения». С одной стороны, при небольших трансграничных расстояниях между партнерами РТС обуславливают рост объемов торговли, а с другой — содействуют более значительному загрязнению окружающей среды.

Однако фактическая оценка выбросов CO₂ на основе эконометрической модели

общего равновесия (common general equilibrium, CGE) на примере РТС ЕС и Южной Кореи показала, что выбросы CO₂ увеличились в ЕС на 0,12 %, а в Корею — на 0,19% именно вследствие развития свободной торговли со сниженными тарифами. Однако общемировые глобальные выбросы CO₂ сократились (–0,02 %) в результате того, что РТС, способствуя росту объемов взаимной торговли ЕС и Кореи, привели к сокращению торговли между ЕС и США и ЕС и Китаем¹¹.

Нам представляется интересным факт оценки связи между использованием Интернета и загрязнением окружающей среды, особенно выбросами CO₂, поскольку использование Интернета играет важную роль в обеспечении возможности торговли услугами и товарами, а также в глобализации Интернета и связанных с ним услуг. Так, страна — производитель продукции выбрасывает в атмосферу больше углекислого газа по сравнению со страной, покупающей продукцию. Согласно вышеприведенным аналитическим аргументам, предполагается, что для обеспечения устойчивых ГЦС и снижения экологической нагрузки истеблишменту развивающихся стран следует несколько осторожнее заключать соглашения о свободной торговле, поскольку такие соглашения в значительной степени способствуют росту выбросов CO₂ и загрязнению окружающей среды, особенно в развивающихся экономиках. При этом рекомендуется, чтобы страны с низким уровнем дохода занимались более чистым производством и не развивали производства, не отвечающие экологическим стандартам (Yao et al., 2019). Хотя последнее пожелание должно реализовываться либо путем введения более высоких технологических стандартов, либо эволюционным путем, в рамках которого реальный сектор развивающейся экономики обеспечивает экологически чистое производ-

¹⁰ Comprehensive Economic Partnership Agreement Between the Republic of Indonesia and the EFTA States // EFTA. December 16, 2018. P. 45–51. URL: <https://www.efta.int/sites/default/files/documents/legal-texts/free-trade-relations/indonesia/efta-indonesia-main-agreement.pdf> (accessed: 12.02.2023).

¹¹ Enhancing Sustainability in EU Free Trade Agreements: The Case for a Holistic Approach // Institute for European Environmental Policy. April 2022. P. 22. URL: <https://ieep.eu/wp-content/uploads/2022/12/Enhancing-sustainability-in-EU-Free-Trade-Agreements.-The-case-for-a-holistic-approach-IEEP-2022.pdf> (accessed: 12.02.2023).

ство, одновременно развивая соответствующий национальный кадровый потенциал (Абрамова, Фитуни, 2018).

Страны — члены ЕС осознают, что включение ими в РТС/ССТ экологических и социальных нормативов существенным образом осложняет реализацию договоренностей и формирует негативный имидж Западной Европы как партнера. Обращает на себя внимание тот факт, что оценка негативного воздействия РТС/ССТ производится странами ЕС исключительно в контексте содействия достижению целей устойчивого развития. Иными словами, создаваемые для развивающихся стран трудности¹², связанные с внедряемыми ЕС экологическими и социальными стандартами, оцениваются в контексте содействия реструктуризации экономики развивающихся стран для достижения ЦУР ООН до 2030 г.¹³

ЕС также рассматривает РТС/ССТ как инструмент реформирования национальных экономик развивающихся стран. Так, например, реализация ЗСТ ЕС — Вьетнам практически заморожена в связи с несоответствием структуры и характера деятельности профсоюзов в СРВ стандартам Европейского Совета по правам человека. Вьетнамские профсоюзы расцениваются как зависимые от руководства страны. В этой связи в качестве базовых рекомендаций ЕС рассматривает использование РТС/ССТ как механизм внедрения ценностей Евросоюза, которые отвечают требованиям по достижению устойчивого развития. При этом предполагается, что сами соглашения должны содержать статьи, которые позволят

¹² Отрицательные побочные эффекты включают: выбросы CO₂, угрозы биоразнообразию и несчастные случаи на производстве, финансовые побочные эффекты — угроза раскрытия коммерческой тайны, риск перевода прибыли на офшорные счета, а также вторичные эффекты сотрудничества — организованная преступность и экспорт оружия.

¹³ Enhancing Sustainability in EU Free Trade Agreements: The Case for a Holistic Approach // Institute for European Environmental Policy. April 2022. P. 22. URL: <https://ieep.eu/wp-content/uploads/2022/12/Enhancing-sustainability-in-EU-Free-Trade-Agreements.-The-case-for-a-holistic-approach-IEEP-2022.pdf> (accessed: 12.02.2023).

надзорным органам ЕС контролировать соблюдение партнерами критериев свободы и защиты ценностей ЕС. В противном случае предлагается активно использовать санкционный механизм.

Такого рода подход представляется нам несколько циничным и отражающим по факту неокOLONIALное превосходство развитых экономик и их пренебрежение ко всем прочим народам, которые, скорее всего, воспринимаются как неполноценные. Только так можно объяснить стремление развитых стран ввергнуть весь остальной мир в пучину бедствий, разгула преступности и вооруженные конфликты, лишь бы добиться реализации ЦУР ООН до 2030 г.¹⁴

РТС в условиях развития полицентризма

Становление полицентричного мира базируется на гарантии национального суверенитета, социально-духовной и ментальной идентичности для государств как институтов, управляющих социумом.

Неолиберальная модель опиралась на всемерную либерализацию торговых потоков, причем без учета взаимных национальных интересов контрагентов, говоря, что растущая взаимозависимость экономик — это гарантия безопасности, поступательности развития и роста благосостояния народа. Эти постулаты на практике оказались иллюзорными, поскольку социальная диспропорциональность усугубилась как в развитых, так и развивающихся странах. Средний класс в развитых странах фактически исчез¹⁵, а доступность социальных лифтов ограничивается идеологемами неолиберализма и сетевого управления мировым сообществом, отрицающими

¹⁴ Sustainable Development in EU Trade Agreements // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/development-and-sustainability/sustainable-development/sustainable-development-eu-trade-agreements_en (accessed: 12.02.2023).

¹⁵ Dickler J. Amid Inflation, More Middle-Class Americans Struggle to Make Ends Meet // CNBC. January 18, 2023. URL: <https://www.cnbc.com/2023/01/18/amid-inflation-more-middle-class-americans-struggle-to-make-ends-meet.html> (accessed: 12.02.2023).

национальные интересы отдельных стран и потребность в сохранении идентичности.

Полицентризм предполагает обеспечение полного национального суверенитета, а внешнеторговая деятельность не может выступать основным драйвером национального хозяйственного развития, поскольку она должна быть подчинена задаче обеспечения национального суверенитета (Anfinson et al., 2023).

При этом государство регулирует тарифную политику, руководствуясь оговоренным в РТС порядком (Grübler & Reiter, 2021). Примером может служить корректировка таможенно-тарифной политики рядом стран. Так, Индия снизила налог на экспорт дизельного топлива, отменила антидемпинговые пошлины на пневматические радиальные шины из КНР и ввела их на китайские бесшовные трубы из нержавеющей стали. Казахстан ввел экспортные пошлины на семена подсолнечника и установил корпоративный подоходный налог для компаний цифрового майнинга (Song et al., 2024). В соответствии с вступившим в силу расширенным соглашением между ЕС и Чили 99 % товаров ЕС освобождается от тарифов. Соглашение также расширяет доступ Евросоюза к чистой энергии и сырью (литий, медь и водород), связанному с «зеленой» трансформацией, обеспечивает более широкую интеграцию в телекоммуникации Чили, а также предоставляет право пользоваться водными транспортными путями и оказывать финансовые услуги¹⁶.

КНР также с 1 января 2023 г. реализует скорректированную тарифную политику в рамках ВРЭП и двусторонних РТС. В частности, введена предварительная ставка налога на импорт ниже ставки налога наибольшего благоприятствования для 1 020 товаров, при этом общий уровень тарифной нагрузки составит 7,3 % (Xu et al., 2023). 2 января 2023 г., после присоединения Индонезии к ВРЭП,

Китай ввел согласованную налоговую ставку, применимую в указанном году к государствам — членам партнерства на некоторые импортируемые из Индонезии товары¹⁷. Китай также снизил пошлины на продукты питания (гомогенизированные смеси для младенцев и детей младшего возраста, замороженную голубую треску, орехи кешью) и небольшие бытовые приборы — кофеварки, соковыжималки и фены. Снижение налоговой ставки на гомогенизированные комбикорма, мороженую рыбу и другие товары не может составлять менее 50 %. С 1 июля 2023 г. Китай также реализует восьмой этап снижения налога на ставку режима наибольшего благоприятствования (РНБ) для 62 высокотехнологичных товаров. После корректировки общий уровень тарифов в Китае будет снижен с 7,4 до 7,3 %¹⁸.

КНР проводит политику постоянного снижения тарифов для новых членов ВРЭП. Так, Таможенно-тарифная комиссия Госсовета КНР четко заявила, что будет и дальше снижать тарифы в соответствии с соглашениями о свободной торговле между Китаем и Новой Зеландией, Южной Кореей, Австралией, Камбоджей и ВРЭП: «Благодаря всестороннему внедрению ВРЭП новозеландские компании получили более выгодные тарифы и более приемлемые условия торговли. Произошло улучшение бизнес-среды, что повысило объемы экспорта в КНР, обеспечив китайским потребителям доступ к высококачественной продукции»¹⁹.

За счет реализации РТС страны-участницы стимулируют развитие регионального международного хозяйственного взаимодействия, при этом используя преимущества каждой стороны в системе международного разделения труда. Одновременно эффект РТС базируется на преимуществах так

¹⁶ Dickler J. Amid Inflation, More Middle-Class Americans Struggle to Make Ends Meet // CNBC. January 18, 2023. URL: <https://www.cnbc.com/2023/01/18/amid-inflation-more-middle-class-americans-struggle-to-make-ends-meet.html> (accessed: 12.02.2023).

¹⁷ Guan shui lian jiang, kai fang hong li jia kuai shi fang // Renmin Ribao [Тарифы постоянно снижались, а первые дивиденды выплачивались ускоренными темпами // Жэньминь жибао]. 10.01.2023. (На китайском языке). URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2023/0110/c1004-32603060.html> (accessed: 12.02.2023).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

называемой «экономики масштаба» за счет сокращения транзакционных издержек при благоприятном внешнеполитическом климате, увеличении объемов товарообменных операций, включая услуги, что способствует структурной трансформации национальных экономик в соответствии с их стратегическими целями и задачами, направленными на повышение благосостояния населения стран — участниц РТС.

При этом не следует идентифицировать РТС с региональной интеграцией, хотя ряд видов РТС представляет собой ступени развития таковой²⁰. РТС может способствовать региональной интеграции, но эволюционно, то есть без использования административных рычагов и мер управления. РТС может содействовать повышению темпов роста ВВП стран-участниц, производительности труда и сокращению издержек, но процесс формирования региональных рынков товаров и услуг может занять десятилетия, поскольку мировая конкурентная среда быстро меняется, и партнеры могут отдавать предпочтение в развитии хозяйственных связей контрагентам из других регионов. Однако даже в этих условиях РТС могут способствовать развитию как горизонтальной, так и вертикальной кооперации²¹.

Например, Евросоюз рассматривает заключаемые торговые соглашения (их более 40) не столько в контексте их постоянного совершенствования и дополнения актуаль-

²⁰ В настоящее время эксперты отмечают наличие следующих форм региональной экономической интеграции: зоны свободной торговли (ЗСТ) или зоны специального хозяйственного режима; таможенный союз (ТС); единый или общий рынок; экономический союз, который на основе опыта Европейского союза дополнен валютным союзом.

²¹ Горизонтальная кооперация предполагает кооперирование хозяйствующих субъектов одной отрасли на одном отраслевом рынке. Вертикальная кооперация — это межотраслевое взаимодействие на основе создания ГЦС субъектами разных отраслей и отраслевых рынков, где базовым актором, как правило, выступают транснациональные корпорации (ТНК) / многонациональные предприятия (МНП), которые аккумулируют в своих руках, как правило, права интеллектуальной собственности и инвестиционный потенциал, что в совокупности варьируется в пределах 30–40 % от создаваемой конечной стоимости. См.: (Перская, Эскиндаров, 2022, с. 60).

ными статьями, сколько преимущественно в рамках «содействия рынкам», ставя главной целью снижение таможенных тарифов (Kaliske, 2023). Вместе с тем, например, Соглашения о стабилизации и ассоциации с шестью странами Западных Балкан содержат дополнительные положения, направленные на подготовку балканских государств к интеграции в рынок ЕС.

С рядом развитых стран (Канада, Япония и др.) имеют место более широкие обязательства по либерализации торговли товарами и услугами, а также по инвестициям, государственным закупкам, регулированию конкуренции и субсидиям. Одновременно в Соглашении об экономическом партнерстве с Японией присутствуют раздел о малых и средних предприятиях, а также специальные положения об информационных и телекоммуникационных услугах и электронной коммерции. В ЕС разработан и особый тип соглашений, который сосредоточен на унификации нормативно-правовой базы партнеров (Грузия, Молдова, Украина) с законодательством ЕС, особенно в областях, связанных с торговлей.

В Евросоюзе распространены и так называемые асимметричные торговые соглашения, направленные на содействие международному развитию. Такие соглашения предполагают, что ассоциирующийся с ЕС партнер либерализует около 80 % торговли в течение 15–20 лет, а ЕС предоставляет ему беспешинный и неквотируемый доступ на европейский рынок с момента вступления документа в силу (Marchewka-Bartkowiak, 2023).

В свою очередь, Соглашение об экономическом партнерстве (СЭП) с Карибским регионом дополнительно включает положения об услугах, инвестициях и других вопросах, связанных с торговлей. К регионам, которым ЕС оказывает содействие в развитии, относятся Западная Африка (Гана, Кот-д'Ивуар), Центральная Африка (Камерун), Восточная и Южная Африка (Волков, Константинова, 2023, с. 159), а также постсоветское пространство (Азербайджан, Армения и Казахстан).

В РТС/ССТ включаются разделы, содействующие субсидированию со стороны государств в сферу производства экологически чистой продукции, а также разделы, нацеленные на содействие торговле и инвестициям в *ESG* (Ajabli et al., 2023). Эти положения зафиксированы в РТС между Канадой и Европейским союзом (Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение, *CETA*), в ВПСТТП (Австралия, Бруней, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур и Вьетнам), а также в ЮСМКА (США, Мексика и Канада)²².

Особое внимание при разработке РТС уделяется содействию торговле экологичными товарами, однако нет единого подхода к определению того, что может считаться экологичным товаром. В отсутствие общепризнанного определения «экологичного товара» ВТО сосредоточилась на согласовании конкретного списка товаров, предложенного развитыми странами. В него были включены товары, производство или применение которых не соответствует требованиям сохранения окружающей среды, — например, трубы, которые могут использоваться как на производствах, загрязняющих природу, так и на экологически чистых предприятиях.

Представители Индии и Аргентины в ВТО выразили озабоченность по поводу представленных списков, которые содержат наименования товаров «двойного назначения» с ограниченными экологическими характеристиками. Они также выразили обеспокоенность перспективами сохранения своего промышленного сектора, на который повлияет широкомасштабная либерализация тарифов. Вместо этого они предложили отказаться от тарифов на временной основе только для товаров и услуг, предназначенных для утвержденных экологических проектов

²² Bellmann C., Sugathan M. Promoting and Facilitating Trade in Environmental Goods and Services: Lessons from Regional Trade Agreements // Forum on Trade, Environment & the SDGs (TESS). June 2022. P. 6. URL: <https://cdn2.assets-servd.host/lyrical-cormorant/production/assets/images/Publications/TESS-Technical-Paper-Promoting-and-Facilitating-Environmental-Goods-and-Services.pdf?dm=1678460883> (accessed: 12.02.2023).

(«проектный подход»). Однако развитые страны заблокировали эти предложения.

Таким образом, ВТО не смогла обеспечить единообразный подход к определению понятия экологичного товара.

В этой связи практически все заключаемые РТС/ССТ содержат полный список групп товаров и услуг, относимых к экологически чистой продукции всеми подписантами соглашения. Подходы сторон, как правило, фокусируются на конкретных экологических проблемах, в том числе возобновляемых источниках энергии, энергоэффективности или органическом сельском хозяйстве. В качестве отправной точки в РТС разрабатываются специальные положения по решению вопросов, связанных с устранением практики применения конкретных нетарифных мер, влияющих на торговлю в этих областях²³.

Говоря о значении РТС/ССТ в условиях формирования полицентричного мирового порядка, следует подчеркнуть, что принципиальной правовой основой для таких соглашений выступают Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ) и ВТО. В современных условиях перед ВТО ставится задача более пристального изучения последствий массового роста числа региональных торговых соглашений. В частности, проводится разработка и организация образовательных программ для всех стран ВТО, включая развитые страны, с тем чтобы помочь правительствам и предприятиям в полной мере воспользоваться возможностями, предоставляемыми многосторонними и региональными торговыми соглашениями, а также содействовать решению проблем национальных экономик. ВТО добилась некоторых успехов на этом поприще, однако полный провал Дохинского раунда продемонстрировал, что организация потерпела неудачу в одной из своих основных функций — организации многосторонних торговых переговоров²⁴.

²³ Ibid. P. 28.

²⁴ 2023 Multilateral and Regional Trade Agreements // International Law Institute. URL: <https://www.ili.org/training/1443-2023-multilateral-and-regional-trade-agreements/> (accessed: 12.02.2023).

Еще одна важная функция ВТО состоит в урегулировании споров между членами, и до недавнего времени организация справлялась с ее выполнением. Однако право вето на назначение новых членов Апелляционного органа ВТО, находящееся в руках у США, поставило под удар реализацию данного направления деятельности Всемирной торговой организации.

В этой связи включение в РТС/ССТ разделов об урегулировании споров и противоречий позволяет восполнить функционал ВТО на региональном уровне. РТС становятся все более важной частью международной торговой системы, охватывая более половины мировой торговли, и их значимость будет возрастать, поскольку подобные соглашения позволяют на взаимной основе учитывать национальные интересы всех партнеров²⁵.

²⁵ В условиях нестабильной международной обстановки ВРЭП обеспечивает стабильность и порядок в мировой экономике, принося значительные дивиденды хозяйствующим субъектам, укрепляя доверие государств-членов и содействуя восстановлению региональной экономики. Согласно данным Главного таможенного управления КНР и Министерства торговли Китая, с января по ноябрь 2022 г. общий объем импорта и экспорта между Китаем и другими странами — членами ВРЭП составил 11,8 трлн юаней, увеличившись в годовом исчислении на 7,9, или 30,7 % от общего объема внешней торговли Китая. Среди них экспорт Китая в другие страны ВРЭП достиг 6 трлн юаней, увеличившись в годовом исчислении на 17,7 % и превысив общий темп роста экспорта Китая на 5,8 %. Что касается темпов роста внешнеторгового оборота КНР со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), то общий объем импорта и экспорта между Китаем и странами объединения вырос на 15,5 %, а динамика роста объемов торговли с такими странами, как Малайзия, Сингапур и Индонезия, превысила 20 %. При этом ВРЭП помогает снижать затраты, стабилизировать цепочки поставок и способствовать развитию внутрирегиональной торговли и росту бизнеса. 75 % опрошенных компаний указали, что планируют расширить свои цепочки поставок в Китай в ближайшие два года, а 93 % планируют увеличить свою торговлю с КНР. Более 40 % компаний ожидают, что их бизнес в Китае позволит нарастить объемы производства на 30 % в 2023–2024 гг. См.: 2023: RCEP cu jin fu su wei lai ke qi // Zhong hua ren min gong he guo shang wu bu [2023: ВРЭП может способствовать восстановлению в будущем // Министерство коммерции КНР]. 09.01.2023. (На китайском языке).

По экспертным оценкам, РТС/ССТ позволяют странам формировать атмосферу доверия и гармонии на региональном уровне, развивая дружеские отношения. Например, для стран — членов ВРЭП приоритет имеют промышленная взаимодополняемость, тесные взаимные торговые и инвестиционные отношения, широкое пространство сотрудничества, чему способствует открытие национальных рынков, которое в то же время регулируется в соответствии с национальными интересами стран²⁶.

Заключение

1. РТС/ССТ, сохраняя в своей основе базовые принципы договоренностей ВТО, в современных условиях позволяют не только расширить сегменты взаимодействия, но и на взаимоприемлемой основе оперативно проводить корректировку тарифной политики, не нанося существенного ущерба партнерам по соглашению.

2. В условиях становления полицентричной конфигурации миропорядка региональные торговые соглашения, в том числе мега-соглашения, связывающие экономики стран разных континентов, становятся наиболее приемлемым инструментом развития международного сотрудничества, поскольку позволяют как оперативно учитывать политическую составляющую, так и регулировать экономическое взаимодействие в соответствии с национальными интересами партнеров и необходимостью обеспечения экономической безопасности.

3. В условиях полицентризма перед государствами стоит задача сохранения полноценного национального суверенитета. В этой связи торгово-экономическое партнерство может выступать исключительно в качестве

URL: http://fta.mofcom.gov.cn/article/rcep/rcepfgfd/202301/51784_1.html (accessed: 12.02.2023).

²⁶ Xu ning ning: 2023 nian shi jie shang zui da zi you mao yi qu RCEP shi shi zhan wang // Guo ji wang [Сюй Ниннин: перспективы реализации ВРЭП, крупнейшей в мире зоны свободной торговли в 2023 году // Cfisnet]. 17.01.2023. (На китайском языке). URL: <http://comment.cfisnet.com/2023/0117/1327223.html> (accessed: 12.02.2023).

вспомогательной составляющей национального развития, поскольку основные драйверы национальной экономики должны формироваться исходя из особенностей самой хозяйственной системы. Именно тогда региональные торговые соглашения будут содействовать поддержанию стабильных хозяйственных связей с иностранными контрагент-

тами, обеспечивать возможность стратегического долговременного прогнозирования и планирования динамики ВВП отдельных стран, упрощать выход хозяйствующих субъектов на рынки других стран, снимая тарифные и административные барьеры, а также поддерживать формируемые ими цепочки создания стоимости в долгосрочной перспективе.

Поступила в редакцию / Received: 23.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 02.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.12.2023

Библиографический список

- Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 12. С. 5–14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14>
- Волков С. Н., Дейч Т. Л. Африка в формирующейся модели мироустройства // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 7. С. 73–77. <https://doi.org/10.31857/S032150750010106-8>
- Волков С. Н., Константинова О. В. Африканская континентальная интеграция — новый шаг на пути к многополярному миру // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 1. С. 157–167. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-157-167>
- Зуев В. Н., Островская Е. Я., Скрябина В. Ю. Региональные торговые соглашения: эффект демпфера // *Вопросы экономики*. 2023. № 2. С. 83–99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-83-99>
- Костюнина Г. М., Баронов В. И. Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // *Международная жизнь*. 2016. № 2. С. 90–112. EDN: VMBNHZ
- Кузнецов Д. А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // *Сравнительная политика*. 2016. Т. 7, № 2. С. 14–25. EDN: WQUUFB
- Мальцева В. А., Чутина Д. А. Региональные и мегарегиональные торговые соглашения: торговля сельскохозяйственной продукцией в Транстихоокеанском партнерстве // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2017. Т. 12, № 1. С. 43–65. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-01-43>
- Перская В. В., Эскиндаров М. А. Полицентризм. Москва : КУРС, 2022.
- Семенова А. А. Мегарегиональные торговые соглашения: угроза или новое перспективное направление либерализации мировой торговли? // *Экономические отношения*. 2023. Т. 13, № 1. С. 11–24. <https://doi.org/10.18334/eo.13.1.117347>
- Спартак А. Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. № 4. С. 13–37. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37>
- Ткаченко А. А. Мегасоглашения о торговле в глобальной экономике // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023. № 1. С. 26–43. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-1-26-43>
- Abman R., Lundberg C. Does Free Trade Increase Deforestation? The Effects of Regional Trade Agreements // *Journal of the Association of Environmental and Resource Economists*. 2020. Vol. 7, no. 1. P. 35–72. <https://doi.org/10.1086/705787>
- Ajabli H., Zoubir A., Elotmani R., Louzazni M., Kandoussi K., Daya A. Review on Eco-Friendly Insulation Material Used for Indoor Comfort in Building // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2023. Vol. 185. P. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2023.113609>
- Anfinson K., Laes E., Bombaerts G., Standal K., Krug M., Di Nucci M. R., Schwarz L. Does Polycentrism Deliver? A Case Study of Energy Community Governance in Europe // *Energy Research & Social Science*. 2023. Vol. 100. P. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103093>
- Bown C. P. Mega-Regional Trade Agreements and the Future of the WTO // *Global Policy*. 2017. Vol. 8, no. 1. P. 107–112. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12391>
- Fratanni M., Pattison J. International Organisations in a World of Regional Trade Agreements: Lessons from Club Theory // *World Economy*. 2001. Vol. 24, no. 3. P. 333–358. <https://doi.org/10.1111/1467-9701.00359>

- Grübler J., Reiter O. Characterising Non-Tariff Trade Policy // *Economic Analysis and Policy*. 2021. Vol. 71. P. 138–163. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.04.007>
- Harrison J. Trade Agreements and Sustainability: Exploring the Potential of Global Value Chain (GVC) Obligations // *Journal of International Economic Law*. 2023. Vol. 26, no. 2. P. 199–215. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgac057>
- Kaliske M. Intra-EU Trade-Embodied Carbon Emissions: Is There Voting for Dirty Comparative Advantages? // *Economics Letters*. 2023. Vol. 231. P. 1–4. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111305>
- Lee W., Mulabdic A., Ruta M. Third-Country Effects of Regional Trade Agreements: A Firm-Level Analysis // *Journal of International Economics*. 2023. Vol. 140. P. 1–22. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2022.103688>
- Marchewka-Bartkowiak K. The European Union Emission Trading System and Its Role for Green Budgeting Development — the Case of EU Member States // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2023. Vol. 65. P. 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2023.101390>
- Smith A., Harrison J., Campling L., Richardson B., Barbu M. Free Trade Agreements and Global Labour Governance: The European Union’s Trade-Labour Linkage in a Value Chain World. Abingdon : Routledge, 2020.
- Song Yuegang, Du Chongmiao, Du Peiliang, Liu Rong, Lu Zhou. Digital Transformation and Corporate Environmental Performance: Evidence from Chinese Listed Companies // *Technological Forecasting and Social Change*. 2024. Vol. 201. P. 1–16. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.123159>
- Xu Ying, Wang Liukai, Xiong Yu, Wang Maolin, Xie Xinru. Does Digital Transformation Foster Corporate Social Responsibility? Evidence from Chinese Mining Industry // *Journal of Environmental Management*. 2023. Vol. 344. P. 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.118646>
- Yao Xing, Yasmeen R., Li Yunong, Hafeez M., Padda I. U. H. Free trade agreements and environment for sustainable development: a gravity model analysis // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, no. 3. P. 1–17. <https://doi.org/10.3390/su11030597>

Сведения об авторах:

Перская Виктория Вадимовна – доктор экономических наук, заслуженный экономист Российской Федерации, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов, директор Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; eLibrary SPIN-код: 4451-3235; ORCID: 0000-0002-1988-4374; e-mail: vperskaya@fa.ru

Морковкин Дмитрий Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; eLibrary SPIN-код: 8277-4480; ORCID: 0000-0002-5372-8519; e-mail: demorkovkin@fa.ru

Чупин Александр Леонидович – кандидат экономических наук, заместитель декана по научной работе экономического факультета, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 4576-1942; ORCID: 0000-0002-0804-8039; e-mail: chupin-al@rudn.ru

Мамедов Турал Натиг оглы – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и мировых финансов, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; eLibrary SPIN-код: 1483-1334; ORCID: 0000-0002-9899-1396; e-mail: tnmamedov@fa.ru

Зверева Александра Дмитриевна – научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; eLibrary SPIN-код: 5911-3917; ORCID: 0000-0002-2102-1842; e-mail: adzvereva@fa.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-142-158

EDN: GBCZSB

Научная статья / Research article

Опыт ведущих глобальных городов Европы по привлечению иностранных капиталовложений и трудовых мигрантов: возможности использования в России

А.С. Булатов , А.А. Габарта ✉, Е.А. Сергеев

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

✉a.habarta@inno.mgimo.ru

Аннотация. Целью исследования является изучение опыта ведущих европейских глобальных городов по привлечению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и трудовых мигрантов из-за рубежа, а также оценка возможностей его применения в различных российских городах. Рассматривается взаимосвязь между миграцией и инвестициями в глобальных городах, а также потребностью в квалифицированной рабочей силе в этих центрах из-за их специализации на определенных сферах услуг. Считается, что миграция в глобальные города способствует увеличению торговых потоков и капитала между страной — импортером и страной — экспортером рабочей силы, что приносит пользу как странам происхождения через переводы денежных средств, так и самим мировым городам через ПИИ. Иерархический характер глобальной экономики и концентрация транснациональных факторов в глобальных городах подчеркивают важность изучения потоков капитала и миграции в этих центрах. Исследование сфокусировано на десяти европейских глобальных городах, включая Лондон, Париж, Амстердам, Стокгольм, Мадрид, Франкфурт-на-Майне, Вена, Цюрих, Дублин и Берлин, которые постоянно занимают высокие места в различных рейтингах. Каждый город имеет свою специализацию и конкурентные преимущества, которые способствуют его позиции в «разделении труда» между глобальными городами. Исследование сфокусировано на выявлении применимых возможностей для Москвы и Санкт-Петербурга, ведущих российских глобальных городов. Работа позволяет увидеть потенциал для российских городов в адаптации опыта европейских глобальных городов в привлечении ПИИ и иностранных трудовых мигрантов. Используя этот опыт, российские города могут стимулировать экономический рост и повысить свою значимость в глобальном масштабе. Анализ ведущих европейских глобальных городов раскрывает отдельные практики привлечения ПИИ и иностранной рабочей силы, подчеркивая уникальные стратегии и характеристики каждого города. Применение этих уроков позволит Москве и Санкт-Петербургу улучшить инвестиционный климат, сосредоточиться на конкретных секторах и повысить свою конкурентоспособность на мировой арене.

Ключевые слова: Европа, иностранные трудовые мигранты, Москва, Санкт-Петербург

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 19-18-00251.

© Булатов А.С., Габарта А.А., Сергеев Е.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Булатов А. С., Габарта А. А., Сергеев Е. А. Опыт ведущих глобальных городов Европы по привлечению иностранных капиталовложений и трудовых мигрантов: возможности использования в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 142–158. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-142-158>

Experience of Leading European Global Cities in Attracting Foreign Direct Investments and Labor Migrants: Opportunities for Use in Russia

Alexander S. Bulatov , Andrzej A. Habarta ✉, Egor A. Sergeev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉a.habarta@inno.mgimo.ru

Abstract. This research examines how Russian cities can learn from leading European global cities in attracting foreign direct investment (FDI) and foreign labor migrants. It emphasizes the link between migration and investment flows in global cities specialized in specific services. Global cities play a crucial role in attracting transnational factors of economic growth, with migration being a significant factor. The study analyzes the potential benefits of migration to global cities, including increased trade and capital flows. This benefits both the countries of origin through remittances and the global cities themselves through FDI. European global cities, including London, Paris, Amsterdam, Stockholm, Madrid, Frankfurt, Vienna, Zurich, Dublin, and Berlin, are major centers attracting FDI and labor migrants. Each city has its own specialization and competitive advantages, contributing to the global division of labor. Building on previous research, the study analyzes the attracting factors identified by the City of London for FDI and foreign-born skilled personnel. It aims to identify applicable opportunities for Moscow and St. Petersburg, the leading Russian global cities. While Moscow and St. Petersburg are well-ranked, other Russian cities have limited recognition. The research plans to expand to other Russian global cities, contributing to a comprehensive understanding of global city development. The research explores how Russian cities can leverage the experiences of leading European global cities to attract FDI and foreign labor migrants. By doing so, Russian cities can foster economic growth and enhance their global standing.

Key words: Europe, foreign labor migrants, Moscow, St. Petersburg

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and drafting of the final article.

Acknowledgements. The article has been prepared with the support of Russian Scientific Fund (project No. 19-18-00251).

For citation: Bulatov, A. S., Habarta, A. A., & Sergeev, E. A. (2024). Experience of leading European global cities in attracting foreign direct investments and labor migrants: Opportunities for use in Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 142–158. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-142-158>

Введение: теоретический и методологический подходы

Целью исследования является анализ возможности применения в российских городах опыта ведущих европейских глобальных городов по привлечению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и иностранных трудовых мигрантов.

Авторы сосредоточились на изучении особой роли глобальных городов в развитии транснациональных факторов экономического роста, к которым относятся ПИИ

и трудовые мигранты из-за рубежа. Несмотря на множество различных подходов, транснационализм подразумевает, что международные акторы попадают на национальный экономический уровень через определенные точки входа и создают связи между старыми и новыми юрисдикциями (Tedeschi, Vorobeva & Jahiainen, 2022). В данном случае зависимость между миграцией и инвестиционными потоками представляется очевидной, поскольку эмпирически доказано, что инвестиции, как правило, привлекают мигрантов (Bang &

MacDermott, 2019). Кроме того, высококвалифицированная рабочая сила также является необходимым фактором для возникновения новых транснациональных связей, ведь мигранты (в частности квалифицированные) также могут привлекать инвестиции ввиду своей экономической деятельности (Cuados, Martín-Montaner & Paniagua, 2019), не говоря уже об очевидной взаимосвязи между миграцией и денежными переводами¹.

В последние годы сторонники неоклассических теорий миграции, в том числе концепции международного рынка (Vorjas, 1989; 1990), а также теории глобализации изучали и объясняли трудовую миграцию в европейские глобальные города. Спрос развитых экономик на высококвалифицированную рабочую силу, особенно в глобальных городах, можно обосновать с помощью теории двойного (или сегментированного) рынка труда (Piore, 1979; Sassen, 2001). Поскольку большинство глобальных городов сосредоточено в странах с развитой постиндустриальной экономикой, где основой экономической деятельности является обширная сфера услуг, их невозможно, как в случае с производственными фирмами, передать на аутсорсинг в регионы с избытком рабочей силы. Иными словами, в глобальных городах существует структурный спрос в сфере услуг как на квалифицированную рабочую силу, так и на низкоквалифицированных рабочих. Специализация глобальных городов на конкретных видах услуг повышает спрос на определенные профессии.

Считается, что миграция в глобальные города может способствовать росту торговли и потоков капитала между принимающей страной и страной — экспортером рабочей силы. В этом контексте можно предположить, что от притока иностранной рабочей силы в глобальные города выигрывают не только страны — экспортеры трудовых мигрантов, получающие от них денежные переводы (трансферты), но и сами глобальные города, получающие ПИИ, в том числе из стран

происхождения иностранных работников (Castles, de Haas & Miller, 2014).

Оба транснациональных актора следуют за различиями в производительности, налоговых ставках, уровне образования², и в целом эта ситуация отражает структуру мировой экономики, выстроенную по принципу «ядро — периферия» (Tedeschi, Vorobeva & Jahiainen, 2022). Учитывая иерархический характер глобальной экономики, можно предположить, что структура глобальных городов также основана на иерархии, специализации и «разделении труда». Это можно объяснить тем, что такие города привлекают подавляющее большинство иностранных трудовых мигрантов и потоков ПИИ, поступающих в национальные государства. Таким образом, необходимо внимательно изучить потоки капитала и миграции в эти центры.

Новизна данного исследования заключается в оценке объемов и характера притока капитала и мигрантов в глобальные европейские города, а также в попытке выявить общие и специфические факторы притяжения с целью распространения этого подхода на российские глобальные города.

Концепция глобальных городов, выдвигнутая С. Сассен, предполагает, что в городах глобализация принимает специфические экономические, политические и культурные формы (Sassen, 1999). С учетом этого транснациональные факторы стремятся локализоваться в глобальных городах, поскольку нуждаются в надлежащем обслуживании и администрировании. Важность глобальных городов для международного движения капитала и международной трудовой миграции также отмечается в концепциях новых транснациональных акторов (Лебедева, 2019) и глобальных городов как хабов для этих новых транснациональных акторов (Слука, Карякин, Колясев, 2020). Значительная часть глобальных городов расположена в Европе, что отражается в рейтинге ведущих глобальных

¹ Interrelations Between Public Policies, Migration and Development. Paris : OECD Publishing, 2017. P. 156. <https://doi.org/10.1787/9789264265615-en>

² Buchardi K., Chaney T., Hassan T. The Effect of Migration on Foreign Direct Investment // Centre for Economic Policy Research. November 12, 2016. URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/effect-migration-foreign-direct-investment> (accessed: 02.03.2021).

городов, подготовленном Университетом Лафборо (*Loughborough University*, Великобритания). В соответствии с данным рейтингом примерно пятая часть из 236 городов приходится на Европу³.

Глобальные города Европы играют очень важную роль в движении ПИИ в масштабе всей планеты: более трети мирового объема прямых инвестиций приходится на «развитую» Европу — 15,5 трлн из 41,4 трлн долл. США⁴, и большая часть этих инвестиций сосредоточена в европейских глобальных городах. Европа также привлекает основную часть трудовых мигрантов в мире — по последним имеющимся данным, из 164 млн трудовых мигрантов около трети (52 млн человек) работали в Европе, в основном в Западной (39 млн)⁵. Большинство из них также обосновались в глобальных городах.

Помимо вышеуказанного существуют и другие рейтинги, отражающие комплексный характер глобальных городов⁶, а также рейтинги, ориентированные на отдельные аспекты функционирования этих городов: их роль в качестве международных финансовых

центров (МФЦ)⁷, объектов для приложения иностранных инвестиций³, инновационных центров⁸.

Для целей исследования авторы выбрали десять глобальных городов Европы, поскольку они занимают наиболее высокие места по сравнению с остальными европейскими глобальными городами, включенными в указанные рейтинги. Лондон и Париж входят в первую десятку европейских глобальных городов во всех десяти рейтингах, Амстердам и Стокгольм — в девяти рейтингах, Мадрид — в восьми рейтингах, Франкфурт-на-Майне, Вена и Цюрих — в семи рейтингах, Дублин — в шести, Берлин — в пяти.

В то же время у каждого глобального города есть своя специализация, подкрепленная особыми конкурентными преимуществами, которые могут возникать спонтанно в процессе эволюции, а могут зависеть от конкретных политических (и иных) решений и действий (Arner, 2009). Выявление и развитие таких преимуществ (факторов привлекательности) важно для поддержания статуса глобального города, поскольку они будут определять его место в «разделении труда» (Palan, 2015) между глобальными городами.

Пожалуй, самый подробный и «канонический» список таких факторов привлекательности был разработан аналитиками лондонского Сити. Они выявляют следующие основные факторы привлекательности глобальных городов (в порядке значимости): квалифицированный персонал, регуляторная среда, доступ к международным финансовым рынкам, наличие инфраструктуры для ведения бизнеса, доступ к клиентской базе, честная и справедливая деловая среда, отзывчивость правительства, режим корпоративного налогообложения, операционные расходы, доступ к поставщикам профессиональных

³ The World According to GaWC // Loughborough University. 2020. URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/world2020t.html> (accessed: 02.03.2021).

⁴ World Investment Report 2021 // UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_en.pdf (accessed: 02.03.2021).

⁵ World Migration Report 2020 // International Organization for Migration. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed: 02.03.2021).

⁶ См.: 2019 Global Cities Report // A.T. Kearney. 2019. URL: <https://www. Kearney.com/global-cities/2019> (accessed: 02.03.2021); Arcadis Sustainable Cities Index // October 30, 2018. URL: <https://www.arcadis.com/en/news/global/2018/10/european-and-asian-cities-lead-in-arcadis-sustainable-cities-index> (accessed: 02.03.2021); Global Power City Index 2019 // The Mori Memorial Foundation. URL: http://mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2019_summary.pdf (accessed: 02.03.2021); Hot Spots. Benchmarking Global City Competitiveness // The Economist Intelligence Unit. 2012. URL: https://web.archive.org/web/20230123105705/https://www.citigroup.com/citi/citiforcities/pdfs/eiu_hotspots_2012.pdf (accessed: 02.03.2021); Cities of Opportunity // PwC. April 2016. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/asset-management/real-estate-insights/assets/real-estate-cities-opportunities.pdf> (accessed: 02.03.2021).

⁷ Wardle M., Mainelli M. Global Financial Centres Index 29 // Z/Yen Group Limited. March 2021. URL: <https://www.longfinance.net/publications/long-finance-reports/global-financial-centres-index-29/> (accessed: 02.04.2021).

⁸ Innovation Cities Index // 2thinknow. 2019. URL: <https://www.innovation-cities.com/index-2019-global-city-rankings/18842/> (accessed: 02.03.2021).

услуг, качество жизни, культура и язык, качество и доступность коммерческой недвижимости, режим налогообложения физических лиц⁹. Хотя этот список был составлен для МФЦ, он может быть применен и к глобальным городам, поскольку МФЦ являются важными элементами экономической архитектуры последних. В данной статье авторы придерживаются приведенной выше таксономии факторов привлекательности, уделяя особое внимание ПИИ и квалифицированному персоналу, рожденному за рубежом.

Статья продолжает исследование, проведенное авторами в предыдущих работах о привлекательности глобальных европейских городов для ПИИ (Булатов, Габарта, Сергеев, 2020) и иностранной трудовой иммиграции (Булатов, Габарта, Сергеев, 2021), и призвана выделить возможности для применения опыта этих глобальных городов к Москве и Санкт-Петербургу. Москва входит в восемь рейтингов глобальных городов, а Санкт-Петербург — в три. Два других крупных российских города (Казань и Новосибирск) попали только в два рейтинга, а следующие 12 городов упоминаются лишь однажды в конце длинного списка глобальных городов (приблизительно из 500 городов) в *Sustainable Cities Index*. Именно поэтому в статье Москва и Санкт-Петербург рассматриваются как ведущие российские глобальные города. Авторы также надеются, что в будущем им удастся собрать достаточно данных для исследования других российских глобальных городов.

Практика основных европейских глобальных городов по привлечению ПИИ и иностранной рабочей силы

Лондон

Лондон привлекает половину ПИИ, поступающих в Великобританию, и выполняет в этом процессе три основные функции:

⁹ Yeandle M., Mainelli M., Berendt A. The Competitive Position of London as a Global Financial Centre // Corporation of London. 2005. URL: <https://www.zyen.com/media/documents/LCGFC.pdf> (accessed: 02.03.2021).

международный хаб для транзитных ПИИ, региональный хаб для последующего инвестирования активов в другие регионы страны и непосредственно привлечение инвестиций в экономику самого города.

Первая роль Лондона, вероятно, наиболее важна исходя из того, что Великобритания обладает обширной сетью зарубежных офшоров вблизи побережья страны и в Карибском бассейне, а также в связи с тем, что в Лондоне расположено подавляющее большинство (3/4) всех европейских региональных штаб-квартир транснациональных корпораций (ТНК)¹⁰.

Чуть менее половины ПИИ, поступающих в Великобританию, являются транзитными в другие страны¹¹, и подавляющая часть этих активов проходит через Лондонский МФЦ. Транзитные иностранные инвестиции, то есть поступающие в глобальный город, а затем перетекающие в другие юрисдикции, представляют собой очень важный аспект деятельности Лондона благодаря его многочисленным деловым связям с зарубежными странами, основанным на широкой сети финансовых услуг, включающей финансовые компании с работниками-иммигрантами (см. ниже).

Лондон играет роль регионального хаба прежде всего для остальной Юго-Восточной Англии: в 2019 г. на этот регион пришлось 59 % британских проектов, основанных на ПИИ, в том числе на сам Лондон приходилось 48,5 %. Если в предыдущие десятилетия городская экономика Лондона была привлекательна для ПИИ прежде всего как место реализации проектов в сфере продаж и мар-

¹⁰ Stewart I. Power Up: UK Inward Investment. Key Drivers of Foreign Investment and Its Value to the UK Economy // Deloitte Insight. March 1, 2019. URL: <https://web.archive.org/web/20210421190003/https://www2.deloitte.com/xe/en/insights/focus/technology-and-the-future-of-work/power-up-uk-inward-investment.html> (accessed: 02.03.2021).

¹¹ Damgaard J., Elkjaer T. The Global FDI Network: Searching for Ultimate Investors // IMF Working Paper. 2017. No. 2017/258. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2017/11/17/The-Global-FDI-Network-Searching-for-Ultimate-Investors-45414> (accessed: 02.03.2021).

кетинга, то сейчас иностранные инвесторы все чаще рассматривают Лондон как центр технологического и инновационного развития. В 2019 г. в зарубежной Европе из всех проектов в сфере цифровых технологий на базе ПИИ на Великобританию приходилось 30 % проектов (432) в основном за счет Лондона, аккумулировавшего 289 таких проектов¹².

Доля Лондона в общем количестве привлеченных трудовых мигрантов в Великобритании составляет около 1/3. Хотя большинство мигрантов работают в отраслях с преобладанием рабочих мест низкой и средней квалификации, в некоторых отраслях, требующих высококвалифицированного труда, их доля достаточно велика. Например, число мигрантов, работающих в сфере финансовых и страховых услуг (в основном в МФЦ Лондона), оценивается в 118 тыс. человек, составляя весьма значительную долю — около 40 % всех работающих в городе в этом секторе. Во многом это связано с тем, что целому ряду лондонских финансовых компаний (около 60 тыс.), банков (264) и многочисленных региональных штаб-квартир ТНК приходится поддерживать устойчивые деловые связи со всеми странами мира, что во многом и обеспечивают высококвалифицированные мигранты. Для мигрантов двумя основными мотивами переезда в Лондон являются работа и образование (30 % всех лондонских студентов — иностранцы)¹³.

Париж

Париж привлекает более 50 % всех поступающих во Францию ПИИ. Росту инвестиционной привлекательности Парижа способствует его сильная ориентация на ин-

новации (на город приходится 40 % национальных расходов на НИОКР)¹⁴.

В Париже расположен целый ряд локальных штаб-квартир крупнейших ТНК, но почти все они так или иначе связаны с французскими, а не иностранными активами (в отличие от Лондона), что говорит о слабой международной транзитной роли Парижа.

Еще одна особенность города — относительно низкая региональная распределительная функция, поскольку значительная часть ПИИ остается здесь и не перетекает в другие регионы. ПИИ в Париже связаны с его давней специализацией на высокотехнологичных отраслях и логистике.

Парижская агломерация также имеет свои отличительные черты с точки зрения притока иностранных трудовых мигрантов.

Во-первых, относительно велика доля африканских мигрантов (около 47 %) и довольно мала доля европейских мигрантов (около 32 %)¹⁵.

Во-вторых, основные зоны проживания мигрантов сосредоточены в районах с низким по парижским меркам уровнем доходов¹⁶. Таким образом, можно сказать, что структура трудовых мигрантов в городе не вполне соответствует высокотехнологичному профилю Парижа.

Амстердам

До 80 % всех поступающих ПИИ сразу же покидают страну, направляясь как в офшорные юрисдикции или другие страны с режимом низких налоговых ставок (прежде всего в Ирландию), так и в страны с крупной экономикой (главным образом в США и Великобританию)¹⁷. Основная часть транзитных

¹² Trends in Foreign Direct Investment in Great Britain's Towns. EY Attractiveness Survey: UK // Ernst & Young. May 2020. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_uk/topics/attractiveness/ey_ukascft_regional_report_may2020.pdf (accessed: 02.03.2021).

¹³ Facing Facts: The Impact of Migrants on London, Its Workforce and Its Economy // PwC. March 2017. URL: <https://www.pwc.co.uk/legal/pdf/facing-facts-the-impact-of-migrants-on-london-its-workforce-and-economy.pdf> (accessed: 02.03.2021).

¹⁴ Paris Region Key Figures // L'Institut Paris Region. 2019. URL: <https://en.institutparisregion.fr/resources/publications/paris-region-key-figures-2019/> (accessed: 02.03.2021).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees. Paris: OECD Publishing, 2018. <https://doi.org/10.1787/9789264085350-en>

¹⁷ 80 Procent Inkomende Investerings Direct Doorgesluisd // Centraal Bureau Voor Statistiek. December 13, 2018. URL: <https://www.cbs.nl/nl-nl/>

ПИИ проходит через Амстердам, в основном через компании — «почтовые ящики» (особые финансовые единицы), которые активно пользуются льготными налоговыми режимами.

Сложно говорить о роли Амстердама как регионального хаба, поскольку другие глобальные города страны сами достаточно активно привлекают ПИИ. В 2017 г. около 45 % всех проектов в стране, связанных с ПИИ, пришлось на Амстердам, но два других нидерландских глобальных города — Роттердам и Гаага — вместе обеспечили около 25 % проектов¹⁸.

Основными секторами экономики города, принимающими нетранзитные ПИИ, являются сфера информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), креативная индустрия и особенно недвижимость¹⁹, а также новые технологические отрасли (более 10 % всех дата-центров расположены в Амстердаме)²⁰.

Для квалифицированных трудовых мигрантов привлекательность города заключается в его развитой транспортной инфраструктуре, высоком качестве жизни, отличных показателях доступа к цифровым технологиям, преобладании в городе квалифицированной англоговорящей рабочей силы, а также относительно низкой стоимости жизни (по сравнению с другими мировыми городами). Население Амстердама является наиболее «интернационализированным» среди всех нидерландских городов: около 56 % его жителей имеют миграционное прошлое

(мигранты в первом или втором поколении, по терминологии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)). В структуре мигрантов города преобладают «незападные» мигранты (65 %), однако доля «западных» жителей города (35 %)²¹ значительно превышает средний показатель по стране (10 %)²², что во многом обеспечивается гражданами Великобритании и США. В то же время наблюдается отток коренных жителей из центра города, в результате чего значительная их часть оседает в других частях Амстердамской агломерации (где соотношение коренного и некоренного населения составляет примерно 62 : 38).

Стокгольм

Стокгольм привлекает почти половину ПИИ, поступающих в страну²³. Однако для Стокгольма (как и для Парижа) не характерна ориентация на транзитные ПИИ. Город специализируется в первую очередь на притоке ПИИ в свою городскую экономику. Для города характерна очень высокая ориентация на современные отрасли промышленности — фармацевтику, электронику, ИКТ, финансы, научные исследования, а также внешнюю торговлю (29 % шведского экспорта и 43 % импорта приходится на Стокгольм)²⁴. Обработывающая промышленность (в основном современная) создает 16 % городского ВВП, торговые услуги (включая внешнюю

nieuws/2018/50/80-procent-inkomende-investeringen-direct-doorgesluisd (accessed: 15.02.2021).

¹⁸ Nederland Blijft Overtuigen Als Investeringsland. Barometer Nederlands Vestigingsklimaat 2018 // Ernst & Young. May 2018. URL: <https://userfiles.mailswitch.nl/c/7560a4386bec8c35b5c162b152c15bdb/3243-7fa63dbb7bae5f3d3add96d7852f3aa.pdf> (accessed: 20.05.2021).

¹⁹ Macro Economische Verkenning, 2019 // Centraal Planbureau. URL: <https://web.archive.org/web/20211227225544/http://www.cpb.nl/sites/default/files/omnidownload/Macro-Economische-Verkenning-MEV-2019.pdf> (accessed: 20.04.2021).

²⁰ Macro Economische Verkenning 2016 // Centraal Planbureau. URL: <https://web.archive.org/web/20191014034837/https://www.cpb.nl/sites/default/files/publicaties/download/macro-economische-verkenning-mev-2016.pdf> (accessed: 20.04.2021).

²¹ Рассчитано авторами на основе: Kerncijfers Amsterdam. Onderzoek, Informatie en Statistiek // Gemeente Amsterdam. 2020. P. 2. URL: <https://onderzoek.amsterdam.nl/publicatie/kerncijfers-amsterdam-2020> (accessed: 20.05.2021).

²² Westerse Migratieachtergrond // Volksgezondheid en Zorg Info. 2018. URL: <https://web.archive.org/web/20221003175600/https://www.vzinfo.nl/bevolking/regional/migratieachtergrond> (accessed: 14.02.2021).

²³ Stockholm Business Region // Invest Stockholm. 2019. URL: <https://www.stockholmbusinessregion.com/> (accessed: 20.04.2021).

²⁴ Parilla J., Trujillo J. L., Marchio N., Kho K. Global Stockholm: Profiting the Capital Region's International Competitiveness and Connections // The Metropolitan Policy Program at Brookings. November 16, 2015. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/GCI_Stockholm_Nov16final_LoRes-1.pdf (accessed: 02.03.2021).

торговлю) — 12 %, а остальное в большей степени приходится на прочие услуги. В первой половине прошлого десятилетия 51 % новых ПИИ направлялись в высокотехнологичные отрасли Стокгольма, хотя значительная часть (около четверти) инвестировалась в финансовые услуги.

Такая двойная ориентация — на современную промышленность и внешнюю торговлю — обеспечивает дополнительную привлекательность города для ТНК в дополнение к остальным его преимуществам (высококвалифицированная рабочая сила, относительно низкие налоги, развитая инфраструктура). Половина региональных штаб-квартир ТНК, работающих в Северной Европе, представлены в Стокгольме²⁵, и они инвестируют в основном в вышеперечисленные отрасли.

Однако проблема в привлечении ПИИ со стороны бизнеса в этом городе заключается в высокой стоимости рабочей силы. Другой проблемой (не только для ПИИ, но и для всей экономики Швеции) является дефицит высококвалифицированной рабочей силы, который страна пытается частично восполнить за счет притока мигрантов. Доля мигрантов в первом и втором поколении составляет 33 % населения города. Тем не менее уровень квалификации мигрантов остается недостаточным: в 2017 г. доля жителей Стокгольма, родившихся в Швеции и имеющих высшее образование, составляла 63 %, в то время как среди мигрантов она равнялась 48 %. Последний показатель неплох по международным меркам, но недостаточен для Стокгольма. Это приводит к высокой безработице среди мигрантов — в 2019 г. она составила 2,6 % для жителей Стокгольма, родившихся в Швеции, и 9,8 % — для родившихся за границей²⁶.

²⁵ Stockholm: Setting Standards for Scandinavia and Europe // FDI Intelligence. URL: <https://www.fdiintelligence.com/article/27644> (accessed: 05.04.2021).

²⁶ Migrant and Refugee Integration in Stockholm. A Scoping Note // OECD. 2019. URL: <http://www.oecd-inclusive.com/wp-content/uploads/2019/05/Stockholm-Migrant-Integration.pdf> (accessed: 20.03.2021).

Мадрид

Мадридская агломерация поглощает около 60 % ПИИ, поступающих в страну. Ведущая роль Мадрида в привлечении ПИИ обусловлена большой концентрацией национальных ТНК и испанских филиалов иностранных фирм (37 % от их общего числа в Испании), наличием Мадридской фондовой биржи и штаб-квартир крупнейших испанских банков. В Мадриде также расположены региональные штаб-квартиры Межамериканского банка развития (*Inter-American Development Bank, IADB*), Европейского инвестиционного банка и Международной организации комиссий по ценным бумагам (*International Organization of Securities Commission, IOSCO*). Таким образом, роль Мадрида как международного финансового центра весьма заметна.

Основной сферой ПИИ в Мадриде является сфера услуг (72,5 % от общего объема накопленных ПИИ), второе место занимает обрабатывающая промышленность (17,3 %). В сфере услуг преобладают финансовые услуги — 20,8 %, далее следуют операции с недвижимостью — 11 %, реклама и маркетинговые исследования — 9,4 %²⁷.

Город является главным центром притяжения иностранной рабочей силы на Пиренейском полуострове. 53 % иммигрантов, прибывших в испанскую столицу за последние годы, составили переселенцы из Латинской Америки и только 11,5 % — граждане стран Европейского союза (ЕС) и Северной Америки²⁸. Трудовые мигранты из развитых стран в основном заняты на предприятиях и в офисах ТНК, остальные категории мигрантов работают в сфере услуг и промышленности.

²⁷ Madrid Strengthened Its Leadership as a Recipient of International Investment in 2020 // Madrid Investment Attraction. April 15, 2021. URL: <https://madridinvestmentattraction.com/noticias/madrid-strengthened-its-leadership-as-a-recipient-of-international-investment-in-2020/> (accessed: 16.08.2021).

²⁸ Madrid, Focal Point of Foreign Investment in Spain // Madrid Investment Attraction. January 9, 2019. URL <https://madridinvestmentattraction.com/madrid-focal-point-of-foreign-investment-in-spain/> (accessed: 16.08.2021).

Франкфурт и Берлин

Ведущие глобальные города Германии являются преимущественно региональными хабами и объектами для привлечения ПИИ в городскую экономику, хотя некоторые из них выполняют и функцию международного хаба. Например, Франкфурт-на-Майне является заметным МФЦ благодаря высокой концентрации в городе немецких (40) и иностранных (162) кредитных организаций²⁹, присутствию Европейского центрального банка, Бундесбанка и ряда других крупных европейских и немецких надзорных и регулирующих институтов, а также широкой сети компаний, предоставляющих финансовые услуги. В 2021 г. город значительно усилил свои конкурентные преимущества и занял девятое место в рейтинге *Global Financial Centres Index (GFCI)*. Отчасти это произошло благодаря выходу Великобритании из ЕС, поскольку финансовые компании сделали выбор в пользу Франкфурта³⁰. Тем не менее максимум 20 % ПИИ, поступающих в город, инвестируются в финансовый сектор, предпочитая ИКТ, бизнес-услуги, торговлю и транспорт, то есть преимущественно городскую экономику³¹.

Конкуренция между глобальными городами в Германии весьма ощутима, что приводит к высокому распылению притока ПИИ и трудовых мигрантов между ними. Так, в 2021 г. Франкфурт аккумулировал около 9 % проектов ПИИ, а на Берлин приходилось лишь 6 %³². В основном Берлин специализи-

руется на недвижимости и стартапах. Такая узкая специализация обусловлена меньшей привлекательностью Восточной Германии для ПИИ по сравнению с Западной Германией, а также конкуренцией между городами и федеральными землями Германии и их специализацией.

Миграционная ситуация в Берлине и Франкфурте соответствует их статусу крупных глобальных городов. Доля иностранцев здесь составляет 19³³ и 30 %³⁴ соответственно, что превышает общегерманский показатель (около 13 %). Если попытаться оценить долю жителей с миграционным прошлым (мигранты в первом или втором поколении), то в Берлине этот показатель составляет 33 %³⁵, а во Франкфурте — 51 %³⁶. Большинство из них — выходцы из Турции, Италии, стран Восточной и Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока. Уровень компетенции мигрантов остается недостаточным для их активного участия в наиболее продуктивных секторах экономики.

Цюрих

Экономический профиль Цюриха как глобального города определяется развитым финансовым сектором (город является одним

²⁹ Financial Center Frankfurt // Germany Trade & Invest. URL: <https://www.gtai.de/en/invest/industries/services/financial-center-frankfurt-80228> (accessed: 02.06.2021).

³⁰ Financial Centres of the World 2021: Focus on Frankfurt // Z/Yen Group Limited. 2021. URL: <https://www.longfinance.net/programmes/financial-centre-futures/global-financial-centres-index/events/focus-frankfurt/> (accessed: 16.08.2021).

³¹ Deutsche Wirtschaft muss mehr in ihr Wissenskapital investieren // DIW Wochenbericht Nr. 31. 2019. URL: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.670900.de/19-31-1.pdf (accessed: 01.02.2021).

³² Рассчитано авторами на основе: Global FDI Annual Report 2022 // Investment Monitor. URL: <https://www.investmentmonitor.ai/whitepapers/global-fdi-annual-report-2022> (accessed: 01.12.2022).

³³ Engelbrecht P. 100 Jahre (Groß-)Berlin: Ausstellung im AIV // Architekten- und Ingenieurverein zu Berlin-Brandenburg e.V. 2019. URL: <https://www.aiv-berlin-brandenburg.de/100-jahre-gross-berlin-ausstellung-im-aiv-18-01-19-14-06-2019-2/> (accessed: 06.03.2021).

³⁴ Statistisches Jahrbuch Frankfurt am Main 2018 // Stadt Frankfurt am Main. 2018. URL: <https://frankfurt.de/-/media/frankfurtde/service-und-rathaus/zahlen-daten-fakten/pdf/jahrbuch/statistisches-jahrbuch-2018.ashx> (accessed: 06.03.2021).

³⁵ См.: Destatis // Statistisches Bundesamt. URL: www.destatis.de (accessed: 15.02.2021); Zurich Ranked Among the Most Tech Cities in Europe // Switzerland Global Enterprise. June 17, 2020. URL: <https://www.sge.com/en/article/news/2020-zurich-important-tech-cities-europe> (accessed: 20.05.2021).

³⁶ Frankfurter Integrations- und Diversitätsmonitoring // Amt für multikulturelle Angelegenheiten. 2017. URL: https://frankfurt.de/-/media/frankfurtde/service-und-rathaus/verwaltung/aemter-und-institutionen/amt-fuer-multikulturelle-angelegenheiten/pdf/frankfurter-integrations-und-diversitaetsmonitoring_2017.ashx (accessed: 05.06.2021).

из ведущих европейских МФЦ) и наличием в нем высокотехнологичных отраслей. Цюрих — один из главных технологических центров Европы³⁷. Из общего объема накопленных в стране ПИИ около 60 % инвестируется в финансовые и холдинговые компании, еще 14 % — в обрабатывающую промышленность³⁸. Во многом такая структура определяется именно Цюрихом, главным городом приложения ПИИ в Швейцарии.

МФЦ города (на него приходится около половины всего финансового сектора Швейцарии) специализируется в основном на обслуживании транзитных ПИИ. Из европейских ПИИ, накопленных в Швейцарии (84 % всех ПИИ в стране), более 3/4 приходится на транзитные инвестиции, в первую очередь из Нидерландов, Ирландии, Люксембурга и Австрии³⁹.

Еще одна специализация МФЦ Цюриха — управление банковскими активами клиентов из других стран мира: около 1/3 счетов в швейцарских банках принадлежит частным клиентам, что делает Швейцарию (в первую очередь за счет Цюриха) мировым лидером по управлению частными активами. 45 % добавленной стоимости, производимой МФЦ, приходится на страховые (в основном перестраховочные) компании, и это третья особенность МФЦ Цюриха⁴⁰.

Отставая от финансового сектора по притоку ПИИ, обрабатывающая промышленность Цюрихской агломерации привлекает инвестиции благодаря своей ориентации на высокие технологии. Швейцария — одна из немногих европейских стран, в которой в 1990–2017 гг. доля обрабатывающей

промышленности в ВВП страны снизилась незначительно, с 20,5 до 18,2 %⁴¹. Именно Цюрихская агломерация (преимущественно кантон Цуг) по-прежнему производит широкий спектр машин, оборудования, фармацевтических товаров высокого технологического уровня.

Ориентация Швейцарии на ПИИ из Европы сочетается с проевропейской направленностью миграционной политики. Страна является одним из лидеров по доле мигрантов в общей численности населения (1/3). В Цюрихе их доля выше и приближается к половине населения (если учитывать не только первое, но и второе поколение мигрантов). Более 2/3 из них являются иммигрантами из других европейских стран, в первую очередь из Германии и Италии. Хороший уровень квалификации данных мигрантов в сочетании с достаточно жесткими требованиями миграционного законодательства обеспечивает городу достаточный приток квалифицированной рабочей силы из-за рубежа.

Вена

Столица Австрии позиционирует себя как наиболее удобный международный центр для установления деловых отношений с Центральной и Восточной Европой, как крупный научно-образовательный кластер, а также как МФЦ. В результате более 300 ТНК, работающих в Центральной и Восточной Европе, имеют свои региональные штаб-квартиры в Вене и ее окрестностях⁴². Как и Брюссель, Вена является наиболее популярной площадкой для международных организаций в Европе.

Благодаря большой концентрации образовательных и исследовательских центров, город является крупнейшей после Лондона площадкой информационно-коммуникационных технологий Европы, на которой работает

³⁷ Zurich Ranked Among the Most Tech Cities in Europe // Switzerland Global Enterprise. June 17, 2020. URL: <https://www.s-ge.com/en/article/news/20202-zurich-important-tech-cities-europe> (accessed: 20.05.2021).

³⁸ Complete Annual Report 2019 // Swiss National Bank. 2019. URL: https://www.snb.ch/en/mmr/reference/annrep_2019_komplett/source/annrep_2019_komplett.en.pdf (accessed: 16.04.2021).

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Finanzplatz Zürich 2019/2020 // Kanton Zürich. 2020. URL: https://finanzplatz-zuerich.ch/schweiz/assets/uploads/Chartbericht_Finanzplatz-ZH_2019-20_web.pdf (accessed: 16.04.2021).

⁴¹ Swiss Economy — Facts and Figures // Eidgenössisches Departement für auswärtige Angelegenheiten EDA. 2020. URL: <https://www.eda.admin.ch/aboutswitzerland/en/home/wirtschaft/uebersicht/wirtschaft---fakten-und-zahlen.html> (accessed: 05.06.2021).

⁴² Austria: Foreign Investment // Santander Trade Portal. 2021. URL: <https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/austria/foreign-investment> (accessed: 01.07.2021).

более 5,8 тыс. ИКТ-компаний, еще более 1 тыс. иностранных фирм разместили в Вене свои региональные штаб-квартиры для осуществления деятельности в Центральной и Восточной Европе. Вена также в целом рассматривается как место развития финансовых технологий: она является одним из лидеров в области цифровизации и европейской криптовалюты⁴³. Благодаря этому австрийские банки, чьи штаб-квартиры сосредоточены в Вене, являются доминирующими игроками в банковских системах Центральной и Восточной Европы, с которыми их также связывают давние исторические контакты. Венская фондовая биржа — крупнейшая в Центральной и Восточной Европе. Благодаря этим факторам Вена является одним из региональных центров, привлекающих иностранные инвестиции — в 2019 г. на город приходилось 65 % ПИИ, поступающих в страну⁴⁴.

По меньшей мере 30 % населения Вены имеет иностранное происхождение. В настоящее время в Вене проживают представители более 184 национальностей, среди которых самыми многочисленными являются сербы (4,1 % населения города), немцы (2,6 %), турки (2,4 %), поляки (2,3 %) и румыны (1,9 %)⁴⁵.

Дублин

Дублин играет в Ирландии ту же роль, что и Лондон в экономике Великобритании. Свою главную функцию — международного хаба для транзитных ПИИ — он во многом выполняет благодаря МФЦ, быстро растущему на основе высокой концентрации в городе региональных штаб-квартир иностранных ТНК, преимущественно американских. Они активно используют либеральный налоговый режим в стране, а также близость Ирландии к

другим европейским рынкам и ее членство в ЕС. Благодаря ТНК 29 % рабочих мест в Дублине приходится на транснациональных фирмы. Роль Дублина как регионального хаба сравнительно ограничена, поскольку предприятия, работающие в нем на основе ПИИ, распространяют свою сеть преимущественно на окраинах дублинской агломерации (1/3 населения страны). Как и в Лондоне, городская экономика Дублина привлекает ПИИ прежде всего в сферу розничной торговли, хотя в других городах Ирландии они предпочитают обрабатывающую промышленность, в основном высокотехнологичную⁴⁶.

Несмотря на то, что в Дублине и в целом по стране много иностранных мигрантов, в финансовой и страховой сферах (основных отраслях для обслуживания транзитных ПИИ), в отличие от Лондона, они встречаются редко. Доля иностранных мигрантов в этом секторе — одна из самых низких в ирландской экономике, всего 6 % по сравнению с 12 % в среднем по стране⁴⁷. Такие рабочие места занимают экспаты ирландского происхождения, которые составляют основную часть ежегодной иммиграции в страну (их доля колеблется от 18 до 45 %)⁴⁸.

Опыт ведущих глобальных городов Европы

Подводя итог вышесказанному, анализ потоков ПИИ и иностранных трудовых мигрантов в 10 ведущих европейских глобальных городах позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, хотя многие глобальные города играют роль международных хабов для транзита ПИИ (особенно Лондон, Дублин, Амстердам, Цюрих), некоторые из них

⁴³ Digital Agenda Vienna // Municipal Directorate Vienna. 2020. URL: https://web.archive.org/web/20220811195014/https://www.partizipation.wien.at/sites/default/files/1603_digital_agenda_vienna_eng_franclin_book.pdf (accessed: 06.06.2021).

⁴⁴ Invest in Austria // Austrian Business Agency. URL: <https://investinaustria.at/en/> (accessed: 01.07.2021).

⁴⁵ Vienna in Figures 2020 // Province of Vienna. 2020. URL: https://www.viennabiocenter.org/fileadmin/user_upload/VBC/Career/Why_work_here/Life_in_Vienna/viennainfigures-2020.pdf (accessed: 10.08.2021).

⁴⁶ Annual Report & Accounts 2019 // IDA Ireland 2019. URL: https://www.idaireland.com/getmedia/51218aa5-6dfe-401a-b497-5e0e59d48aa6/IDA_AR_2019-Final.pdf?ext=.pdf (accessed: 10.08.2021).

⁴⁷ Szlovak P., Power J. Migrants at the Irish Economy // The Integration Centre. November 5, 2012. URL: <https://www.atlanticphilanthropies.org/wp-content/uploads/2015/09/report-migrants-irish-economy.pdf> (accessed: 02.03.2021).

⁴⁸ Ibid.

сосредоточены на привлечении ПИИ в свою городскую экономику (Париж, Стокгольм, Берлин) или пытаются совместить эти две роли (Цюрих, в некоторой степени Лондон и Вена). В то же время некоторые города активно играют роль региональных хабов (в частности Лондон). Более того, в некоторых городах приток квалифицированных иностранных мигрантов высок (Лондон, Амстердам, Стокгольм, Цюрих, Дублин), хотя в других — доля таких мигрантов невелика (особенно в Париже). В первом случае мигранты могут создавать некоторые проблемы, например, способствуя оттоку коренных жителей (например, в Амстердаме).

Обсуждение

Если рассматривать неевропейские глобальные города, то можно прийти к выводу, что многие из них являются глобальными с экономической точки зрения благодаря активному участию в международной торговле, а не из-за притока ПИИ и иностранных мигрантов. Например, в списке из 236 глобальных городов Университета Лафборо 47 американских и 5 японских городов занимают глобальные позиции⁴⁹, и большинство из них не имеют значительных ПИИ и иностранного населения, хотя активно участвуют в международной торговле товарами и услугами.

При этом мы исходим из того, что современная экономическая глобализация предполагает активное участие глобального города во всех основных сферах этой глобализации, включая международное движение капитала (в частности, ПИИ) и трудовую миграцию. В то же время мы разделяем мнение, согласно которому экономика глобального города на своем пути интенсификации участия в экономической глобализации проходит несколько этапов, первый из которых начинается с международной торговли, по аналогии с глобализацией компаний, описанной во многих научных трудах (например, см.: (Katona, Árva & Schlett, 2013)).

⁴⁹ The World According to GaWC // Loughborough University. 2020. URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/world2020t.html> (accessed: 02.03.2021).

С этой точки зрения опыт крупных европейских глобальных городов полезен для российских глобальных городов, отстающих от них по степени участия в экономической глобализации.

Возможность применения европейского опыта в ведущих российских городах

Авторы считают целесообразным сосредоточиться на Москве и Санкт-Петербурге.

Москва

Как и многие другие европейские столицы, столица России привлекает львиную долю ПИИ в страну — до 69 % в отдельные годы предыдущего десятилетия. В результате по итогам 2020 г. доля Москвы в общем объеме накопленных ПИИ в России составила 49 %⁵⁰.

Распределение накопленных ПИИ по отраслям в Москве дает следующую картину: ПИИ сосредоточены в финансовой и страховой деятельности (22,4 %), профессиональной, научной и технической деятельности (20,7 %), оптовой и розничной торговле (19,8 %). Важное место занимает недвижимость (7,2 %), а также добывающая промышленность (12,4 %), что связано с расположением в Москве штаб-квартир ведущих горнодобывающих компаний, в то время как доля информации и связи (3,8 %), транспортировки и хранения (2,6 %), строительства (1,1 %) и обрабатывающей промышленности (1,3 %) является незначительной⁵¹.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в роли международного хаба Москва ориентируется не на транзитные иностранные инвестиции, как европейские международные хабы, а на инвестиции «по кругу» (*round-tripping*), являющиеся российскими по происхождению. По имеющимся оценкам, до 3/4 российского объема входящих и исходящих ПИИ происходят из одного и того же

⁵⁰ Direct Investment. Positions by Instrument and Industry in the Context of the Subjects of the Federation // Bank of Russia. 2021. URL: http://www.cbr.ru/eng/statistics/macro_itm/svs/ (accessed: 02.03.2021).

⁵¹ Ibid.

набора офшорных юрисдикций и транзитных стран (Кипр, Великобритания, Ирландия, Нидерланды и т. д.) и принадлежат российским резидентам внутри страны и за рубежом (Vulatov, 2017). Москва является финансовым центром России, здесь расположены штаб-квартиры большинства российских и региональных штаб-квартир иностранных ТНК и сосредоточено 77% банковских активов страны, город занимает лидирующее место в «кругообороте» российских активов.

В то же время Москва играет важную роль в российской экономике, являясь региональным хабом для ПИИ. Многие иностранные ТНК предпочитают ввозить инвестиции именно сюда, а впоследствии перенаправлять их в другие российские регионы. К сожалению, российская статистика не предоставляет данных об этих инвестиционных потоках, однако их довольно серьезная величина подтверждается корпоративными отчетами.

С точки зрения привлекательности именно своей экономики Москва притягивает ПИИ преимущественно в оптовую и розничную торговлю (город занимает третье место в Европе по объему потребительских расходов после Лондона и Парижа). Приведенная выше статистика отраслевого распределения ПИИ показывает также, что информация и связь, транспортировка и хранение, обрабатывающая промышленность и строительство в Москве менее привлекательны для иностранных инвесторов.

Учитывая, что Инвестиционная стратегия города до 2025 г.⁵² направлена на улучшение инвестиционного климата без детализации распределения инвестиций (помимо акцента на инфраструктуру и развитие высоких технологий), мы предлагаем несколько идей по внедрению в Москве опыта ведущих европейских городов по привлечению ПИИ.

Опираясь на список факторов привлекательности, разработанный аналитиками лондонского Сити (см. выше), мы предполагаем,

⁵² Investment Strategy of the City of Moscow for the Period up to 2025 // Moscow Investment Portal. 2016. URL: <https://investmoscow.ru/media/3327475/moscow-investment-strategy-up-to-2025-in-english.pdf> (accessed: 12.06.2021).

что Москва обладает многими конкурентными преимуществами, среди которых доступ к клиентам в России и других странах СНГ, наличие деловой инфраструктуры и коммерческой недвижимости, конкурентоспособный налоговый режим, культура и язык (русский по-прежнему популярен во многих постсоветских странах), квалифицированный персонал (по крайней мере, в некоторых профессиях). Эти преимущества Москвы существуют даже в условиях, когда привлекательность России с точки зрения притока ПИИ снизилась за последние 7–8 лет из-за низкого экономического роста страны и западных санкций.

Являясь ведущим МФЦ среди постсоветских экономик, Москва имеет шансы развить свою роль международного хаба, особенно в случае переориентации МФЦ с движущихся «по кругу» российских инвестиций на транзит иностранных незападных ПИИ в Центральную Азию и Южный Кавказ. Слабая деловая инфраструктура (особенно финансовая) этих стран, их традиционные деловые, культурные и языковые связи с Москвой делают город потенциально привлекательным для транзита незападных ПИИ в эти постсоветские республики.

МФЦ в данных странах сравнительно динамичны, однако «расстояние» между ними и московским МФЦ (Москва занимает 57-е место в Индексе глобальных финансовых центров 29) велико — Астана занимает 78-е место, Алматы — 101-е, Баку — 107-е. Опыт Вены дает хороший пример мощного регионального МФЦ (54-е место в указанном индексе), успешно конкурирующего с растущими МФЦ Варшавы (61-е место), Вильнюса (62-е), Братиславы (66-е), Праги (76-е) и Будапешта (85-е место)⁵³.

Еще одной идеей может стать повышение привлекательности исследовательского и инновационного потенциала Москвы для незападных ПИИ. Высокая концентрация этого потенциала в городе плюс конкурентный

⁵³ Global Financial Centres Index 29 // Z/Yen Group Limited. 2021. URL: <https://www.longfinance.net/publications/long-finance-reports/global-financial-centres-index-29/> (accessed: 20.06.2021).

налоговый режим (ставка налога на прибыль составляет 20 %) — хороший фон для реализации этой идеи, как это было сделано в Лондоне, Париже, Амстердаме, Стокгольме, Цюрихе. Инновационная экосистема Москвы включает 36 технопарков, 15 700 ИТ-компаний и охватывает около 20 тыс. организаций в целом⁵⁴. Эти показатели, а также высокая концентрация НИОКР, быстрая цифровизация и патентная активность обеспечивают Москве первое место по инновационному развитию в России и пятое в Европе после Парижа, Лондона, Амстердамско-Роттердамского кластера и Кельна⁵⁵.

Несмотря на то, что западные санкции являются серьезным препятствием для ПИИ в московскую инновационную экосистему, даже сейчас доля профессиональной и научно-технической деятельности в ПИИ в городе значительна (см. выше).

Что касается иммиграции, то исторически Москва развивается как многонациональный город. В 2020 г. в Москве в качестве иностранных мигрантов было зарегистрировано около 2,4 млн человек (около 1/5 населения города)⁵⁶. В настоящее время большинство мигрантов — выходцы из Центральной Азии, занятые в строительстве, на дорожных работах, в сфере обслуживания, домашнем хозяйстве и в небольшой степени в отраслях с преобладанием высококвалифицированных рабочих мест.

Концентрация иммигрантов в низкоквалифицированных отраслях помогает городу решить проблему нехватки рабочей силы в

технологически простых отраслях, но слабо влияет на отрасли с высококвалифицированным трудом. В случае экономической переориентации Москвы на западных партнеров по международной торговле и движению капитала есть надежда получить высококвалифицированных мигрантов из стран Азии.

Еще одним потенциальным источником иностранной высококвалифицированной рабочей силы в Москве являются многочисленные вузы города (около 160), в которых обучается 60 тыс. иностранных студентов (25 % от общего числа)⁵⁷. Наиболее популярными направлениями среди иностранных студентов являются инженерные и технологические специальности (22 %), медицина (20 %), экономика и менеджмент (39 %), то есть высококвалифицированные профессии, которые пользуются большим спросом в Москве⁵⁸. Опыт Лондона показывает возможность использования этого потенциала квалифицированной рабочей силы.

Санкт-Петербург

По сравнению с Москвой Санкт-Петербург является не столь мощным центром привлечения иностранного капитала. Он не является значимым международным хабом: его доля в притоке ПИИ в Россию в 2019 г. составила 4 %, то есть слишком мало для позиции международного хаба в национальной экономике, хотя фондовая биржа города первой в России получила разрешение на совершение сделок с иностранными ценными бумагами. Роль Петербурга как регионального хаба также скромна: иностранные компании предпочитают сам город и его агломерацию, а доля соседней Ленинградской области в притоке ПИИ в Россию в 2019 г. составила 2,5 %. Именно городская экономика Санкт-Петербурга привлекает большую

⁵⁴ Инвестиции на старте: как Московский инновационный кластер помогает найти первых инвесторов // Московский инновационный кластер. 23.12.2022. URL: https://www.mos.ru/city/projects/cluster/?utm_source=search&utm_term=serp (дата обращения: 20.06.2022).

⁵⁵ Global Innovation Index 2020 // WIPO. 2020. URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4514> (accessed: 20.06.2021).

⁵⁶ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года с распределением по странам и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 21.01.2020. URL: <https://web.archive.org/web/20210126133552/https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689602/> (дата обращения: 01.09.2021).

⁵⁷ Обучение иностранных студентов в Российской Федерации // Visasam. URL: <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/inostrannye-studenty-v-rossii.html> (дата обращения: 01.09.2021).

⁵⁸ Россия вошла в список самых привлекательных стран для иностранных студентов // РИА Новости. 03.03.2020. URL: <https://ria.ru/20181210/1547722136.html> (дата обращения: 01.09.2021).

часть ПИИ, в результате чего город систематически занимает второе место по ежегодному количеству новых проектов ПИИ после Москвы⁵⁹.

В отличие от Москвы наибольшая доля ПИИ приходится здесь на обрабатывающие производства (20,1 %) и, что особенно важно, на научно-техническую деятельность (28,5 %). Другие крупнейшие отрасли представлены оптовой торговлей (19,7 %), финансовыми услугами и страхованием (14,5 %) ⁶⁰. Это означает, что конкурентные преимущества для привлечения капитала находятся в самой экономике города.

Конкурентные преимущества города включают в себя, во-первых, промышленный потенциал, выход к морю и портовую инфраструктуру, связи со странами Северной Европы и, что также немаловажно, рекреационные ресурсы. Согласно национальному рейтингу России, Санкт-Петербург обладает самым высоким инвестиционным потенциалом и самыми низкими рисками⁶¹, хотя в этой сфере наблюдаются некоторые трудности, связанные с относительно слабым регулированием и институтами, инвестиционными рисками и коррупцией (Волков, 2018).

С точки зрения международной миграции Санкт-Петербург является вторым по величине центром в России после Москвы и единственным крупным центром в Северо-Западном федеральном округе. Опираясь на официальные данные МВД, можно предположить, что международная трудовая миграция в Санкт-Петербург в 2020 г. составила около 167 тыс. человек (на основании разрешений на работу), что меньше, чем в 2019 г.

⁵⁹ Исследование инвестиционной привлекательности стран Европы: Россия // Ernst & Young. Июнь 2020. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/news/2020/european-attractiveness-survey-russia-2019-rus-final.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

⁶⁰ Direct Investment. Positions by Instrument and Industry in the Context of the Subjects of the Federation // Bank of Russia. 2021. URL: http://www.cbr.ru/eng/statistics/macro_itm/svs/ (accessed: 02.03.2021).

⁶¹ Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов RAEX за 2020 год // RAEX. 22.09.2020. URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2020> (дата обращения: 09.07.2021).

(около 244 тыс.). 97 % иностранных мигрантов приезжают всего из пяти стран (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Армения и Азербайджан)⁶². Их распределение по секторам экономической деятельности — 20 % мигрантов работают в сфере услуг, а 70 % заняты в строительстве (Matveevskaya & Pogodin, 2019) — не соответствует общей структуре занятости в городе, где 15 % работников заняты в образовании, 13 % — в производстве, а 12 % — в торговле. Это означает, что международная трудовая миграция в Санкт-Петербург по-прежнему направлена в отрасли, требующие относительно низко- и среднеквалифицированного труда. Вместе с тем внутренние мигранты из других регионов России занимают рабочие места, требующие высокой квалификации. В 2019 г. население города увеличилось на 20 023 человека только за счет внутренней миграции (чистая международная миграция стала отрицательной)⁶³. Потенциально дальнейший рост производства, научной и технической деятельности потребует привлечения более квалифицированных мигрантов, в том числе иностранных.

Заключение

В заключение следует отметить, что данное исследование подчеркивает значение глобальных городов в привлечении прямых иностранных инвестиций и иностранных трудовых мигрантов. Изучив опыт ведущих европейских глобальных городов, российские города, в частности Москва и Санкт-Петербург, могут извлечь ценные уроки для

⁶² Ситуация на рынке труда Санкт-Петербурга в 2020 году // Аналитический центр Санкт-Петербурга. Март 2021. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/documents/2021/04/26/1_AC_Ситуация_на_рынке_труда_СПб_в_2020_году.pdf (дата обращения: 09.07.2021).

⁶³ Численность и миграция населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2019 г. : статистический бюллетень // ПЕТРОСТАТ. 2020. URL: https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/t1etLBPD/14000320_%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%20%D0%B8%20%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%20%D0%A1%D0%9F%D0%B1%20%D0%B8%20%D0%9B%D0%9E%202019.pdf (дата обращения: 09.07.2021).

укрепления своего глобального положения и стимулирования экономического роста.

Анализ опыта европейских глобальных городов показывает, что в каждом из них существуют свои методы и особенности привлечения ПИИ и иностранной рабочей силы. Лондон является крупным мировым финансовым центром, а Париж специализируется на инновациях и высокотехнологичных отраслях. Амстердам выступает в качестве транзитного узла для ПИИ, а Стокгольм специализируется на современной промышленности. Мадрид занимает центральное место в привлечении ПИИ в Испанию, а Франкфурт и Берлин играют каждый свою особую роль в Германии. Цюрих и Вена привлекают ПИИ в финансовый и высокотехнологичный секторы, а Дублин выступает в роли международного хаба, подобно Лондону. Эти города используют свои сильные стороны и конкурентные преимущества для привлечения инвестиций и квалифицированных трудовых мигрантов.

Сравнивая европейские глобальные города с неевропейскими аналогами, очевидно, что экономическая глобализация может быть достигнута различными способами, такими как международная торговля. Однако активное участие в ПИИ и трудовой миграции по-прежнему имеет решающее значение для глобального статуса города.

Что касается Москвы и Санкт-Петербурга, то у обоих городов есть свои

сильные стороны и области, требующие улучшения. Москва привлекает значительную долю ПИИ и служит региональным хабом, но она может и дальше улучшать свой инвестиционный климат и ориентироваться на такие сектора, как исследования и инновации. Санкт-Петербург, хотя и не так силен в привлечении иностранного капитала, обладает промышленным потенциалом и связями со странами Северной Европы, которые можно использовать. Оба города могут выиграть от увеличения числа квалифицированных мигрантов, которые будут поддерживать их экономический рост.

В целом, используя опыт ведущих европейских глобальных городов, российские глобальные города могут повысить свою привлекательность для ПИИ и иностранных трудовых мигрантов. Используя свои конкурентные преимущества, уделяя внимание конкретным областям, требующим улучшения, и выбирая сектора, соответствующие их сильным сторонам, Москва и Санкт-Петербург могут укрепить свои позиции в качестве глобальных экономических центров и внести вклад в экономическое развитие страны. В дальнейших исследованиях целесообразно распространить этот анализ на другие российские глобальные города, что будет способствовать всестороннему пониманию развития глобальных городов в России.

Поступила в редакцию / Received: 21.11.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 27.10.2022

Принята к публикации / Accepted: 27.12.2023

Библиографический список

- Булатов А. С., Габарта А. А., Сергеев Е. А. Глобальные города зарубежной Европы как объекты приложения прямых иностранных инвестиций // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13, № 6. С. 122–137. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-6-7>
- Булатов А. С., Габарта А. А., Сергеев Е. А. Роль глобальных городов Европы в притоке иностранных капиталов и трудовых мигрантов // *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 95–106. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope4202195106>
- Волков А. Иностранные инвестиции в экономику Санкт-Петербурга и Ленинградской области // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 6. С. 67–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-67-76>
- Лебедева М. М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // *Ойкумена. Региональные исследования*. 2019. № 1. С. 7–16. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-1/7-16>

- Слука Н. А., Карякин В. В., Колясев Е. Ф. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 1. С. 203–226. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-1-11>
- Arner D. W. The Competition of International Financial Centres and the Role of Law // Economic Law as an Economic Good, Its Rule Functioning and Its Tool Function in the Competition of Systems / ed. by K. M. Meessen, M. Bungenberg, A. Puttler. Berlin, New York : Otto Schmidt/De Gruyter European Law pub, 2009. P. 193–210. <https://doi.org/10.1515/9783866538580.3.193>
- Bang J. T., MacDermott R. Does FDI Attract Immigrants? Empirical Gravity Model Approach // International Migration Review. 2019. Vol. 53, no. 1. P. 237–253. <https://doi.org/10.1177/0197918318768554>
- Borjas G. J. Economic Theory and International Migration // International Migration Review. 1989. Vol. 23, no. 3. P. 457–485. <https://doi.org/10.1177/019791838902300304>
- Borjas G. J. Friends and Strangers: The Impact of Immigration on the U.S. Economy. New York : Basic Books, 1990.
- Bulatov A. Offshore Orientation of Russian Federation FDI // Transnational Corporations. 2017. Vol. 24, no. 2. P. 71–89. <https://doi.org/10.18356/ed298a0d-en>
- Castles S., de Haas H., Miller M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. London : Palgrave Macmillan, 2014.
- Cuados A., Martín-Montaner J., Paniagua J. Migration and FDI: the Role of Job Skills // International Review of Economics & Finance. 2019. Vol. 59. P. 318–322. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2018.09.007>
- Katona K., Árva L., Schlett A. Stages of Globalisation: Alternative Ways from Eastern Europe and the Far East. Bratislava : Kalligram, 2013.
- Matveevskaya A. S., Pogodin S. N. St. Petersburg's Experience in Resolving of Urban National Conflicts // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2019. Vol. 35, no. 2. P. 349–357. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.210>
- Palan R. The Second British Empire: The British Empire and the Re-emergence of Global Finance // Legacies of Empire Imperial Roots of the Contemporary Global Order / ed. by S. Halperin, R. Palan. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 46–68. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316271674>
- Piore M. Birds of Passage: Migrant Labour and Industrial Societies. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511572210>
- Sassen S. Global Financial Centers // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78, no. 1. P. 75–87. <https://doi.org/10.2307/20020240>
- Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton : Princeton University Press, 2001. <https://doi.org/10.2307/j.ctt2jc93q>
- Tedeschi M., Vorobeva E., Jahiainen J. S. Transnationalism: Current Debates and New Perspectives // GeoJournal. 2022. Vol. 87, no. 2. P. 603–619. <https://doi.org/10.1007/s10708-020-10271-8>

Сведения об авторах:

Булатов Александр Сергеевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 1483-8615; ORCID: 0000-0003-2167-9457; e-mail: bulatov.moscow@mail.ru

Габарта Анджей Артурович — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 5009-1533; ORCID: 0000-0003-4236-3777; e-mail: a.habarta@inno.mgimo.ru

Сергеев Егор Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 8073-4744; ORCID: 0000-0001-9964-9595; e-mail: sergeev.e.a@my.mgimo.ru

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-159-162

EDN: GDIXNJ

Рецензия на книгу:

Müllerson R. Living in Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer. London : Austin Macauley Publishers, 2021. 219 p.

Ю.С. Безбородов , **Р.М. Халафян** , **И.А. Ведель**

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Российская Федерация
 yury.bezborodov@gmail.com

Для цитирования: Безбородов Ю. С., Халафян Р. М., Ведель И. А. Рецензия на книгу: Müllerson R. Living in Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer. London : Austin Macauley Publishers, 2021. 219 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 159–162. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-159-162>

Book Review:

Müllerson, R. (2021). Living in Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer. London: Austin Macauley Publishers, 219 p.

Yury S. Bezborodov , **Rustam M. Khalafyan** , **Igor A. Vedel**

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation
 yury.bezborodov@gmail.com

For citation: Bezborodov, Yu. S., Khalafyan, R. M., & Vedel, I. A. (2024). Book review: Müllerson, R. (2021). Living in Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer. London: Austin Macauley Publishers, 219 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 159–162. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-159-162>

Рецензируемая монография известного юриста-международника профессора Р.А. Мюллерсона подводит итог его плодотворной деятельности, транслируя бесценный опыт новым поколениям теоретиков и практиков, опыт, содержащий не только международно-правовое

объяснение сложных концептов современной жизни (тоталитаризм, демократизация, либерализм, универсальность, глобализм), но и связывающий их в стройную концепцию. Будучи основанной на широкой доктринальной основе, книга является, по выражению самого

© Безбородов Ю.С., Халафян Р.М., Ведель И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

автора, «отражением субъективного реализма, авторским пониманием философии международного права» (Müllerson, 2021).

Книга не является автобиографией в строгом смысле слова, тем не менее она представляет собой взгляд автора на собственную жизнь и составившие ее события. Среди несомненных достоинств — впечатляющее сочетание из исторических фактов, личных бесед, пронизательных наблюдений, прекрасного чувства юмора и житейского опыта.

Первые главы монографии посвящены детству и юности автора, которые пришлись на послевоенные годы, обучению в МГУ и встречам с людьми, оказавшими влияние на будущую жизнь Р.А. Мюллерсона. В книге дается оценка идеологиям, охватившим мир в тот период истории, отмечаются их сходства и различия. Р.А. Мюллерсон делится впечатлениями о своей научной деятельности в Лондонской школе экономики и политических наук (1992–1994 гг.) и Королевском колледже (1994–2009 гг.). Общими словами свою жизнь в это время проф. Мюллерсон описывает как «преподавание, исследование и практика» (Müllerson, 2021, p. 96). В 1995 г. он стал членом Института международного права. С этого времени начали происходить изменения в его методике преподавания и исследованиях: международно-правовой анализ был дополнен социально-политическим подходом к проблемам вследствие разочарования в верховенстве международного права над политикой и эффективности права в международных отношениях. В этой связи новая книга профессора интересна тем, что в ней при рассмотрении правовых вопросов автор опирался также на политологические, исторические, философские и иные исследования.

Ценный опыт применения норм международного права «на деле» Рейн Мюллерсон получил в статусе советника первого и последнего президента СССР М.С. Горбачева, а позднее (после распада СССР) — заместителя министра иностранных дел Эстонии. В своей книге Р.А. Мюллерсон не просто анализирует свою работу на высоких должностях, но дает оценку важным международно-правовым событиям: заключению Договора о ненападении

между Германией и СССР 1939 г., территориальному спору между СССР и Японией о принадлежности Курильских островов, проблемам с получением гражданства русскоязычным населением Эстонии и др. Размышления автора над этими событиями ярко демонстрируют его опору на факты, приверженность правам и свободам человека, а также международному праву вне зависимости от политической конъюнктуры.

Свою международную деятельность Р.А. Мюллерсон раскрывает на примере работы в Комитете ООН по правам человека (1988–1992 гг.) и в должности Регионального советника Управления Верховного комиссара ООН по правам человека в Центральной Азии (2004–2005 гг.). Погружение в столь чувствительную для государств область послужило для автора мощным триггером для формирования собственного видения сущности прав человека. Отдельные выводы он изложил в своей ранее написанной книге (Мюллерсон, 1991), которая примечательна тем, что в ней раскрыт правозащитный механизм ООН. Тем не менее воззрения исследователя на природу прав человека были сформулированы позднее. Что касается работы в качестве регионального советника, то, по мнению Р.А. Мюллерсона, фактором, препятствующим развитию Центральной Азии, является в том числе диспропорция экономического развития, а особенно — политические системы некоторых стран региона может затруднить достижение компромисса и выход из кризиса.

Несмотря на то, что рецензируемая работа посвящена личным воспоминаниям автора и охватывает богатую событиями жизнь, она повторяет и обобщает ряд важных для него тем и суждений, касающихся международного права. Условно их можно разбить на три группы: права человека, баланс сил как условие успешного функционирования международного права и значение демократии.

Итогом практической работы Р.А. Мюллерсона стали его сомнения в универсальности и естественности *прав человека* (Müllerson, 2021, p. 71). С этим, однако, сложно согласиться в полной мере. Универсальные права как ценности имеют право на существование в

современном мире. Независимо от гражданства каждый человек должен обладать гарантированными государством базовыми правами. Естественность прав человека отражает как позитивные, так и негативные аспекты человеческой природы, что не умаляет значимость прав человека. Неуниверсальный, релятивистский взгляд на права человека является ориентированным на государство взглядом и упускает из виду тот факт, что «права (курсив автора. — Прим. авт.) человека... не зависят от того, что государства или группы государств могут вести себя по-разному, коль скоро это касается их политики, экономики и культуры» (Higgins, 1994, pp. 96–97). Вместе с тем сложно спорить с высказанным в рецензируемой работе мнением, что права человека относятся к категории «динамических явлений», подвержены изменениям и развитию.

Одной из проблем нового тысячелетия стало *отсутствие баланса в военной сфере*. Разрушенная биполярная система мироустройства служит почвой для появления имперских амбиций у государств-гегемонов. В очередной раз Р.А. Мюллерсон выводит правовую аналитику на уровень эффективности международного права в целом. Заметим, что такая концепция не нова, но здесь важно осознание наличия угроз, понимания того факта, что посягательство на сложившееся положение дел препятствует эффективному действию международного права.

В своей работе Р.А. Мюллерсон вновь обращается к пониманию природы *демократии* и ее особенностей в современном мире. По его мнению, демократия связана с такими явлениями, как национализм, капитализм и либерализм. Однако если после Второй мировой войны государствам удавалось балансировать между ними, то в начале XXI в. все заметнее противоречия и антагонизм между этими тремя идеологиями. Кратко автор иллюстрирует это следующим образом: «Чем свободнее рынок, тем больше экономического неравенства; чем больше неравенства, тем меньше будет демократии, и наоборот» (Müllerson, 2021, p. 201).

Представляют также интерес рассуждения автора о существовании *недемократического либерализма*: «Существуют политические режимы, которые можно определить как „либеральные“, но которые испытывают серьезный дефицит демократии» (Müllerson, 2021, p. 212).

Рецензируемая работа проф. Мюллерсона интересна также тем, что в ней автор рассматривает проблемы международного права и международных отношений через призму *морали*, что само по себе уже призывает нас к определенным философским размышлениям. Он полагает, что государства на международной арене исходят из географических, политических, экономических и других реалий, а разговоры о вечной дружбе народов и универсальных (европейских) ценностях в международных отношениях служат лишь прикрытием истинных мотивов поведения. Однако возникает вопрос: можно ли говорить о том, что данный подход оправдывает поведение государства на мировой арене? Очевидно, что ответ — безусловное «нет». В то же время автор справедливо замечает, что «в сегодняшних конфликтах, как международных, так и происходящих внутри страны, редко бывает так, что одна сторона права, а другая абсолютно нет» (Müllerson, 2021, p. 107).

Таким образом, идеи Р.А. Мюллерсона по-прежнему представляют интерес для России, на что обращают внимание и зарубежные специалисты (Mälksoo, 2015, p. 29). Непредвзятость повествования и взвешенность в оценках — хороший пример того, как следует подходить к интерпретации политических событий и улаживанию, казалось бы, неразрешимых противоречий. Такой подход помогает найти столь необходимый компромисс в международных отношениях и международном праве. В этой связи совсем не случайно в название рецензируемой книги включен дополнительный подзаголовок: «Воспоминания юриста-международника — участника и наблюдателя» (*Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer*).

Поступила в редакцию / Received: 25.10.2022
Принята к публикации / Accepted: 23.12.2023

Библиографический список

- Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. Москва : Юридическая литература, 1991.
Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. Oxford : Clarendon Press, 1994.
Mälksoo L. Russian Approaches to International Law. New York : Oxford University Press, 2015.
Müllerson R. Living in Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer. London : Austin Macauley Publishers, 2021.

References

- Higgins, R. (1994). *Problems and process: International law and how we use it*. Oxford: Clarendon Press.
Mälksoo, L. (2015). *Russian approaches to international law*. New York: Oxford University Press.
Müllerson, R. (2021). *Living in Interesting Times: Curse or Chance? Recollections of an International Lawyer — Participant and Observer*. London: Austin Macauley Publishers.
Müllerson, R. A. (1991). *Human rights: Theory, norms and practice*. Moscow: Juridicheskaja literature publ. (In Russian).

Сведения об авторах:

Безбородов Юрий Сергеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева; eLibrary SPIN-код: 4688-6271; ORCID: 0000-0002-5782-417X; e-mail: yury.bezborodov@gmail.com

Халафян Рустам Мартикович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева; eLibrary SPIN-код: 1248-4743; ORCID: 0000-0001-7072-2234; e-mail: rustam_halafyan@mail.ru

Ведель Игорь Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева; eLibrary SPIN-код: 2817-4590; ORCID: 0000-0003-4855-0047; e-mail: igor_wedel@mail.ru

About the authors:

Bezborodov Yury Sergeevich — PhD, Dr. of Sc. (Law), Professor, International Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev; eLibrary SPIN-code: 4688-6271; ORCID: 0000-0002-5782-417X; e-mail: yury.bezborodov@gmail.com

Khalafyan Rustam Marticovich — PhD (Law), Associate Professor, International Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev; eLibrary SPIN-code: 1248-4743; ORCID: 0000-0001-7072-2234; e-mail: rustam_halafyan@mail.ru

Vedel Igor Anatolyevich — PhD (Law), Associate Professor, International Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev; eLibrary SPIN-code: 2817-4590; ORCID: 0000-0003-4855-0047; e-mail: igor_wedel@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-163-166

EDN: GGJQRY

Рецензия на книгу:
**Stevenson J. Overseas Bases and US Strategy: Optimising America's
Military Footprint. Abingdon : Routledge, 2022. 140 p.**

М.А. Никулин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 nikulin-ma@rudn.ru

Для цитирования: Никулин М. А. Рецензия на книгу: Stevenson J. Overseas Bases and US Strategy: Optimising America's Military Footprint. Abingdon : Routledge, 2022. 140 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 163–166. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-163-166>

Book Review:
**Stevenson, J. (2022). Overseas Bases and US Strategy:
Optimising America's Military Footprint. Abingdon: Routledge, 140 p.**

Maksim A. Nikulin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 nikulin-ma@rudn.ru

For citation: Nikulin, M. A. (2024). Book review: Stevenson, J. (2022). Overseas Bases and US Strategy: Optimising America's Military Footprint. Abingdon: Routledge, 140 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 163–166. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-163-166>

Одной из самых обсуждаемых внешнеполитических тем в США является глобальное военное развертывание. На сегодняшний день США обладают 750 военными базами, размещенными практически в каждом регионе мира¹. Поддержание такого уровня глобального развертывания Вооруженных Сил (ВС) США вызывает серьезную дискуссию среди военных и политических экспертов, в результате чего все чаще звучат призывы о необходимости пересмотреть политику размещения военных баз за рубежом².

Среди исследований, посвященных данной теме, — работа Д. Стивенсона, главного редактора журнала *Survival*, издаваемого британским Международным институтом стратегических исследований. В книге автор фокусируется на двух составляющих размещения ВС США за рубежом: поиске компромисса между их уязвимостью и оперативностью, а также балансе между экономией финансовых средств в мирное время и увеличением операционных затрат на проецирование силы и боевое

¹ Vine D. Lists of US Military Bases Abroad, 1776–2021 // American University Digital Research Archive. July 4, 2021. URL: <https://doi.org/10.17606/7em4-hb13> (accessed: 15.12.2023).

² См.: Cohen R. S. Why Overseas Military Bases Continue to Make Sense for the United States // War on the Rocks. January 14, 2021. URL: <https://warontherocks.com/2021/01/why-overseas-military-bases-continue-to-make-sense-for-the-united-states/> (accessed: 15.12.2023).

© Никулин М.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

развертывание в результате сокращения базирования за рубежом.

В рецензируемой работе автор придерживается мнения, что США в своей внешнеполитической деятельности должны больше внимания уделять дипломатическим инструментам, нежели чем военно-политическим, которые нужно использовать более сдержанно (Stevenson, 2022, p. 10). При этом он сразу дает понять, что присутствие ВС США в Республике Корея и Японии скорее не подлежит пересмотру, так как позволяет сдерживать КНР и КНДР (Stevenson, 2022, p. 10). В случае же с другими тремя регионами — Европой, Индо-Тихоокеанским регионом (ИТР) и Ближним Востоком — потребность в масштабном присутствии (например, как в годы холодной войны) ВС США отсутствует, поскольку Вашингтон может использовать более гибкие и значительные инструменты воздействия, например загоризонтные возможности (*over-the-horizon capabilities*), то есть использование сил ВВС США и крылатых ракет.

Монография состоит из шести глав, две из которых посвящены месту американских баз за рубежом в большой стратегии США, в трех следующих главах автор описывает, как оптимизировать военно-политическое присутствие США на Ближнем Востоке, в ИТР и Европе. В последней главе автор подводит итоги своему исследованию.

Основная идея рецензируемой книги заключается в том, что Вашингтону необходимо пересмотреть свою политику в области базирования за рубежом по ряду причин, среди которых главная — это научно-технический прогресс в области вооружений. Если ранее основной угрозой для американских баз являлась дальняя авиация и ракетно-ядерное оружие СССР, то после 1991 г. ситуация изменилась. В XXI в. ракетное вооружение появилось у большего количества государств, в первую очередь у КНДР и Ирана, причем Пхеньян обладает и ядерным оружием.

Здесь следует отметить, что автор выделяет основную проблему при размещении

баз — поиск компромисса между оперативным размещением боеготовых сил в конкретно взятом регионе и их уязвимостью для ударов со стороны потенциального противника. В своей аргументации он опирается на доклад *RAND Corporation*, подготовленный коллективом авторов под руководством Альберта Уолстеттера в 1954 г., где исследователи попытались ответить на вопрос о том, как экономически эффективно разместить базы Стратегического командования ВВС США (SAC)³. В докладе сделан вывод о том, что наступательные военные преимущества, обеспечиваемые базированием дальних бомбардировщиков SAC на передовых зарубежных базах — вблизи целей и в соответствии с политическим консенсусом времен холодной войны, — не перекрывают их высокую уязвимость к внезапному нападению со стороны СССР. Размещение стратегических бомбардировочных сил вдали от Советского Союза снизит оперативность первого удара США и уязвимость сил к упреждающему нападению и, следовательно, облегчит нанесение эффективного второго удара при гораздо меньших затратах. После выхода этого доклада большая часть американских дальних бомбардировщиков была передислоцирована во внутренние районы США. Таким образом, по мнению Д. Стивенсона, размещенные или переброшенные на базы силы могут быстрее и оперативнее реагировать на действия потенциального противника, но они также будут больше подвержены различным рискам, например внезапному военному нападению, институциональным слабостям и политической чувствительности принимающих правительств, а также могут стать привлекательной целью для террористических атак (Stevenson, 2022, p. 20).

Особый интерес представляют главы, посвященные региональному разрезу глобального развертывания США.

³ Wohlstetter A.J., Hoffman F.S., Lutz R.J., Rowen H.S. R-266: Selection and Use of Strategic Air Bases (Report) // RAND Corporation. April 1954. URL: <http://www.rand.org/pubs/reports/R0266.html> (accessed: 15.12.2023).

В главе, посвященной присутствию сил США на Ближнем Востоке, автор высказывает мысль, что в ближайшем будущем Вашингтон и Тегеран вряд ли придут к соглашению по вопросам ядерной программы и в целом по вопросам безопасности в зоне Персидского залива (Stevenson, 2022, p. 54), поэтому США продолжают сохранять свое присутствие в регионе. Однако с учетом роста глобальной конкуренции США необходимо сконцентрировать внимание на трех ключевых объектах — базе ВВС Эль-Удейд в Катаре, базе ВВС Аль-Дафра в ОАЭ и штаб-квартире 5-го флота США в Манаме, Бахрейн. Остальные силы могли бы быть передислоцированы в США и заменены либо на ротационное размещение авианосных или экспедиционных ударных групп, либо на базы меньшего размера, размещенные вне Персидского залива, например в Омане (порт Дукм) (Stevenson, 2022, pp. 60—68).

В контексте американо-китайского противостояния в ИТР Д. Стивенсон отмечает, что военные базы в регионе выполняют не только военную, но и политическую роль, являясь публичной демонстрацией силовых возможностей США и приверженности Вашингтона своим союзным обязательствам (Stevenson, 2022, p. 80). При этом, учитывая первоочередную роль ВВС и ВМС США в регионе, что отражает особенности потенциального театра военных действий, именно здесь США могут сократить свое постоянное военное присутствие. Это связано с тем, что основными интересами Вашингтона в регионе являются поддержание режима свободы судоходства, содействие мировой торговле и защита региональных союзников, что, по мнению автора книги, не подразумевает необходимости установления американских зон контроля в ИТР (Stevenson, 2022, p. 71).

В случае с Европой ученый считает, что политика России в Восточной Европе отдала возможное сокращение американских войск в этой части мира (Stevenson, 2022, p. 83). При этом, признавая, что Североатлантический альянс располагает достаточными

ресурсами, персоналом и техникой, Д. Стивенсон утверждает, что без активного американского присутствия в Европе НАТО может столкнуться с проблемой сдерживания России. Это косвенно подтверждается запуском в апреле 2014 г. операции «Атлантическая решимость» (*Atlantic Resolve*)⁴, в рамках которой США размещают в Европе на ротационной основе (на 9 месяцев) бронетанковые, авиационные и логистические оперативные группы. Сюда же можно отнести и размещение с 2015 г. американского тяжелого вооружения в странах Восточной Европы, получившее название *European Activity Set*⁵. В итоге, как полагает Д. Стивенсон, США и странам НАТО необходимо усилить свое присутствие на восточном фланге за счет увеличения размещенных по ротации сил и создания зоны A2/D2 (Stevenson, 2022, pp. 90—92).

В заключение следует отметить, что рецензируемая монография оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, в исследовании представлен авторский взгляд на тему глобального военного развертывания США, с другой — автор слабо раскрыл заявленную тему «оптимизации» военного присутствия США за рубежом, что хорошо видно по главе, посвященной Европе. Как представляется, до тех пор пока внешняя политика США будет сохранять милитаризованный характер⁶, никакой оптимизации, а тем более кардинального сокращения военных баз США за рубежом не произойдет.

⁴ Atlantic Resolve // U.S. Army Europe and Africa. URL: <https://www.europeafrica.army.mil/AtlanticResolve/> (accessed: 15.12.2023).

⁵ Establishing Europe's Army Pre-positioned Stocks // U.S. Army. URL: https://www.army.mil/article/192455/establishing_europes_army_pre_positioned_stocks (accessed: 15.12.2023).

⁶ Quainton A.C.E. Militarization and Marginalization of American Diplomacy and Foreign Policy // American Diplomacy. March 2018. URL: <https://americandiplomacy.web.unc.edu/2018/03/militarization-and-marginalization-of-american-diplomacy-and-foreign-policy/> (accessed: 15.12.2023).

Библиографический список / References

Stevenson, J. (2022). *Overseas bases and US strategy: Optimising America's military footprint*. Abingdon: Routledge.

Сведения об авторе:

Никулин Максим Андреевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3133-2404; ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: nikulin-ma@rudn.ru

About the author:

Nikulin Maksim Andreevich — PhD (History), Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; eLibrary SPIN-code: 3133-2404; ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: nikulin-ma@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-167-170

EDN: GHXZBX

Рецензия на книгу:
To Write the Africa World / ed. by A. Mbembe, F. Sarr.
Cambridge; Hoboken, NJ : Polity Press, 2023. 324 p.

Н.А. Медушевский^{1,2}

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 medushevskiy-na@rudn.ru

Для цитирования: Медушевский Н. А. Рецензия на книгу: To Write the Africa World / ed. by A. Mbembe, F. Sarr. Cambridge; Hoboken, NJ : Polity Press, 2023. 324 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 167–170. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-167-170>

Book Review:
Mbembe, A., & Sarr, F. (Eds.). (2023). To Write the Africa World.
Cambridge; Hoboken, NJ: Polity Press, 324 p.

Nikolaj A. Medushevsky^{1,2}

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow Russian Federation

 medushevskiy-na@rudn.ru

For citation: Medushevsky, N. A. (2024). Book review: Mbembe, A., & Sarr, F. (Eds.). (2023). To Write the Africa World. Cambridge; Hoboken, NJ: Polity Press, 324 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 167–170. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-167-170>

Рецензируемая монография была опубликована в 2023 г., став результатом работы группы африканских исследователей — участников выставки *Ateliers de la pensée* («Мастерских мысли») в 2016 г. в Дакаре. Ранее эти материалы издавались частично на французском языке и ограниченным тиражом, что препятствовало их широкой популяризации.

Тем не менее работы данного авторского коллектива, собранные в одной книге под редакцией А. Мбембе (*Achille Mbembe*) и Ф. Сарра (*Felwine Sarr*), представляют исследовательский интерес и крайне важны для формирования современного взгляда на

разнообразные процессы, происходящие на Африканском континенте, а также на уровне африканских диаспор.

Сам по себе факт того, что в 2016 г. 30 интеллектуалов и художников из Африки, ее диаспор и других стран собрались вместе в Дакаре и Сен-Луи, Сенегал, чтобы поразмышлять о настоящем и будущем Африки в разгар преобразований, охвативших современный мир, вызывает глубокое уважение, и, на наш взгляд, свидетельствует о том, что на Африканском континенте развивается локальная экспертиза и формируется собственное аналитическое сообщество.

© Медушевский Н.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Объектом изучения монографии *To Write the Africa World*, как заявляют сами авторы, является подведение итогов обновления критической мысли афро-диаспоры и обсуждение новых перспектив, возникающих в результате текущих проектов по созданию политических, культурных и социальных образов для Африканского континента и за его пределами. Как представляется, публикация этой монографии именно в 2023 г. особенно актуальна с учетом того, что модель Франсафрики находится в глубоком кризисе и такие страны, как Мали, Нигер, Буркина-Фасо, Центральноафриканская Республика и многие другие, все сильнее отдаляются от бывшей метрополии и предпринимают радикальные попытки разорвать неокOLONIALНЫЕ узы.

В связи с этим авторы монографии затрагивают широкий круг вопросов, включая деколонизацию, развитие социальных систем и поиск новых форм политического, экономического и социального развития на Африканском континенте. На этом пути ими движет желание создать новые понятные рамки, через которые можно увидеть нынешние реалии Африки и ее будущее. В целом для работы характерен выраженный африканоцентризм, что обуславливает ее новизну и непохожесть на многие другие работы по этой проблематике, написанные в русле европоцентризма.

Исследователи представляют Африку как претендента на основную «сцену», где разыгрывается будущее планеты. В то же время континент представляется им в виде лаборатории, в которой мир апробирует новые социальные, экономические, политические и культурные модели, нередко вступающие в конфликт с национальным традиционным мировосприятием, что, в свою очередь, порождает новые синтетические пути развития.

Интересно, что некоторые авторы книги рассуждают о том, что современный мир «преследует призрак его собственного конца», и это как раз обусловлено кризисом европоцентризма и смещением политических процессов в сторону Глобального Юга, где Африка может стать своеобразной

«отправной точкой», так как «единственная Африка, которая существует, — это та, которая будет создана» (*To Write the Africa World*, 2023).

В этой связи следует отметить, что авторы работы, рассуждая об «африканском мире», исходят из тезиса Э. Глиссана о *Tout-Monde* («мире в целом»), который движется по пути универсализации при сохранении локальной уникальности. Как отмечал Э. Глиссан в своей работе 1981 г., «озабоченность универсальным является отчужденной обратной стороной уникальной западной претензии осуществлять универсальный контроль» (Glissant, 1981, p. 224), и сторонники Антилланите (*Antillanité*)¹ должны занять «твердую оппозицию любой идеологии универсальной культуры» (Glissant, 1981, p. 213). Исходя из этого авторы монографии заявляют, что в реальности Африка всегда оставалась частью мира со всей самодостаточностью и полноценностью, несмотря на желание метрополий представить ее как неполноценного сателлита с догоняющим развитием.

В самой работе данная общая идея распадается на целый комплекс авторских интерпретаций под разными углами зрения. Так, например, А. Мбембе и Ф. Сарр в главе «Думая о новом столетии» размышляют о месте Африки в меняющемся мире и о тех сильных и слабых сторонах развития, которыми этот континент обладает и которые помогут ему вырваться вперед в глобальном цивилизационном развитии.

М. Диуф в главе «Универсализм: испытание историей коренных народов» обращается к вопросу локальной идентичности и ее трансформации (а в некоторых случаях и упадка) под воздействием комплексного развития государств в русле заложенной неокOLONIALИЗМом парадигмы.

Н. Яла Кисукиди («Африканская Летиция: философия, деколонизация, меланхолия») рассуждает о сложности выбора нового пути

¹ Антилланите — литературное и политическое движение, возникшее в 1960-х гг. в среде творческой интеллигенции Мартиники, которое подчеркивает создание особой идентичности Вест-Индии из множества этнических и культурных элементов (*Прим. ред.*).

развития для африканских обществ, необходимость которого становится очевидна в процессе деколонизации.

Такие авторы, как Б. Сиссе («Заново открываем африканскую современность») и Х. Бентоухами («Как можно быть африканцем?»), на страницах книги рассуждают о проблемах африканской идентичности и об африканце как представителе современного глобализирующегося мира, человеке, который в силу последствий колониализма часто не может иметь равных возможностей с жителями других континентов. Это в свою очередь указывает на историческую несправедливость, которая должна быть преодолена.

Б. Мве-Ондо («Новое открытие смысла») и С. Коджо-Гранво («Самоуважение: создание собственного смысла / Прокладывание собственного пути») рассуждают о том, что страны Африки, равно как и весь континент, не должны оставаться заложниками западных стереотипов, предписывающих конформистский вектор развития. Вместо этого африканские общества сами должны определять свои приоритеты и действовать в соответствии с национальной выгодой, в том числе осуществляя межгосударственное сотрудничество.

Н. Самба Силла в главе «Перед лицом демографических проблем и технологических мутаций: есть ли будущее у хорошо оплачиваемой работы в Африке?» обращается к более прагматичной проблематике, выраженной в низком уровне жизни и благосостояния большинства африканцев, что связано как с традиционным восприятием семьи и брака, так и с отсутствием реальных возможностей получить высокооплачиваемую работу и хорошее образование.

Заключительный крупный блок тем, представленный разделами А. Сека («Исцеление общества»), С. Чака («Пути универсума»),

Н. Ндойе («Переосмысление мира: Гуссерль после колонии»), Ф. Сарра («Писать о гуманитарных науках с точки зрения Африки») и А. Мбембе («Осмысляя мир с точки зрения Африки»), объединен проблемой поиска новой парадигмы развития, подходящей разным странам континента и способной трансформировать как идентичность самих африканцев, так и их восприятие в рамках глобального сообщества.

Не случайным в этой связи является обращение Н. Ндойе к работам Э. Гуссерля, который, в частности, рассуждал о структуре интенционального переживания сознания, которое состоит из ноэзиса, то есть реального содержания переживания, и ноэмы, когда содержание переживания рассматривается в связке с чем-то трансцендентным, выходящим за пределы чувственного опыта индивида (Гуссерль, 1999, pp. 208–209, 253–266, 277–280), как, например, опыт и историческая судьба народов Африки.

Таким образом, авторы книги создают у читателя устойчивое впечатление, что Африка, по выражению Л. Миано, «это повествование», которое продолжается в будущем (To Write the Africa World, 2023, p. 77).

Нельзя сказать, что книга полностью лишена недостатков, к которым некоторые читатели могут отнести выраженный уклон в сторону панафриканизма и достаточно жесткое отрицание колониального и неоколониального исторических периодов, закрепление за ними однозначно негативного ярлыка. Тем не менее рецензируемая работа является крайне интересной для любого исследователя современной Африки или специалиста-международника, так как показывает развитие континента через новую, до этого практически не применявшуюся, призму исследования.

Поступила в редакцию / Received: 07.09.2023
Принята к публикации / Accepted: 23.12.2023

Библиографический список

- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии : Т. 1. Москва : ДИК, 1999.
Glissant E. Le Discours Antillais. Paris : Editions de Seuil, 1981.
To Write the Africa World / ed. by A. Mbembe, F. Sarr. Cambridge; Hoboken, NJ : Polity Press, 2023.

References

- Glissant, E. (1981). *Le discours antillais*. Paris: Editions de Seuil.
- Gusserl, E. (1999). *Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy* (Vol. 1). Moscow: DIK publ. (In Russian).
- Mbembe, A., & Sarr, F. (Eds.). (2023). *To write the Africa world*. Cambridge; Hoboken, NJ: Polity Press.

Сведения об авторе:

Медушевский Николай Андреевич — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки, Российский государственный гуманитарный университет; доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 4547-0007; ORCID: 0000-0003-0475-6713; e-mail: medushevskiy-na@rudn.ru

About the author:

Medushevsky Nikolaj Andreevich — PhD, Dr. of Sc. (Political Sciences), Professor, Department of Modern East and Africa, Russian State University for the Humanities; Associate Professor, Department of Comparative Politics, RUDN University; eLibrary SPIN-code: 4547-0007; ORCID: 0000-0003-0475-6713; e-mail: medushevskiy-na@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-171-174

EDN: GJDPPS

Рецензия на книгу:
Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities /
ed. by F. Roumate. Cham: Springer, 2021. 255 p.

Г.Р. Суфиянова , **Е.О. Муслимова**

Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

 g.r.sufyanova@utmn.ru

Для цитирования: Суфиянова Г. Р., Муслимова Е. О. Рецензия на книгу: Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities / ed. by F. Roumate. Cham : Springer, 2021. 255 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 171–174. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-171-174>

Book Review:
Roumate, F. (Ed.). (2021). Artificial Intelligence and Digital Diplomacy:
Challenges and Opportunities. Cham: Springer, 255 p.

Gulnur R. Sufyanova , **Ekaterina O. Muslimova**

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

 g.r.sufyanova@utmn.ru

For citation: Sufyanova, G. R., & Muslimova, E. O. (2024). Book review: Roumate, F. (Ed.). (2021). Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities. Cham: Springer, 255 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 171–174. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-171-174>

Активный процесс цифровизации — перехода на цифровые процессы и технологии — затрагивает не только технологические сферы, экономику, бизнес, образование, но и международные отношения. Цифровизация оказывает серьезное влияние на дипломатию как с точки зрения форм, в которых последняя воплощается, так и в аспекте работы дипломатических ведомств на всех уровнях. Развитие цифровых инструментов кардинальным образом изменило структуру, методы, направления дипломатической деятельности, а новые технологии стали, с одной стороны, главным вызовом традиционной дипломатии, а с другой — ее серьезным подспорьем. Общение в социальных сетях предоставило дипломатам

возможность не только намного оперативнее взаимодействовать с зарубежными партнерами, но и напрямую озвучивать позицию и вступать в полемику с оппонентами. Однако, как утверждают Б. Хокинг и Я. Мелиссен, «использование веб-сайтов и социальных сетей и других онлайн-платформ в публичной дипломатии — это лишь верхушка цифрового айсберга» (Hocking & Melissen, 2015, p. 218).

Использование цифровых технологий в дипломатии сопровождается активными дискуссиями о возможностях внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в дипломатическую практику. Следует отметить, что ИИ уже применяется некоторыми странами, в том числе для решения вопросов

© Суфиянова Г.Р., Муслимова Е.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

международного сотрудничества. В частности, подобные интеллектуальные решения уже активно используются в Китае для работы дипломатами сценариев развития событий на международной арене. К искусственному интеллекту все чаще прибегают не только в рамках обеспечения национальной безопасности (применение беспилотных систем вооружений), но и в контексте экономической дипломатии и торговых переговоров. Например, ведущими IT-компаниями разрабатываются когнитивные ассистенты и консультанты, позволяющие анализировать большие данные в сложных технических аспектах торговли, что существенно ускоряет формирование оптимальных торговых стратегий в условиях конкуренции¹.

Коллективная монография под редакцией Фатимы Румат посвящена трансформации дипломатии в цифровую эпоху, а также проблемам использования технологий искусственного интеллекта в международных отношениях. В каждой главе, написанной определенными экспертами, представлено тематическое исследование, охватывающее новую тему: международное регулирование Интернета и цифровой дипломатии, взаимодействие искусственного интеллекта и кибердипломатии, использование социальных сетей и искусственного интеллекта как инструментов цифровой дипломатии.

Тематически монография включает в себя два раздела. Первый — посвящен изучению влияния технологий искусственного интеллекта на дипломатическую службу и дипломатические практики. Авторы описывают, как ИИ влияет на дипломатию, а также освещают роль дипломатии в условиях растущей международной конкуренции в области разработки и использования технологии искусственного интеллекта. Затрагивая множество аспектов, связанных с использованием ИИ,

исследователи пытаются ответить на следующие вопросы:

— Как изменится дипломатия в XXI в. под его влиянием?

— Сможет ли искусственный интеллект изменить дипломатическую практику?

— Приведет ли использование ИИ к отказу от традиционных дипломатических стратегий или расширит спектр инструментов имеющихся практик дипломатии?

М. Вакарелу, сотрудник Национальной школы политологии и управления (Бухарест, Румыния), отмечает, что искусственный интеллект оказывает влияние на дипломатию в двух направлениях: изменяя среду, в которой дипломатам и сотрудникам консульств предстоит работать, и предлагая дипломатам новые инструменты для решения их профессиональных задач. По его мнению, ИИ может оказать положительное влияние на работу дипломатов, оптимизируя и повышая эффективность некоторых бюрократических функций. Так, искусственный интеллект может быть полезен в переговорной деятельности (с точки зрения анализа прошедших переговоров или даже помощи дипломатам в прогнозировании переговорных процессов, которые еще не завершены). ИИ может активно способствовать преодолению языкового барьера в общении между представителями стран за счет улучшения синхронного перевода посредством контекстного, а не машинного речевого перевода, который используется сегодня. Кроме того, допустимо использовать ИИ для обеспечения безопасности дипломатических миссий и проверки информации (распознавания изображений и компьютеризированной обработки информации).

Вероятно, дипломатия будет одной из последних сфер, которые уступят натиску искусственного интеллекта. Вряд ли международные отношения будут осуществляться без непосредственного и постоянного межличностного контакта. Как отмечает Т.В. Зонова, «трудно поверить, что переговоры о ценностях и интересах могут быть доверены машине и что доверие и взаимопонимание, основа успешной дипломатической деятельности, будут достигнуты путем использования

¹ Лисоволик Я. Искусственный интеллект в международных отношениях: эпоха «цифровой дипломатии» // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/iskusstvennyy-intellekt-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-epokha-tsifrovoy-diplomatii/> (дата обращения: 13.02.2023).

механических средств. Дипломатия была и остается методом институционализированной, в основном межличностной, коммуникации, направленной на посредничество, примирение и развитие сотрудничества². Однако это не исключает того, что ИИ, вероятно, укрепит свои позиции в международных отношениях и дипломатии, поскольку технологические возможности в настоящее время становятся ключевым конкурентным преимуществом в борьбе за власть на международной арене.

Рассматривая взаимодействие и взаимовлияние цифровизации и дипломатии в нескольких плоскостях (цифровизация для дипломатии, дипломатия для цифровизации и цифровизация в дипломатии), авторы разделов «Новые угрозы кибербезопасности для дипломатии» и «Цифровизация между безопасностью и порядком и демократией и либерализмом» Я. Симич и Ж. Даскаловски отмечают, что неопределенность и уязвимость, порожденные быстрым распространением ИИ, могут стать основным потенциальным источником нестабильности и стратегического соперничества великих держав. По мнению исследователей, мы уже живем в условиях «технологической холодной войны», или «холодной войны 2.0», главными участниками которой являются Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика. Так, Министерство иностранных дел Китая объявило о планах использовать технологии ИИ для облегчения работы дипломатов в китайской инициативе «Пояса и пути». Сбалансировать амбиции Китая в доминировании в новых технологиях пытался экс-президент США Д. Трамп, который в феврале 2019 г. подписал указ № 13859 о сохранении лидерства США в области ИИ (Roumate, 2021, p. 123).

Таким образом, искусственный интеллект превратился в стратегический актив, эволюция которого влияет на различные

сферы: экономический рост, интеграцию и национальную безопасность. Авторы раздела «Искусственный интеллект: новый инструмент для кибердипломатии» А. Барджаону и Б.-Ф. Череди дополняют, что технологическая гонка может стать самой горячей областью американо-китайского соперничества. Что касается Европейского союза (ЕС), то пока он озабочен в большей степени этическими и правовыми аспектами использования ИИ, чем технологическими разработками (Roumate, 2021, p. 128). Как утверждает М. Эльхальди, киберреволюция бросает вызов государственному цифровому суверенитету, кибербезопасности и порождает новые угрозы в области глобального сетевого управления Интернетом. В то же время необходимость обеспечения кибербезопасности, защиты персональных данных граждан создает риски для либеральной демократии и может способствовать цифровому авторитаризму.

Вторая часть монографии представляет собой тематические исследования, посвященные изучению опыта и результатов цифровой дипломатии посольств и официальных представителей более 30 европейских, африканских и азиатских стран в Финляндии, представительства США на Ближнем Востоке и Северной Африке, британского посольства в Египте, а также дипмиссий Пакистана и Китая в контексте реализации китайско-пакистанского экономического коридора.

Примечательным является исследование Э. Влеминка, независимого исследователя из Эдинбурга (Великобритания), рассматривающего европейскую цифровую дипломатию в отношении Российской Федерации после начала украинского кризиса. С помощью контент-анализа активности посольств и официальных представителей ЕС, Нидерландов и Италии в социальных сетях оцениваются цели и задачи европейской цифровой дипломатии в отношении России в период с июля 2018 г. по июль 2019 г. Утверждается, что европейская цифровая дипломатическая практика в отношении России, неоднородная по своему характеру, представляет собой не только важное средство распространения информации, но и ценный инструмент для

² Зонова Т. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 13.02.2023).

продвижения и брендинга европейских стран и ЕС путем установления отношений с российской аудиторией, с одной стороны, и политического влияния — с другой. Важным выводом автора является утверждение о том, что цифровая дипломатия для стран Европейского союза является лишь дополнительным, а не революционно преобразующим дипломатическую практику инструментом коммуникации (Roumate, 2021, p. 142).

Таким образом, рецензируемая коллективная монография является попыткой комплексного рассмотрения потенциала искусственного интеллекта и цифровых

технологий в дипломатии и международных отношениях. Подробно освещенные в книге теоретические и практические аспекты цифровой трансформации публичной дипломатии, использования ИИ внешнеполитическими ведомствами, приведенные результаты количественного и качественного анализа могут быть интересны исследователям в области международных отношений, дипломатии, безопасности, практикам в области экономики и политики, а также всем интересующимся вопросами цифровизации и искусственного интеллекта.

Поступила в редакцию / Received: 15.05.2023
Принята к публикации / Accepted: 23.12.2023

Библиографический список /References

- Hocking, B., & Melissen, J. (2015). *Diplomacy in the digital age*. The Hague: Clingendael Institute.
Roumate, F. (Ed.). (2021). *Artificial intelligence and digital diplomacy: Challenges and Opportunities*. Cham: Springer.

Сведения об авторах:

Суфиянова Гульнур Рафаэлевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Тюменский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 6677-5100; ORCID: 0000-0002-9020-7771; e-mail: g.r.sufyanova@utmn.ru

Муслимова Екатерина Олеговна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Тюменский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 8481-1917; ORCID: 0000-0003-3866-450X; e-mail: e.o.muslimova@utmn.ru

About the authors:

Sufyanova Gulnur Rafaelevna — PhD (History), Associate Professor, Department of International Relations and Regional Studies, University of Tyumen; eLibrary SPIN-code: 6677-5100; ORCID: 0000-0002-9020-7771; e-mail: g.r.sufyanova@utmn.ru

Muslimova Ekaterina Olegovna — PhD (History), Associate Professor, Department of International Relations and Regional Studies, University of Tyumen; eLibrary SPIN-code: 8481-1917; ORCID: 0000-0003-3866-450X; e-mail: e.o.muslimova@utmn.ru